

*Он хочет
погубить ее...*

БЕССЕРДЕЧНЫЙ

Автор бестселлеров
ДЖЕЙД ВЕСТ

В одно мгновение она становится моей одержимостью...

Илэйн Константин будет моей.

И ее разрушение — это лишь начало.

Всю свою жизнь я знал, что семья Константин заслуживает того, чтобы их стерли с лица земли, а от их особняка остался лишь дымящийся кратер. Таков был план, пока я не увидел ее — женщину в золотом, с греховными изгибами и светлыми локонами. Мое желание властвовать над ней стало таким же глубоким, как и ненависть к ее фамилии.

И неважно, как красиво она выгибается в моих руках, я оставлю ее разбитой, сломанной игрушкой для ее жестокой семьи.

Я садист, а она — объект моей одержимости.

Джейд Вест

Бессердечный

Серия: Обреченные влюбленные #1

(про разных героев)

Переводчик: Ленуся Л., Катерина К..

Редакторы: Ксения В., Катя И..

Вычитка и оформление: Юлия Ц.

Обложка: Таня П.

Специально для группы: К.N ★ Переводы книг

(vk.com/kn_books)

Люциан

Я всегда был чудовищем, рыскающим в поисках запретного, но даже для меня та ночь стала верхом безумия.

Я пробрался сквозь толпу гостей в черной кожаной маске, скрывающей половину моего лица. Был прямо в центре всего этого — напыщенной чуши, раздутого притворства, фальшивых поцелуев и искусственных улыбок. Всего того, что я и ожидал от семьи Константин.

— Шампанское, сэр?

Я покачал головой и уставился на маленькую официантку злобным взглядом.

— Минеральную воду.

— Да, сэр. Конечно, сэр.

Она поспешила прочь, на ходу позвякивая подносом с бокалами.

Бал-маскарад в честь совершеннолетия Тинсли Константин был в самом разгаре. Сотни напыщенных дураков, разодетые в глупые идиотские костюмы, болтали, а я извивался среди них, словно виноградная лоза с невидимыми шипами.

Я мог чувствовать их запах — семьи Константин. Они шли через зал, двигаясь сквозь толпу с этими своими идиотскими блондинистыми паклями. Вивиан, Китон и Тинсли, собственной персоной, гарцевали, словно на съемочной площадке, но не так, как Кэролайн. Мать этого проклятого отряда была одета как какая-то снежная королева. На ней была нелепая бриллиантовая маска, и она ухмылялась каждому, кто проходил мимо, будто была королевской особой. От одного ее вида меня затошнило.

Но несмотря на все ее усилия, не Кэролайн Константин притягивала мое внимание, словно черная дыра. Это была женщина в золотом. Женщина, царствующая в этой комнате, даже не прилагая усилий.

На ней была венецианская маска, которая закрывала большую часть ее лица, что я едва мог разглядеть ее черты, но это не имело значения. Мне и не нужно было видеть ее лицо. Видимых частей ее тела было достаточно, чтобы свести меня с ума.

Я наблюдал, как она порхала от гостя к гостю, делая маленькие глотки игристого напитка и смеясь с каждым, будто они были самыми веселыми людьми, которых она когда-либо встречала. Ее смех напоминал хихиканье школьницы с налетом сексуальности в нижних нотах. Этого было достаточно, чтобы заставить меня скрежетать зубами. И все же я не мог оторвать от нее взгляда.

Золотистый шелк ее бального платья идеально сидел на ее безупречном теле. Покатые изгибы в форме песочных часов — великолепный чарующий бюст, подчеркивающий элегантность ее стройной шеи. О, как бы мне хотелось сдавливать эту шею в своих руках, пока я трахал бы ее достаточно грубо, чтобы причинить боль.

Ее светлые кудри были закручены в завитки, переливающиеся бриллиантами. Ее маникюр был идеален и блестел под стать, сверкая под светом люстры каждый раз, когда она протягивала руку для поцелуя какому-нибудь идиоту.

Похоть и отвращение были пьянящим сочетанием, скручиваясь в моем животе... и вместе с тем пульсируя в моем члене.

Должно быть, она — Константин. От нее так и разило этой семейкой.

Я не мог решить, хочу ли я поцеловать или убить эту суку, но одно знал наверняка.

Мне нестерпимо хотелось взять ее тело.

Медленно.

Глубоко.

Болезненно.

Я хотел видеть, как ей больно. Хотел услышать, как она плачет. Хотел чувствовать, как ее тело борется со мной, пока та умоляет меня остановиться, хотя ее киска кричала о желании большего.

— Теренс Кингсли? Не ожидал увидеть тебя здесь!

Я повернулся на голос рядом с собой и нацепил свою лучшую фальшивую улыбку.

Это был барон Роулингс, его раздутое красное лицо можно было с легкостью узнать под оперной маской. Господи, даже британская аристократия прилетела на это дерьмовое шоу.

Я схватил его потную руку и пожал ее.

— Добрый вечер, барон. Рад Вас видеть.

Мой фальшивый акцент был очень хорошо отрепетированным и *восхитительно британским*.

— Мне понравилась твоя последняя статья, — сказал он мне. — О семье Уиндли и их инвестиционных разоблачениях. Отличное расследование.

Я ухмыльнулся, скорее себе, чем ему.

— Что ж, спасибо. Я очень рад, что «*Нэшнл Телеграф*» решили его напечатать.

Его кивок и хлопок по спине сказали мне, что я действительно *неплохо справлялся с ролью* Теренса Кингсли. Что было очень кстати, учитывая, что я в мгновение ока оказался бы мертв, узнай кто-нибудь, что в резиденции Константин находился Люциан Морелли.

Прошлой осенью я лично наблюдал за кончиной этого парня. Приятным бонусом стало то, что у этого идиота журналиста осталась целая куча статей, ожидающих печати. Так что постоянные релизы помогали людям верить, что он все еще был жив. Каким же умелым маленьким говнюком он оказался.

Теренс Кингсли был довольно талантливым мастером слова. Какая жалость, что он решил написать о моих преступлениях для «*Нэшнл Телеграф*». Пока-пока, придурок.

Еще одним полезным бонусом было то, что на первый взгляд он мог сойти за моего близнеца, особенно на таком маскараде, как этот. Bravo, Теренс. Bravo.

Официантка принесла мне минеральную воду и поспешила прочь с еще одним «*спасибо, сэ, спасибо*».

Я слушал болтовню барона Роулингса, терпя из последних сил. Он нагло пытался заставить меня написать статью о нем и его наследии. Даже сам Теренс Кингсли закатил бы глаза при этих словах.

Когда с возгласом «*Роулингс!*» подошел лорд Эддингтон, я воспользовался моментом, чтобы уйти, но там была она, словно выжидала, чтобы поразить меня, — женщина в золотом.

Она прошла мимо, направляясь к следующей небольшой группе гостей, достаточно близко, чтобы я смог почувствовать ее аромат. Орхидея и слива. Богатый. Шикарный. Фальшивый.

Я видел, что женщина была совершенно пьяной. Без сомнения, под действием коктейля из кокаина и шампанского. Это буквально витало в воздухе вокруг нее. А потом я услышал торопливый перестук ее каблучков по полированному полу. Но было в ней что-то и от него.

Что-то... темное...

Секреты.

Я видел их внутри нее, они горели глубоко. Пропась в ее фасаде, которую люди не замечали.

Шумная миниатюрная девица в красном бросилась к ней.

— Илэйн! О боже, Илэйн! Ты выглядишь *П-О-Т-Р-Я-С-А-Ю-Щ-Е!*

Это открытие буквально сбило меня с ног. Seriously, блядь, сбило с ног.

Женщина в золотом была *Илэйн* гребаной *Константин*. Позор всей семьи Константин.

Я знал о ней все — ненормальной тусовщице с отчаянными глазами. Она постоянно зависала то на шумных окраинах Бишоп-Лэндинга, то посещала клубы Нью-Йорка и регулярно попадала на страницы каждого чертова таблоида, который готов был опубликовать ее выходки. Я должен был узнать ее за километр, в венецианской маске та или нет.

Я оглядел комнату, но было и так очевидно, на кого был устремлен мой взгляд. Задним умом все умны, как говорится. Кэролайн, стиснув зубы, хмуро посмотрела в ее сторону, когда Илэйн снова хрипло рассмеялась. Если бы женщина в золотом не была дочерью главы семьи Константин, то уже давно была бы мертва.

Как и я, если бы не был *Теренсом Кингсли*.

Думаю, это сделало нас двумя гребаными горошинами в одном гребаном стручке.

И это заставило мой член пульсировать сильнее.

Я прошел позади нее, слегка задев, и она повернула ко мне голову. Именно тогда я впервые посмотрел на нее. Жестокая. Смелая. Опасная.

Сука в красном смеялась над какой-то ерундой, сказанной кем-то из окружения Бишоп-Лэндинга, но это не имело значения. В этот момент, повернувшись лицом ко мне, Илэйн Константин было наплевать на сплетни.

Она тяжело сглотнула, когда наши взгляды встретились. И мне не нужно было видеть остальную часть ее лица, я достаточно прочел в ее взгляде, чтобы понять — она словно лань, оказалась поймана в свете фар. Ее глаза были синими озерами, разбитыми и нуждающимися, захваченными холодом моих, темных, как сожженный уголь.

Я не улыбнулся, а только отошел в сторону, будто она не стоила моего внимания, будто была всего лишь ложкой дегтя в моей бочке меда. Это сделало ее глаза еще более отчаянными, и они проследовали за мной через толпу.

Я чувствовал его на себе. Чувствовал ее любопытство.

Всего за несколько секунд Илэйн Константин отчаянно нуждалась во мне.

Она и весь остальной чертов мир.

Я потягивал свою минеральную воду и разговаривал о политике с ребятами из семьи Уэстонов у казино, намеренно игнорируя ее, когда она направилась в мою сторону.

Она шла сквозь толпу. Наши взгляды встретились.

Мой взгляд был холодным, ее — голодным.

Вокруг нас было много людей, но она все равно шла ближе ко мне, словно мотылек, летящий на свет.

Ей следовало выучить урок еще будучи маленькой девочкой — любопытство сгубило кошку. Очевидно, этого не произошло. Потому что продолжала продвигаться вперед, изо всех сил стараясь сохранить хладнокровие, но безуспешно. И мне это нравилось, я ухмыльнулся про себя, когда она оказалась почти рядом со мной. Эта золотая сирена шла на самоубийство.

Девушка уже была почти рядом. Почти. Но не совсем. И тут загремела песня «С Днем Рождения тебя», когда вакханалия празднования достигла своего апогея. Вся банда братьев и сестер семьи Константин собралась вокруг именинницы, а потом во главе процессии появился огромный торт. Они выглядели такими чертовски гордыми глупой маленькой сучкой, что подпрыгивали на месте от нетерпения.

Но не женщина в золотом, она не выглядела гордой из-за кого-либо в этом зале в этот вечер. Она не присоединилась к своим братьям и сестрам. Не хлопала вместе с процессией и не пела никаких счастливых песен.

Нет.

Илэйн Константин ничего из этого не делала, лишь выпила еще один бокал шампанского, прежде чем отступить к заднему входу. Никто не следил за ней так пристально, как я. Каждое ее движение было пропитано грустью, которая для такого хищника как я была словно кровь в воде. Возможно, это был счастливый День Рождения для Тинсли, но на самом деле дети в семье Константин были далеко не в порядке. С Илэйн определено было не все в порядке.

Интересно.

Может, я позволю кошечке пожить немного дольше, пока играю с ней.

Последовав за ней, я думал больше членом, нежели мозгом. Я крался за ней по пятам, пока люди приветствовали Тинсли. Я действительно был чудовищем, гонявшимся за запретным. Да еще и сумасшедшим.

Когда я вышел в коридор, настигнув ее, Илэйн впивалась наманикюренными пальцами в свой клатч. Я точно знал, что она ищет, но не дал ей шанса добраться до этого.

Она ахнула, когда я развернул ее к себе лицом, и взвизгнула, когда с силой прижал ее к стене.

— Ты что, черт возьми, с ума сошел? — прошипела она. — Какого хрена? Кем, мать твою, ты себя возомнил?

Она попыталась оттолкнуть меня, но я не сдвинулся с места.

Ее голубые глаза под маской были огромными, словно блюдца.

— Тебе лучше убраться от меня подальше к чертовой матери! Ты что, не знаешь, кто я такая? — Она бросила быстрый взгляд в конец коридора и понизила голос. — Разве ты не знаешь, что они сделают с тобой, если увидят тебя со мной?

Коридор был пуст, все были поглощены ерундой в честь празднования Дня Рождения Тинсли Константин, поэтому я ухмыльнулся.

— Я чертовски хорошо знаю, кто ты, *Илэйн*. — сказал я и просунул свое бедро меж ее бедрами.

Ее глаза еще больше расширились сквозь блеск маски. Я не боялся ее сумасшедшей семейки, но ее слова подтвердили, насколько изолированной они ее держали. Она могла общаться на людях, но они отрежут член любому мужчине, кто посмеет прикоснуться к их маленькой принцессе.

— Тогда ты действительно гребаный сумасшедший, — сказала она. — Одно прикосновение ко мне может убить тебя в считанные секунды. Секунды!

Я пожал плечами, все еще ухмыляясь.

— Но этого не произойдет.

Она стиснула зубы.

— Я могла бы закричать!

— Но ты этого не сделаешь. — Я обернул руку вокруг ее шеи и прижался своими губами к ее.

Наверно, я действительно был гребаным сумасшедшим.

Я ненавидел ее — женщину в золотом. Я ненавидел в ней все. Все, что касалось семьи Константин. Все, что касалось этого жалкого гребаного шоу в этом ничтожном вычурном поместье.

Я ненавидел ее запах. Ненавидел ее вкус. Ненавидел ее гребаный голос, и взгляд, и ее гребаную жизнь.

Но все же я хотел ее.

Безумие.

Мой рот был грубым, а руки еще грубее. Бедром я сильно прижался к ее киске, попав в нужное место, чтобы заставить ее вздрогнуть.

Она должна была бороться. Кричать. Сражаться. Но нет. В припадке собственного безумия, в разгар празднования Дня Рождения своей сестры эта глупая женщина поцеловала меня в ответ.

Запретное, но это слово даже и близко не отражало все это.

Она уронила на пол свой клатч, задыхаясь от моего поцелуя, но то, как та танцевала своим языком с моим, было совсем другим опытом, чем я мог себе представить. Она была нетерпелива и нервозна — все, чего я никогда не ожидал от наследницы миллиардов, пристраившейся к светской жизни.

О да, этот ее язычок был... слишком чертовски восторженным.

И тогда я кое-что понял. Прямо здесь и сейчас. Илэйн Константин была не из тех двадцатилетних девушек, которые трахались с каждым красивым членом в Штатах. Не такой, как желтая пресса и сплетни заставляли верить. Илэйн Константин была девушкой, которая не знала, что, черт возьми, она делала. Сломанная игрушка, потрескавшаяся изнутри, но все еще красиво улыбающаяся через окно своей нетронутой коробки.

— Мы должны прекратить это, — простонала она сквозь поцелуи. — Это безумие.

— Я никогда ни перед чем не останавливаюсь, — возразил я и просунул руку между ее бедер.

Ее золотое шелковое платье и кружевные трусики под ним были тонкой вуалью, прикрывающую ее влажную щелочку. Я чувствовал ее жар. Восхитительно. Она раздвинула ноги и обвила руками мою шею, терлась о мою руку, как кошка в период течки.

— Ты действительно сумасшедший, — прошипела она, и была права.

Я был сумасшедшим. Я был сумасшедшим с самого рождения.

Я провел ее по коридору и втолкнул в богато украшенную ванную комнату. Дверь чертовски громко хлопнула, когда я втолкнул ее внутрь, мы проделали еще несколько шагов, пока не закрылись в туалете, но мне было все равно. Я задрал ее платье, покусывая за шею, и в то же время, пальцами сильно впиваясь в ее клитор.

— Прими это как хорошая маленькая сучка или я сделаю тебе чертовски больно, — прорычал я и почувствовал, как ее прошибает дрожь.

Шок и что-то еще. Нечто более глубокое.

Ее глаза изучали мои, пока я лапал ее. Требовательно.

— Кто ты такой, черт возьми? — задыхаясь, спросила она. — Я тебя знаю?

— Я твой истинный заклятый враг, — сказал я и вошел в нее двумя пальцами.

Она была такой тугой, что у меня потекли слюнки.

Сучка застонала для меня.

— Никто меня не тронет. Никогда. Они не позволят.

Я рассмеялся ей в лицо и отбросил британский акцент.

— Я беру, кого хочу и когда хочу.

Вот тогда-то у нее должно быть что-то щелкнуло. Она оттолкнула меня достаточно сильно, чтобы сорвать маску.

Потрясение на ее лице было божественным.

— Нет! Нет! Этого не может быть! Это не можешь быть ты! Боже. О мой гребанный Бог...

Я все еще смеялся.

— О, это я, милая. Я. Тебе лучше поверить в это.

— Люциан Морелли! Какого хрена? Ты Люциан чертов Морелли!

— Приятно познакомиться, Илэйн Константин, — сказал я и скрутил внутри нее пальцы.

Илэйн

Нет. Нет. Нет.

Это не имело смысла. Это просто не могло иметь смысла.

Пальцы Люциана Морелли — ЛЮЦИАНА МОРЕЛЛИ — оказались во мне на бал-маскараде в честь моей сестры.

Как этот чертов мир повернулся так, что пальцы Люциана Морелли оказались во мне на бал-маскараде в честь моей сестры?

Теперь он — мертвец. Теперь мы оба мертвецы. Черт. ЧЕРТ.

Моя голова кружилась, живот крутило так, что меня бы вырвало, если внутри было бы что-нибудь еще кроме шампанского.

— Как тебе удалось пробраться сюда? — задала я вопрос, но даже на пике мощнейшего шторма, развернувшегося вокруг меня, моему телу было плевать на ответ. Оно думало только о нем.

Несмотря на головокружение и тошноту, моя плоть жила по своим законам, действиями показывая желание большего. Мои чувства кричали, я нуждалась в нем. Нуждалась в мужчине, который бы, наконец, сделал меня своей. Наконец.

Но этим мужчиной не мог стать он.

Пожалуйста, боже, нет.

Им не мог стать Люциан Морелли.

Он раздвинул мои бедра шире и поднял меня выше по стене, ни капельки не испытывая чувства страха. Даже в этот момент, точно зная, на что я способна, несмотря на охрану вокруг нас, он не колебался. Не стеснялся. Плевать хотел на все, что я произносила.

Стало очевидно, что Люциан Морелли ничего не боялся. Этот мужчина оказался дьяволом, который правит преисподней.

— Я попадаю туда, куда хочу и когда хочу, — сказал он, и я в этом не сомневалась.

Я выдала свою речь:

— Если я расскажу хоть единой душе, что ты здесь, тебе не удастся выбраться отсюда живым. Ты же это понимаешь, да? Ты дурак.

Он ответил мгновенно.

— Если бы я хоть на секунду подумал, что ты кому-то об этом расскажешь, ты бы была уже мертва, дорогая.

Морелли мог бы свернуть мне шею, не вынимая из меня пальцев, и я знала об этом. Ему бы удалось выбраться с вражеской территории еще до того, как кто-нибудь заметил мое отсутствие. Хотя никто особо и не волновался бы, если бы я пропала — скорее всего, мама даже была бы благодарна. Она бы подняла бокал шампанского за мою смерть, пока никто не видел.

Не будучи накаченной кокаином и шампанским, я бы окаменела на месте. Мышка в лапах Люциана Морелли — главы всего клана Морелли с тех пор, как отец передал ему бразды правления.

Он был зверем. Злобным зверем. Который каждый день своей жизни посвящал стремлению разрушить мою семью. Клятва, данная на крови.

Возможно, мне выпала честь стать следующей несчастной маленькой жертвой его миссии.

Возможно, меня это даже не волновало. Возможно, для меня это стало бы благословением. Желанным так долго, как существовал мир.

Я разрывалась между криком о помощи и принятием своего положения — игрушка в его объятиях. Потому что, возможно, я, наконец, узнала бы, каково это почувствовать в себе член до того, как сделаю свой последний вдох.

Именно в этот момент громче остальных во мне заговорил кокаин. Именно в этот момент кокаин, мое учащенное дыхание и покалывание между ног засмеялись надо мной и сказали, что я сама пожелала быть игрушкой в объятиях Люциана Морелли.

И я сделала это.

Развела шире ноги для дьявола, устроившегося между ними, и поцеловала его. Я поцеловала его и надеялась, что он сделает мне больно. Надеялась, что он сделает мой первый раз таким, чтобы я вечно боялась повторения этого действия. Особенно, если мое «вечно» не продлится так уж и долго.

Монстр прижал мои запястья к стене над головой.

Да. Сделай это.

Я улыбнулась ему, мои губы распухли после его укусов. Я чувствовала себя шлюхой и разговаривала подобно ей.

— Трахни меня, — шептала я. — Покажи, каким дерзким можешь быть, Морелли, и трахни меня.

Он вонзил свои пальцы еще глубже, и его ухмылка приобрела такой зловещий оттенок, что могла сжечь солнце.

— Ну, ну, ну, — произнес он. — Я бы никогда не подумал, что Илэйн Константин окажется девственницей.

Мой желудок сжался. Буквально сжался.

Как он это понял? Как, мать вашу, он смог это понять? Неужели было настолько очевидно, что я маленькая глупенькая девочка, которая никогда не принимала в себя член?

Вероятно, да. Вероятно, я оказалась куском дерьма в его куче.

Одно было понятно наверняка — даже если он не был уверен точно, то румянец на моих щеках подтвердил его правоту.

Я была девственницей.

Безнадежной девственницей, жаждавшей прикосновений. Действий. Грубого секса до боли.

От причинения боли самой себе меня могло спасти только одно — человек, который сделает это за меня.

— Сделай это, — шипела я. — Покажи мне, какой ты плохой мальчик, и трахни меня, Морелли. Трахни меня и умри за это.

Он бы сделал это. Я знала, что сделал бы. Потому что видела неприкрытое желание в его глазах, сосредоточенных на моих, пока тот спускал мои трусики вниз по бедрам. Я бы потеряла свою девственность у стены в туалете с задранном до пояса платьем и была бы благодарна за это.

Но у Люциана Морелли не было шанса.

Нас обоих привел в чувства стук в дверь и звуки шагов. Мужских шагов. Приближающихся шагов.

— Илэйн? Ты здесь? Твой клатч валялся на полу снаружи, ты разума лишилась?

Люциан молчал, как и я. Наши лица разделяли считанные сантиметры, дыхание было прерывистым.

— Илэйн?! Ты здесь? Серьезно, какого черта ты думала? Твоя мама не на шутку взбесится. По меньшей мере, бери свой кокаин с собой, когда хочешь поссать.

О нет.

Нет.

Это был Сайлас. Мой кузен и один из немногих, кого я считала близким человеком.

Мой кузен ворвался в туалетную комнату без секундного промедления, застав меня прямо в объятиях заклятого врага нашей семьи. Даже будучи прижатой мужчиной, я не могла скрыть того, как нуждалась в нем. Это было очевидно.

Стыд стал превосходить все мои истерзанные эмоции, когда Сайлас отшатнулся, широко открыв рот.

Люциан опустил меня на ноги и уставился на него, даже не занервничав.

— Ты труп, — прошипел Сайлас и указал на него пальцем. — Ты мертвец, Морелли. Ты никогда не выберешься отсюда живым.

Люциан усмехнулся, наклонившись, чтобы поднять свою маску.

— Если я сегодня умру, Рузвельт, весь ваш мир рухнет за считанные дни. — Он засмеялся и сделал шаг в его сторону, произнеся «бум» и изобразив руками взрыв.

Наконец, я пришла в себя.

— ИДИ! — взвизгнула я и толкнула его в спину. — Убирайся отсюда!

Сайлас молчал, понимая — монстр говорил правду. Как бы ему не было тяжело это признать, но Люциан Морелли был прав. Если бы старшего сына семьи Морелли убили на вечеринке по случаю Дня Рождения Тинсли Константин, ей бы первой перерезали горло.

Тинсли, а затем мне.

Хотя, опять же, это могло стать черным подарком судьбы.

Наши семьи враждовали на протяжении десятилетий, миллиардеры убивали друг друга ради веселья, все это время мы проливали кровь друг друга. Моей семье лучше, чем его, удавалось скрывать коррупцию от мира — умнее и культурнее, но это было неважно. Мы все были повязаны одними путами жестокости и криминала, добывая богатство и власть любой ценой.

Наркотики, оружие, торговля людьми, аферы... неважно что. Мы все погрязли в этом по уши.

Никто не чувствовал разницы, кроме нас, конечно: полиция и судебные органы принадлежали нам, что давало чувство вседозволенности.

— Свали отсюда, Морелли! — вновь прорычал Сайлас, и Люциан засмеялся, надевая маску.

— Я все равно уже собирался уходить, — ответил монстр моему кузену и, проходя мимо, хлопнул его по плечу. — Это место — просто посмешище. Ваша вечеринка отлично ему соответствует.

На этот счет он тоже оказался прав. Вечеринка была посмешищем. Притворные идиоты пели под одни и те же идиотские мелодии. В нашем мире никому ни до кого не было дела.

Я еще раз взглянула на этого монстра, впитывая его образ в свете освещения туалетной комнаты.

Хотя этим мужчиной оказался Люциан Морелли, и я ненавидела его всеми фибрами

своей души, он был чертовски красив. Черты лица казались простыми, но мужественными. Линии скул были высечены словно у статуи.

Он представлял собой противоположность меня и всех нас, членов семьи Константин. Темноволосый, в противовес нашим светлым локонам. Его волосы были уложены так, что темные пряди были откинута назад, а глаза казались черными омутами. Широкие плечи сужались до узких бедер. Надетый на нем смокинг идеально сидел на его безумно сексуальной фигуре.

Люциан Морелли был богом.

Дьявольским богом.

— Никогда не возвращайся, — сказала я ему. — Я серьезно, Морелли. Если ты когда-нибудь сюда вернешься, я буду кричать, пока не схохну.

— Буду с нетерпением ждать, — произнес он и, еще раз усмехнувшись, покинул туалетную комнату.

Дверь за ним захлопнулась, Сайлас схватил меня за руку и дернул к себе. Он прижал к груди и покачал головой.

— Начни лечение, пока из-за тебя нас всех не поубивали. У него есть три минуты, потом я скажу охране, что он на территории, и больше меня это не касается. И с тобой возиться я тоже больше не буду.

— Он схватил меня и прижал к стене, — произнесла я, но Сайлас усмехнулся.

— Я видел, как ты смотрела на него, Илэйн. Ты хотела его. Ты хотела, чтобы этот кусок дерьма трахнул тебя. Ты не заслуживаешь носить имя Константин.

Кузен, который был близок мне все мое детство, смотрел на меня с отвращением. Практически с таким же отвращением, как и на Морелли.

Во мне разгорались чувства предательства и стыда.

Сайлас не стал задерживаться, чтобы проверить, в порядке ли я, и просто ушел, не попрощавшись. Да, теперь можно было сказать точно. Последний член семьи, который не желал, чтобы я сгнила в аду, кроме кузины Харриет, которая обожала все и всех с бьющимся сердцем, списал меня со счетов. Теперь Сайлас присоединился к команде «Ненавидим Илэйн» вместе с остальными. Отлично. Крутое достижение.

Я хотела вдохнуть очередную порцию кокаина и отправиться обратно на вечеринку, но легче бы от этого мне не стало. Я могла бы утрамбовать в себя все наркотики мира, но это не стерло бы ненависть из моих глаз, когда я смотрелась в зеркало.

Если бы только кто-нибудь знал правду.

Если бы только они знали обо всей грязи, которая превратила меня в маленького печального фрика, которым я стала по мере взросления.

Но для этого было уже слишком поздно.

Было поздно уже для всего — оставалось только уничтожить себя как можно скорее. Возможно, однажды я наберусь смелости и закончу свою жизнь. Возможно.

Как жаль, что Люциан Морелли не прикончил меня, сделав из меня мученицу. Он бы подарил мне отличный секс перед убийством.

К черту.

К черту все и его тоже к черту.

Я вернулась на вечеринку и напилась до беспамятства.

Люциан

Я должен был сразу отправиться в «Буйные радости» и трахнуть любую, кого захотелось бы, мучая долго и жестко, прежде чем, наконец, ворваться в ее киску. В этом вся прелесть владения собственным БДСМ-клубом — вы относитесь ко всему вот так. Все, кто был там, были моими. Они принадлежали мне, как и здание, в котором они играли в свои грязные игры. Они просто не знали этого.

Это было идеальное развлечение в моем распоряжении, и мне не нужно было и пальцем шевелить, чтобы следить за этим местом. Кларк Вентана делал всю грязную работу, а я наживался на прибыли. Мы были типа командой. И все же в этот вечер эта команда ничего для меня не значила.

Мой водитель был чертовски напуган, когда подъехал к задней части комплекса Константин и открыл для меня заднюю дверь. Он помог мне забраться внутрь так быстро, как только смог, и вернулся на водительское место. Трентон уже был на связи, когда я опустил на кожаное сиденье.

— Мне нужна одна из девочек Рекса. Сейчас. — Я сделал паузу, чтобы почувствовать запах Илэйн на своих пальцах. — Блондинка. Голубые глаза. Молоденькая.

Он прочистил горло.

— Где ты хочешь ее видеть?

За окном проносился район Бишоп-Лэндинг, когда я дал свой ответ. Я был на грани. Мне нужен был центр города.

— Апартаменты в центре.

— Конечно. Я привезу ее в течение часа.

Я закончил разговор, не поблагодарив его. Для такого человека, как я, благодарность ограничивалась особыми случаями.

— Ты слышал? — спросил я водителя.

— Нет, сэр. — Он покачал головой, притворяясь, что не слышал ни слова из того, что я говорил. Умный ход с его стороны.

— Апартаменты в центре.

Апартаменты были одним из трех моих владений, расположенных в центре Нью-Йорка. По крайней мере, маленькая блондинистая шлюха насладится хорошим видом на горизонт, пока я буду ее трахать.

Я снял маску и выбросил ее в окно задолго до того, как машина остановилась у центрального входа. Я практически почувствовал облегчение водителя, когда вышел из машины. *Ссыкло.*

Я глубоко вдыхал городской воздух, пока добирался до дверей, а затем шагнул внутрь. Я любил этот город. Любил шум; любил жизнь; любил острые ощущения. Конечно, за свои тридцать пять лет на этой земле я много путешествовал, но еще ни одно место не захватило меня так, как этот город.

Стоящие за главной стойкой служащие склонили головы в знак приветствия, когда я проходил мимо, но я проигнорировал их, направившись напрямиком к лифту.

Я в мгновение ока достиг тридцать второго этажа, как кивнул верхней камере, проезжая

мимо тридцать первого. Моя служба безопасности всегда находилась в повышенной боевой готовности. Любой, кто хотел бы попытаться добраться до моих апартаментов, не смог бы сделать этого, если не хотел, чтобы его остановили и пристрелили. Мой сутенер — Рекс Хэллоувэй — будет в полной безопасности с той сукой, которую я заказал, но мало кто мог сказать то же самое.

Я стоял у окна, любуясь городскими огнями, когда раздался стук в дверь. Потом неспеша пошел открывать, заставляя ждать.

Рекс прибыл в течение часа. Отличное обслуживание. Как и должно быть, ведь я платил за его «услуги» целое состояние.

Он кивнул мне и передал девчонку. Она была маленькой. Напуганной. Хорошенькой. Совершенной, в пределах моей краткой инструкции... но ее волосы не были натуральными светлыми.

— Некачественный продукт, — заметил я. — Лучше бы она оказалось настоящей гребаной девственницей, а то тебе придется заплатить за это.

— Сжатые сроки, — ответил он. — Я пришлю тебе бесплатно получше, когда будешь заказывать в следующий раз.

Я захлопнул дверь у него перед носом.

Девушка не знала, что делать. На ней было кружевное белье — белое и милое. Оно подходило ей. Не обращая на нее внимания, я направился обратно в гостиную, и та последовала за мной маленькими изящными шажками.

— Как тебя зовут? — спросил я. Ее голос слегка дрожал, когда она ответила.

— Натали, сэр.

— Ну, Натали, сегодня ты Илэйн, поняла?

Она кивнула.

— Илэйн.

Я ухмыльнулся. Она станет забавным завоеванием.

— На колени и ползи ко мне.

Девчонка замерла. Напуганная.

— Я *сказал* встань на свои гребаные колени и ползи ко мне.

Она опустилась на пол — прекрасный контраст с черной мраморной плиткой — и сделала, как ей было велено. Член в штанах напрягся, когда «Илэйн» приблизилась к моим ногам и посмотрела на меня своими милыми голубыми глазами.

— Сколько тебе лет? — спросил я, она не отводила от меня глаз.

— Восемнадцать, сэр.

— Ты когда-нибудь брала член раньше? — спросил я, и она покачала головой.

— Нет, сэр.

— Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

Она кивнула.

— Да, сэр.

— Более убедительно.

Она кивнула сильнее.

— Да, сэр! Пожалуйста, сэр!

— Покажи мне, — приказал я. — Покажи, как сильно ты хочешь, чтобы тебя трахнул Люциан Морелли.

Я сел в свое кожаное кресло, а она стояла на коленях, не зная, что ей, черт возьми,

делать. Мне это понравилось. Понравилось, как нервозность отразилась на ее стройном маленьком теле.

Она не могла сойти за Илэйн Константин, но будет весело заставить ее попытаться.

Я щелкнул пальцами.

— Иди сюда и покажи, как сильно ты возбуждена для меня, крошка.

И снова она сделала то, что ей было велено. Девчонка устроилась у меня между ног и стянула белое кружево с груди. Сладкие маленькие холмики, созревшие для укусов. Она щелкнула себя по соскам и сжала плоть. Они были маленькими. Милыми. Не такие большие, как у Илэйн Константин, но все равно жаждущие боли.

— Сядь и раздвинь для меня ноги, — сказал я. — Покажи мне, как жаждет твоя киска.

Она откинулась на кафель, сняла трусики и раздвинула ноги. Ее киска была выбрита и блестела. Милая маленькая невинная щель.

— Поиграй со своим симпатичным влажным клитором, крошка, — приказал я. — Но не смей входить пальцами.

Дрожание ее пальцев сказало мне, что инструкции были излишни. Она не стала бы совать в себя пальцы. Я сомневался, что что-либо когда-либо было внутри ее восхитительно маленькой киски.

Я видел, как в ее голове роились мысли, и было в этой крошке что-то особенное. Что-то, чего я давно не видел. Что-то, что напоминало мне об Илэйн Константин гораздо больше, чем ее белокурая красота.

Любопытство.

Девушке было любопытно.

— Поговори со мной, — прошептал я. — Скажи мне, о чем ты думаешь.

Она все еще нервничала, но в ее глазах снова вспыхнуло любопытство.

— Говорят, что ты... — она замолчала. — Говорят, что это... хорошо... что это может быть приятно...

— Кто так говорит?

— Другие девочки, — ответила она. — Они говорят, что ты делаешь больно... но они говорят, что это хорошо... говорят, что это действительно классно... — Она опустила взгляд в пол. — Говорят, что *ты* действительно хорош.

Я наклонился и сжал ее щеки рукой, поворачивая ее лицо из стороны в сторону. Она была красавицей. У меня уже давно не было такой красотки.

— Девушки всегда кончают со мной, — сказал я. — Отдайся мне, и я заставлю тебя кончить для меня. Обещаю, что тебе будет больно — и очень больно — но ты захочешь этого. Ты будешь умолять о большем, когда я закончу с тобой.

Любопытство разгорелось в ней еще ярче, а потом она начала растирать свой клитор.

В этом отношении девчонка не была невинной. Уж слишком умело та орудовала пальцами.

Мой рот наполнился слюной, а член начал пульсировать, пока я смотрел, как она дразнит себя, отчаянно желая погрузить в нее пальцы и растянуть ее.

— Скажи мне, что ты хочешь узнать, каково это, когда тебе делают больно и трахают, — прошипел я, и она всхлипнула.

— Я хочу этого, сэр. Пожалуйста.

Похоже, Рекс доставил мне послушную маленькую шлюшку.

— Садись ко мне на колени, — велел я, и она расслабилась, широко разведя свои ноги,

когда забралась на меня.

Я спустил белое кружево ниже с ее сисек и сильно сжал их, щелкая по маленьким бусинам напряженно торчащих вершин груди большими пальцами.

— Как много ты знаешь о боли, милая? — спросил я.

Та пожала плечами.

— Немного.

— Что ты знаешь о боли?

Ее глаза были настолько искренними.

— Отчим бил меня, когда я была маленькой. Своим ремнем. Он говорил, что это сделает меня хорошей девочкой.

— Это заставило тебя почувствовать себя хорошей девочкой?

Она покачала головой.

— Нет.

У меня потекли слюни.

— Я заставлю тебя почувствовать себя хорошей девочкой своим ремнем, милая, обещаю.

У нее пересохло во рту. Я видел, как она попыталась сглотнуть.

— С удовольствием, сэр. Мне бы хотелось стать хорошей девочкой для Вас.

Я сильнее сжал ее грудь, заставив поморщиться.

— Боль — прекрасная вещь. Заставляет тело петть и возвращает к жизни. Ирония в том, что ты чувствуешь себя наиболее живым, когда вот-вот умрешь, не так ли?

В ее глазах мелькнул страх, и я рассмеялся.

— Не волнуйся, дорогая. Ты не умрешь. Сегодня ночью ты в полной безопасности со мной, даже если мне этого не хочется.

Она выдохнула. Поверила мне. Хорошо, потому что я, может быть, и самый злой человек на планете, но я не лжец.

Девушка вскрикнула, когда я первый раз шлепнул ее по груди, слегка покачиваясь, когда боль притупилась до покалывания. Мне нравилось, как розовый цвет расцветал на бледной коже.

— Приготовься к долгой ночи, *Илэйн*, — сказал я и склонил голову достаточно низко, чтобы укусить.

Она прижалась ко мне бедрами, когда я причинил боль ее сиськам. Я сосал, кусал, шлепал, заставлял ее страдать, но это была медленная пытка. Такая медленная, что ее тело запуталось, и дрожь превратилась в стоны. Так всегда происходило с плотью — удовольствие и боль сплетались в сложный танец.

Она выгнула спину навстречу мне, и из ее киски начало капать мне на штаны, пока я играл, играл... играл. Мои щелчки по ее клитору заставили ее задыхаться, и несмотря на слезы, катившиеся из глаз, она улыбалась.

Да.

Она хотела меня.

Я стянул с нее через голову белье и отбросил на пол. Затем с легкостью приподнял ее, пока она не встала, расставив ноги по обе стороны от меня на кресле. Ее ноги дрожали, когда я притянул ее к себе и провел языком по ее щелке. Я ласкал ее, пока девчонка не запустила руки мне в волосы, она всхлипывала, бедра дрожали.

Да.

Илэйн отчаянно нуждалась во мне.

Я играл на ее теле, как на скрипке с туго натянутыми струнами.

Использовал ее тело для ее же удовольствия, девушка содрогалась до дрожи, превращающей ее в дикое создание, и она просила о большем. Потому что это я. Я хозяин во всем, что делал, всегда... но я показывал самую лучшую сторону монстра, когда подчинял себе болью и удовольствием.

Я сосал эту жаждущую киску, и заставлял *Илэйн* кончать для меня. Снова и снова. Доводил ее до предела, пока она не начала просить, растерзанная и дрожащая, настолько потерянная для всего, что она скулила, умоляя о моем члене внутри нее. Но не сейчас, пока она не испробует обещанный ремень.

Я поднялся на ноги, заставил ее перекинуться через подлокотник кресла, прижал ладонь к основанию ее спины и сильно отшлепал эту персиковую задницу, пока она не начала кричать, затем позволил ей перевести дыхание за то короткое время, что мне потребовалось, чтобы вытащить ремень из брюк. Без предупреждения, я взмахнул им так быстро, что ремень опустился с таким резким шлепком и вызвала такой душераздирающий крик маленькой куколочки, что я чуть не кончил в штаны.

Я бил ее снова и снова, пока, наконец — с таким каменным членом, что было больно — не взял ее.

Прижал ее голову к кожаному креслу, сжал в кулаке фальшивые светлые кудри, и взял ее.

Один толчок. Жесткий и дикий. До самых яиц. И ее пронизывающий крик.

Она была тугой. Тугой и нуждающейся.

Девчонка снова вскрикнула, когда я начал ее трахать.

Это было больно.

Грубо.

Я не стал сдерживаться.

Но ей все равно нравилось.

Она запустила руку себе между ног и кружила пальцами вокруг клитора, пока я трахал ее, и ей это нравилось.

Половинки ее задницы были розовыми от моих шлепков и припухлыми от моего ремня, но маленькой шлюшке это чертовски нравилось.

— Пожалуйста! — стонала она. — Больше! Пожалуйста!

Одно можно было сказать наверняка. Девушка действительно была девственницей. Ее киска была скользкой, но тугой. Я почувствовал, как она сжалась достаточно сильно, чтобы выдоить меня досуха, стараясь... усердно стараясь...

Хорошая девочка.

— Они были правы, не так ли? — прорычал я ей на ухо. — Приятно, когда тебя использует Люциан Морелли.

Она кивнула, хотя ей, должно быть, было больно двигать головой, так как ее волосы все еще были накручены на мой кулак.

— Да, сэр. Они были правы. Они были правы!

Я не кончил в нее. Когда достиг пика, я вышел из нее и рывком поставил ее на колени, быстро надрачивая. Она знала, чего я хочу. Она смотрела вверх красивыми широко раскрытыми голубыми глазами. Совсем как у *Илэйн* Константин.

Достаточно похожа на *Илэйн* Константин, что я стиснул зубы и начал двигать рукой

быстрее.

— Соси, *Илэйн*, — прорычал я, и она сделала это. Грязная маленькая кукла начала сильно сосать меня.

Я вонзался в ее рот, прямо в горло, и она захлебывалась и булькала, но все равно чертовски хотела этого. Она хотела быть хорошей девочкой для меня.

Совсем как настоящая *Илэйн Константин*. Только настоящей *Илэйн Константин* я доставил бы куда больше боли, чем маленькой милой Натали. Я бы сделал настоящей *Илэйн Константин* настолько больно, что она превратилась бы в месиво на полу, не зная, где кончалась ее боль и начиналась похоть, их границы были бы слишком размыты, чтобы различить их.

Мне нравилось именно так.

Доминант — даже близко не подходило к описанию того, каким темным, грязным ублюдком я был в этой жизни. Ничто и никогда не сможет.

Никто никогда этого не поймет. Никто никогда не поймет меня.

Никто никогда не мог понять моего порочного тела, столь испорченного его силой, и моего соответствующего ему порочного ума.

Я впился пальцами в ее щеки и широко раздвинул их, все еще засовывая свой член ей в рот, пока она стонала. А затем кончил. Вытащил член из ее хорошенького ротика и кончил. Одна струя, которая покрыла ее лицо, вторая, из-за которой у нее появились позывы к рвоте.

— Открой! — рявкнул я, и она широко раскрыла рот, не двигаясь, пока каждая последующая струя не заполнила ее рот.

— Глотай, — велел я, и она послушалась. И снова, она была хорошей девочкой для меня.

Я оставил ее задыхаться и быстро ушел, успокаивая себя глубокими вдохами.

При обычных обстоятельствах я бы тут же вернулся для второго раунда, но в этот вечер все было по-другому. Посмотрел на красивую штучку, лежащую на моем полу, и впервые за все время, что смог вспомнить, я не хотел еще одного раунда.

Не с ней.

Мне нужна была настоящая, подлинная *Илэйн Константин*. Не девушка, пытающаяся быть ею.

Блядь.

Только что лишившаяся девственности Натали придвинулась чуть ближе на коленях, глядя на меня с еще одной улыбкой на лице.

— Еще, сэр? — спросила она.

Я покачал головой.

— Нет, милая. Я все. Ты можешь идти.

Она осталась стоять на коленях, и я ухмыльнулся ей и себе, потому что знал это. Я всегда знал это.

Натали не хотела уходить.

— Иди. Сейчас, — приказал я, и она кивнула, наконец, приходя в себя.

Моя измученная маленькая куколочка схватила с пола свое кружевное белье и крепко прижав его к груди, бросилась к лифту.

— Спасибо, сэр, — поблагодарила она, прежде чем войти в него, чтобы уехать.

Я даже не потрудился попрощаться.

Мне следовало подумать о миллионе вещей, когда я вернулся к окну и посмотрел на

горизонт Нью-Йорка. Мне следовало бы подумать о высококлассных торговых делах, корпоративном бизнесе и сомнительных сделках Трентона Альто с семьей Келли по ту сторону Атлантики. Возможно, поразмышлять, не стоит ли мне поговорить с моим братом Декланом о том, как Альто справляется с нашим ирландским бизнесом.

Но нет.

Я не думал о миллионе вещей, о которых должен был бы думать; я думал об одном и только, об одном.

О женщине в золотом.

Я *все еще* думал о женщине в золотом.

Илэйн гребаной Константин.

Я разбудил Трентона, когда позвонил ему.

— Что? — спросил он. — Девчонка была плоха?

Я рассмеялся.

— Она была достаточно хороша. Речь идет о кое-чем другом. *Кое-ком* другом.

Даже Трентон заартачился, когда я дал ему следующие инструкции.

— Ты сошел с ума, мать твою, — ответил он.

Илэйн

— Ты совсем из ума выжила?

Выражение лица Тристана было как с картинки, он ворошил руками волосы, шагами меряя мою гостиную.

— Он никому не сказал, — ответила я. — Даже у Сайласа есть здравый смысл.

— Да, но мог бы. Он мог напрямик выйти из туалетной комнаты и рассказать всем присутствующим, что Люциан Морелли в здании. Тогда бы ты здесь не стояла, Илэйн. Ни за что твоя мать не дала бы тебе спать ночью, зная, что пальцы представителя семьи Морелли были в тебе, тем более его.

Я пожала плечами.

— Много могло случиться. Люциан Морелли мог свернуть мне шею и прихватить вместе со мной еще несколько человек до того, как до него добралась бы охрана и устранила. Но он этого не сделал.

Тристан Филдс был моим лучшим другом и самым доверенным лицом в мире с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Он видел достаточно моих сумасшедших поступков за прошедшие тринадцать лет, но ни один не заставил его смотреть на меня так, будто я совсем свихнулась. Видимо, я достигла пика сумасшествия Илэйн. Довольно высокая вершина для покорения, но я смогла с ней справиться.

Я сделала еще один глоток джина.

— Не думаю, что еще когда-либо его увижу.

— Я, черт возьми, надеюсь на это. Поверь мне, детка, я бы сам рассказал твоей маме, если бы промелькнула мысль, что подобное вновь случится. В этом случае у тебя останется больше шансов на выживание с ней, чем с ним. Спорный момент, но я знаю, на кого сделал бы ставку.

Я закрыла глаза, чтобы унять головную боль от похмелья, но лучше не стало. Моя голова была занята продолжающим свою речь Тристаном.

— Ты же понимаешь, что он играет с тобой, да? Вероятно, он думает, что ты — легкий путь к семье Константин. Если бы у него не было намерений вынудить тебя дать ему то, что он хочет, он убил бы тебя в ту же секунду, когда вы остались наедине.

Что-то в его словах меня задело. Скорее всего, это не имеет никакого смысла, но он был прав. Слова Тристана казались идеальным объяснением. Но все равно они меня задели. Что-то в этой теории резануло мое сердце, и в ответ оно заболело.

Я была глупой. Абсолютно глупой. Глупой в своем желании поверить, что за объятиями Люциана на вечеринке Тинсли скрывалось нечто отличное от ненависти и преднамеренности... но, глупо или нет, я желала этого. Какая-то извращенная больная часть меня хотела, чтобы за его действиями стояло нечто большее.

Я вновь пожала плечами.

— Да, видимо, он со мной играл.

— Несомненно. Он, несомненно, с тобой играл

Я подняла на него взгляд.

— Да, он играл со мной. Как я и сказала, все равно больше его не увижу. Какое теперь

это имеет значение?

Он приподнял голову и встретился со мной взглядом. Его глаза представляли собой холодные зеленые сосуды неодобрения, и меня наполнило чувство досады. Ведь Тристан всегда был на моей стороне.

— Если вновь увидишь его, Лэйни, ты должна кричать и бежать, поняла? Какими бы умелыми не были его пальцы, ты должна кричать и бежать. Без отговорок.

— Конечно, я убегу, — произнесла я, повторяя эти слова, прежде всего для себя. — Я могу быть беспечной, но не настолько сумасшедшей.

Он так покачал головой, что я сразу поняла — Тристан мне не поверил. В тот момент он подумал, что я сумасшедшая, как и весь остальной мир. И вновь почувствовала обиду, но ничего не сказала. Я все заслужила.

Как и всегда.

— Ты уже рассказала Харриет? — спросил он.

— Нет.

— Надеюсь, Сайлас не расскажет ей до тебя.

— Сайлас ничего не скажет Харриет. Он, может, и ее брат, но между ними примерно столько же общего, сколько и между лебедем и кабаном.

Тристан усмехнулся в ответ на мою реплику.

— Не уверен, что Сайласу понравится эта аналогия.

Я же усмехнулась ему в ответ, несмотря на свое похмелье.

— Он вполне может сойти за кабана.

— В действиях, но не внешне.

— Но все же его можно принять за кабана. Привлекательного кабана, но все же кабана.

— В твоих словах есть правда.

Он сел рядом со мной и взял за руку. Его пальцы были сильными. Именно такими сильными, какими я бы наслаждалась годами, только бы он сидел рядом со мной, и мы шепотом делились бы своими страхами и стремлениями.

Я знала, что он предложит, еще до того, как тот заговорил.

— Может вновь обратиться за консультацией к доктору Карлин? Думаю, это будет для тебя полезно.

— От терапии нет никакого толка. Никогда не было.

Он сжал мои пальцы.

— Ты не даешь этому случиться. — Жестом он указал на бокал в моей руке. — Лечение больше заслуживает шанса, чем джин, шампанское или кокаин.

Я стала защищаться.

— Я уже не употребляю так много, как раньше.

Я ощущала на себе его взгляд. И вновь почувствовала неодобрение.

— А Харриет говорит обратное. Я виделся с ней на прошлой неделе в «Эгейском море», и она сказала, что Джонеси рассказал ей, сколько ты покупаешь в последнее время.

Мои щеки запылали.

— Джонеси не должен был ничего говорить Харриет. Это не ее дело.

— Даже он волнуется.

— Ему не стоит.

— Я переживаю, Лэйни. Чертовски переживаю.

Он забрал бокал из моей руки.

Я простонала.

— Перестань, ладно? Я в порядке.

Я всегда была лгуньей — пришлось такой стать — но даже сама себе не верила. Еще никогда в своей жизни я не была в худшем состоянии, и вновь стоило повторить: надо было постараться, чтобы добраться до такой «вершины». Или, скорее, так низко пасть на дно бездны.

Порой у меня возникало желание все-таки найти силы и сказать то, что нужно было произнести. Мне так хотелось собрать воедино все слова, чтобы рассказать, какой сломленной я была внутри и почему. *Секреты, секреты, т-ш-ш, малышка*. Жаль, что я не могла все рассказать и жить дальше со всеми возможными последствиями, вместо этого эти секреты до сих пор преследовали меня в тишине. *Так много секретов...*

Я не могла.

Я никогда никому не смогла бы поведать свои секреты.

С этой мыслью я выхватила бокал с джином у Тристана и сделала еще один глоток.

Он вздохнул.

— Пожалуйста, вернись к доктору Карлин.

— Пожалуйста, перестань ныть об этом.

Мы сидели в тишине, а потом я решила сменить тему.

— Как у тебя все прошло с суперзвездой рока? Как его звали? Синий Павлин, как-то так?

— Синий Ястреб.

Я засмеялась.

— Он принадлежит к типу мужчин из инди-мира?

Он тоже засмеялся.

— Нет, он один из тех, кто как бы не уверен на самом деле, хочет он член или нет.

— Это очень похоже на тебя пару лет назад.

Тристану понадобилось очень много времени, чтобы, наконец, принять то, что он — бисексуал. Я прошла с ним весь этот тернистый путь и намного раньше него поняла, что его влечет к привлекательным парням так же, как и к девушкам. Его родители оказались... жестокими. Особенно жестоки к сыну, который прожил свою жизнь за пределами их трейлерного парка. Я до сих пор помнила его шрамы. Именно они стали нашей первой общей чертой.

Мне нравилась его улыбка, когда он смотрел на меня.

— У меня нет несколько лет, чтобы ждать, пока он решит: хочет ли принять член или нет. Есть в округе еще несколько жаждущих и не сомневающихся членов.

— И кисок.

Он положил голову на мое плечо.

— И кисок.

Однажды я мечтала, чтобы Тристан смог стать моим первым и единственным. Чтобы, возможно, он влюбился в меня, а я — в него, и мы смогли держать наши чувства в секрете. В таком секрете, чтобы его не уничтожили за наслаждение моим телом.

Мне всегда нравился его внешний вид. Густые цвета красного дерева волосы, идеально точеные скулы, несмотря на все синяки. Будучи подростком, я действительно думала, что он может стать единственным. Мой Тристан Филдс, навсегда.

Те дни давно прошли. Мое воображение превратилось ни во что, и все иллюзии о

счастливым финале оказались давно забыты.

— Тебе повезло. Ты можешь заполучить любой член или кисту, какую пожелаешь, — произнесла я и почувствовала ужасную вспышку боли внутри. Как и всегда.

Улыбка Тристана исчезла.

— Они не смогут удерживать тебя вечно, Лэйни. Если встретишь кого-нибудь подходящего и поговоришь со своей матерью на эту тему...

Выдернув свою руку из его, я подняла ее.

— Прекрати. Ты, как и я, прекрасно понимаешь, что это все ерунда. Мама никогда не позволит никому и пальцем ко мне притронуться. Ну, пока мой брак с этим человеком не окажется в ее интересах.

Он вновь взял меня за руку и крепко сжал ладонь.

— Она никогда не позволит никому, кто, по твоему мнению, достаточно хорош, притронуться к тебе. У тебя отвратительный вкус.

— Мой вкус не вписывается в их критерии выбора.

— Либо так, либо их критерии выбора будут посланы к черту.

Вздохнув, я прислонилась к нему, наслаждаясь тем, как тот обнимал меня, хотя сегодня и считал меня идиоткой. Он был единственным, кто одаривал меня искренним теплом, а не фальшивыми поцелуями и улыбками, как остальные вокруг.

Я попыталась втянуть Тристана в разговор о нем и увести тему от себя.

— Так ты снова встречаешься с этим Ястребом, да?

— В следующую субботу. У него концерт в баре «Сайрус», небольшое приватное шоу. Будет круто. — Он сделал паузу. — Ты можешь прийти, если хочешь.

— Где, черт возьми, этот бар «Сайрус»?

— В даунтауне. Примерно на максимальном расстоянии, на которое тебе позволено отдаляться от Бишоп-Лэндинг.

Казалось, что его местоположение в другой вселенной от Бишоп-Лэндинг. Обитатели Бишоп-Лэндинг свысока смотрели на тех, кто в заднем кармане не носил миллиард долларов.

О да. Мне понравилась идея с баром «Сайрус» в центре города.

Я открыла свой планировщик на телефоне. В субботу вечером у меня было запланировано какое-то дурацкое благотворительное мероприятие, но я могла его вычеркнуть. Да нафиг его, все вычеркнуто. Мне хотелось лично посмотреть на этого Синего Ястреба.

— Придешь? — настаивал Тристан. — Мне нужно внести тебя в список гостей. Все билеты проданы.

— Да, я приду. Кто знает, вдруг я сама встречу какого-нибудь рокера.

— И в таком случае подпишешь ему смертный приговор, сама знаешь.

Да. Я знала это. Даже намек на связь с роскошным рокером стал бы причиной пустить пулю в голову бедного парня.

Следующие слова Тристана раздались шепотом. Шепотом, посылающим холодок по коже.

— Пообещай мне одну вещь. Поклянись своим сердцем, что никогда не влюбишься в Люциана Морелли.

— Не влюблюсь, — произнесла я.

— Так пообещай мне.

Я посмотрела в его глаза и собрала воедино весь огонь внутри. Потому что я не влюблюсь. Я никогда не влюблюсь в Люциана Морелли.

— Клянусь своим сердцем и умру, если соврала, — произнесла я и скрестила свои пальцы с его.

Это успокоило его. Он улыбнулся, возвращая мой жест.

Какой же позор, что большую часть времени в своей жизни я все равно надеялась умереть.

Люциан

— Трентон Альто здесь, — сказала моя секретарша, заглянув в кабинет.

Я махнул ей, чтобы она впустила его.

— Не похоже, чтобы ты хотел приходить сюда, — проворчал я, когда он вошел и сел за стол напротив меня.

— Не похоже, чтобы ты просил что-то настолько порочное. — Он откинулся в кресле. — Это было дорого. И рискованно.

— Я хорошо осведомлен и о том, и о другом, — сказал я. — Он всеобъемлющий?

— Всеобъемлющий. Постоянно меняется, но тут все.

Он протянул мне через стол визитную карточку, и я взял ее.

— Здесь точно нет ошибки?

— Из надежного источника.

— Хорошо. — Я уставился на зашифрованный веб-адрес.

— Как, черт возьми, ты собираешься попасть в эти места? Они пристрелят тебя на месте.

Я бросил на него свирепый взгляд.

— У меня есть методы, Альто. У меня всегда есть методы.

— У безумия свои методы, — заметил он, и я усмехнулся.

— А теперь ты можешь свалить.

— Мне нужно о многом с тобой поговорить, прежде чем я свалю.

Я отодвинул официальные дела, чтобы выслушать его о смене волны преступности за кулисами. Он был прав. Ему было о чем со мной поговорить. Моя жизнь состояла из паутины сделок. Вены тьмы бегут под поверхностью мира вокруг нас. Мы занимались всем подряд. Везде. Каждая грязная авантюра, каждая коррумпированная торговая империя, каждый нечистый способ заработать баснословные деньги.

Тем не менее, я сидел в своем сшитом на заказ костюме за письменным столом, живя за своим фасадом корпоративной благочестивости. Люди никогда не посмеют бросить мне вызов. С таким же успехом они могли бы выгравировать себе надгробия, если бы попытались.

Трентон Альто был моей правой рукой на изнанке моего существования, и в течение многих лет он был гораздо более гнусным, чем самые отъявленные преступники. Обычно я с нетерпением ждал, что он скажет, но в этот день мне не сиделось на месте, хотелось чего-то, от чего я не мог отказаться. Звонки и встречи, казались странно скучными, ничто не возбуждало моего интереса. Шумный город вокруг меня казался пустым и плоским.

— А как ты относишься к доставке? — спросил Альто, и я понял, что прослушал его.

— Конечно, да, как скажешь. Просто убедись, что груз прибудет вовремя. Не хочу заставлять Смитсона ждать.

— Что с тобой сегодня? — спросил он, поднимая брови.

Я выгнул одну.

— В каком смысле?

Он пожал плечами.

— Просто кажешься немного... рассеянным. Даже для тебя.

— Я в порядке, — ответил я, свирепо глядя на него. — Продолжай.

И он продолжил.

Его слова не стали более привлекательными. Я был расстроен, ощетилившись от скуки, желал покончить с этим, и чтобы он отвалил уже наконец. Моя концентрация была почти на нуле, измученной и почти рассеялась до той самой секунды, пока он не произнес ее имя.

— Эта штука с Илэйн Константин, ты собираешься использовать ее, чтобы стереть с лица земли?

Илэйн Константин.

Я резко сфокусировался. Быстро.

Имя женщины должно было вызвать у меня ярость, а не покальвание в яйца. Оно вызвало и то, и другое.

Я ответил на его вопрос с хмурым взглядом.

— Конечно, я использую это, чтобы стереть ее с лица земли.

— Ты расскажешь об этом остальным? Если ты подойдешь к ней, запахнет жареным, ты же понимаешь.

Мой взгляд, должно быть, был злым.

— Ты не моя личная охрана, Альто, и уж точно не мой личный советник. Если мне понадобится помощь, я позвоню Деклану. Не тебе. Займись своими делами и перестань до чертиков раздражать меня.

Он поднял руки вверх.

— Конечно, босс. Просто говорю. Дерьмо действительно попадет в вентилятор. Она может быть кокаиновым позором семьи Константин, но война все равно начнется, если ты причинишь ей боль.

Я наклонился вперед.

— Мы уже воюем. Война идет уже несколько десятилетий.

— Да, но не такая война, какой она станет. Твой отец просто слетит с катушек.

— Как я и сказал. Ты не мой гребаный советник. Возвращайся к своим делам.

Тот снова пожал плечами, глядя на меня как на идиота.

— Конечно. Никаких проблем. Как тебе угодно.

И вот тут-то возникла проблема. Несмотря на то, о чем кричала каждая рациональная часть меня, я хотел Илэйн Константин.

Я хотел ее милую, влажную щель вокруг своих пальцев и ее маленький сладкий клитор под моим большим пальцем. Хотел, чтобы ее нетерпеливый влажный язык был у меня во рту, в поисках большего. Хотел, чтобы ее любопытные глаза смотрели на меня.

Я хотел трахнуть ее. Жестко.

Хотел лишиться девственности и заставить умолять о большем.

Нет. Я не мог быть таким гребаным дураком. Как только Альто ушел, я отбросил визитку в сторону. Тем не менее, она лежала на моем столе, заманивая. Уговаривая.

Я не должен был. Я действительно, блядь, не должен был.

А должен был подумать о своем собственном графике и моем собственном социальном расписании, рукопожатиях, очаровании и иллюзиях. О торговых сделках, поглощении компаний и гоготе с командой миллиардеров в загородном клубе «Риджент». А не о том, на каких клубных мероприятиях Нью-Йорка будет смущать себя Илэйн Константин в ближайшие недели. Но потом до меня дошло. Даже я не был настолько безумен, чтобы

думать, что в моей голове может быть что-то большее, чем то, что она может сделать для меня. Для Морелли и нашей ненависти.

Тут не могло быть ничего большего. Я не должен хотеть ни единого кусочка этой женщины, кроме ее боли. Я мог бы использовать ее, а потом уничтожить, а вместе с ней и весь ее род.

Я мог бы вычислять и контролировать, подбираясь все ближе и ближе. Узнавать о женщине и о том, кто она такая, слабости поверх слабостей. А потом, когда она была бы слишком зависимой от меня, чтобы бороться, я мог бы использовать ее и убить впоследствии.

Пора вывести вражду между Морелли и Константин на новый уровень. Я покончу с кипящей ненавистью под фальшивым социальным блеском, которым нам пришлось прикрыться.

Пришло время действовать.

Она могла бы стать моей дорогой к действию.

Она могла быть наивной маленькой шлюшкой, которая даст мне мою силу.

Да, она могла бы. Моя грудь увеличилась от возбуждения, соответствуя моему члену. Я мог бы набить их. Я мог бы набить их всех. Она была просто глупой кошечкой, которую я мог использовать, чтобы помочь себе.

Я использовал ссылку с визитки, чтобы перейти к данным, и там было все, как и сказал Альто. Календарь Илэйн Константин.

Вечеринки, появления в журналах, семейные сборища. Все. В нем даже были отмечены ее чертовы месячные. Я испытал странный трепет, представив себе, как она вкладывает в него свою жизнь, все такое личное и такое запретное.

На этой неделе у нее было три светских мероприятия. Одно в здании Халсион — главном деловом центре семьи Константин в Нью-Йорке. Еще одно на дурацком благотворительном концерте Петры Константин в четверг, а третье значилось как «Тристан, концерт Синего Ястреба».

Я никогда не слышал ни о Тристане, ни о концерте Синего Ястреба, но, учитывая, насколько небрежной была запись, она знала их очень хорошо.

Я ввел в браузере поисковый запрос, и там появилось несколько фотографий странного рокера с пирсингом в щеке. Он выглядел как неудачник. Именно с таким придурком она, без сомнения, и попытается завязать роман.

Он был бы самоубийцей, если бы подошел к сучке Константин без их одобрения, но даже от мысли о том, что он попытается, у меня в животе появилось странное чувство собственности. Я не хотел, чтобы он приближался к этой сучке Константин. Не хотел, чтобы кто-либо это делал.

Мне хотелось быть мудаком, разорвавшим ее на части.

Я продолжал просматривать дерьмо о Синем Ястребе, пока не добрался до списка его выступлений в ближайшие выходные.

Субботний вечер. Синий Ястреб, живое шоу в баре «Сайрус». Даунтаун.

Время идеально совпадало с записью в календаре Илэйн. Да, это должно было быть местом встречи.

Альто был недалеко от «Морелли Холдингс», когда я снова позвонил ему. Шум города был слышен за окном его машины, он находился всего лишь в квартале отсюда.

— Что? — спросил он. — Сегодня ты снова гоняешься за каким-то сумасшедшим

дерьмом?

Моя просьба не казалась такой уж безумной, по крайней мере, на первый взгляд.

— Теренс Кингсли, — сказал я. — Мне нужны его вещи. Я хочу его документы, его ноутбук и прочую фигню, которую мы забрали из его квартиры.

— Из Лондона? — спросил он. — То дерьмо, что мы собрали в Лондоне?

Я покрутил визитку в руках.

— Да, из Лондона.

— Я займусь этим, — ответил он. — Может, на это уйдет несколько дней, но я все сделаю.

— Все это понадобится мне в субботу, — сказал я. — Это не подлежит обсуждению. Если потребуется, сам все достань.

В его голосе сквозило разочарование. Мои задачи всегда были тяжелыми, но обычно не настолько. И все же я хорошо за них платил.

— Значит в субботу днем, — сказал он. — Я отправлюсь сам, если понадобится.

Я снова зашел в календарь Илэйн.

— Доставь мне все к четырем.

— Значит к четырем, — подтвердил он, и я положил трубку.

Я призвал свой самый лучший британский акцент, прежде чем переключил свой мобильный в анонимный режим и набрал номер. Скучающий молодой тупица с ворчанием ответил:

— *Бар «Сайрус».*

— Я хочу заказать билет на Синего Ястреба, — сказал я. — В субботу вечером.

— Все забронировано, — ответил он, и я рассмеялся.

— Для меня никогда не бывает «все уже забронировано», — сказал я и тут же вспомнил, за кого себя выдаю. — Как тебя зовут, парень? Уверен, что смогу хорошо заплатить тебе.

— Это будет стоить лишние двадцать баксов, — проинформировал он. — Вип-вход. Я прослежу, чтобы вы были в списке. Наличные у двери.

Двадцать баксов — это ничто. Так же, как и он.

— Вип-вход. Идеально.

Я слышал, как он нажал на какие-то клавиши.

— Как вас зовут?

Я улыбнулся визитке, которую все еще держал в руке, и ответил ему:

— Теренс Кингсли.

Илэйн

Неделя прошла как в тумане. Меня тошнило, когда я проснулась в субботу утром, внутри все боролось с алкоголем и наркотиками после вчерашнего светского мероприятия. Я была под кайфом, который не выветрился еще с дерьмового вечера у Петры в четверг, пока не отрубилась в пятницу поздно ночью. Один долгий период опьянения, который привел к тошноте в выходные.

Посмотрела на себя в зеркале ванной комнаты. Выглядела я дерьмово. Глаза отекавшие, хотя и выглядели за счет своей природной синевы неплохо. Кожа казалась мертвецки бледной и словно молила о толстом слое консилера. Губы были сухими и потрескавшимися, а еще меня нещадно тошнило.

Кое-как добравшись до кухни, я приготовила себе кофе. Но все пошло не по плану, мне стало только хуже.

Я пропустила звонок от Тристана, поэтому, и как только заставила себя проглотить порцию кофеина, перезвонила ему, надеясь, что меня не вырвет во время разговора.

Его голос был достаточно радостным, что у меня заболели уши, когда он ответил.

— Привет, детка, помнишь про сегодняшний вечер? Пожалуйста, скажи, что пойдешь.

Если бы у меня была хоть капля здравого смысла, я бы отказалась и сказала, что занята семейными делами семьи Константин, но мне не хотелось. Наша дружеская связь была крепкой, и к тому же мне было очень любопытно. Любопытно познакомиться с парнем с членом, от которого у Тристана текли слюнки.

— Да, сегодня я в деле, — ответила я.

Он радостно воскликнул, и у меня получилось улыбнуться, несмотря на ужасное похмелье. Я все еще улыбалась, вновь начиная говорить, игнорируя пульсирующую головную боль.

— Видимо, мне стоит приодеться для бара. Я же не хочу выглядеть как отщепенка семьи Константин, да?

— Но никаких бриллиантов, — засмеялся он.

— Никаких бриллиантов.

— Черт, мне пора, — произнес он. — Мы с Кейли-Джейн договорились вместе побегать по парку. Я почти на месте.

Мое сердце пропустило удар при этой новости. Его жизнь казалась такой светлой по сравнению с моей тьмой. Столько людей заботилось о нем. Столько людей приветствовали его с распростертыми объятиями. Но это было объяснимо. О нем хотелось заботиться.

Часть меня мечтала отказаться от имени Константин навсегда и начать все заново. Где-нибудь, где я бы могла стать свободной, там, где никто бы не знал, кто я или кем была окружена. Где миром не управляли мои предполагаемые поступки и мои неудачи.

А неудача должна стать моим вторым именем. Я — королева неудач. Но мне становилось больно, когда люди об этом постоянно напоминали.

Вероятно, бар «Сайрус» мог бы стать самой близкой точкой к свободе, к которой я смогла бы подобраться в этой жизни.

Я никому не сказала, куда собираюсь. Я отказалась от участия в светском мероприятии

под предлогом занятости, и никто, к счастью, особо не требовал объяснений. Мне не хотелось, чтобы охрана окружила бар, или снаружи ждал водитель, или смотреть на хмурые взгляды членов семьи, если они узнают, что я собралась в какое-то второсортное место на концерт для второсортных людей без миллиарда долларов в кармане.

Нет. Этот вечер мог стать моей отдушиной. Единственный вечер, когда я могла свободно общаться, и никто не посмотрел бы в мою сторону.

Или я на это надеялась.

В моем гардеробе не оказалось простой, не дизайнерской одежды, поэтому пришлось импровизировать. Я выбрала маленькой черное платье-футляр и рваные колготки. После посмотрелась в зеркало. Да, так было круто. Обычно я доводила свою укладку до совершенства перед выходом куда-либо, но в этот раз замерла, потянувшись за расческой. Нет. Под этот образ подходила легкая неряшливость.

Было странно вызывать к дому такси вместо обычного звонка своему водителю. Еще более странно было сесть в такси у черного входа жилого комплекса, хотя не без риска нарваться на охрану, которая сообщила бы матери о моем исчезновении.

Я устроилась на заднем сидении автомобиля и повыше натянула перчатки. Ранее я растушевала подводку для глаз, что придавало мне готический вид, в противовес той женщине, которую я обычно из себя представляла. Мне понравилось.

— Бар «Сайрус», — оповестил водитель, когда мы подъехали к зданию.

Очередь людей у главного входа в бар оказалась полной противоположностью тому, что происходило на мероприятиях в Бишоп-Лэндинг. Рокеры в грязных рваных футболках, черной коже и огромных ботинках. По-видимому, этот Синий Ястреб привлекал довольно странных фанатов.

Я проковыляла мимо очереди на высоченных каблуках, около главного входа меня ждал Тристан. Он выглядел чертовски превосходно. Узкие черные джинсы с кожаной курткой поверх облегающей черной футболки, волосы зачесаны назад как у парня из семидесятых. Если Синий Ястреб по-прежнему сомневался в статусе своей сексуальной ориентации, то сегодняшний вид Тристана Филдса разрешит все его сомнения.

Он присвистнул, увидев меня.

— Привет, крошка. Отпадно выглядишь.

Покружившись перед ним, я улыбнулась, чувствуя, что мне подходит этот образ. Чувствовала себя просто отлично. К такому ощущению я не привыкла.

Я вела себя тихо, пока Тристан вел нас мимо охраны и главного входа. Черт знает, под каким именем он записал меня, но точно не как Илэйн Константин. В мою сторону едва смотрели, пока я шла мимо.

Когда мы поднимались по лестнице, я уже слышала музыку группы, выступающей на разогреве: она разносилась по всему бару. Громко. Было очень громко. Громко и дико.

Дико и свободно.

Тристан взял меня за руку, и мы прошли к зоне перед главной сценой. Интимная обстановка, как он и обещал. На танцполе толпились люди, двигаясь в такт музыке, другая группа людей заказывала напитки в баре. Мы направились к ним, держась в толпе. Это само по себе было в новинку.

Членам семьи Константин никогда не приходилось ничего ждать, никогда. Где бы я ни видела очередь, сразу шла в ее начало. И мне странным образом понравилось проявлять терпение, когда люди на меня не пялятся и не гундят вслед.

— Что хочешь выпить? — спросил Тристан прямо у моего уха, перекрикивая басы.

— Шампанское, — ответила я, и он состроил лицо.

— Не самое подходящее место для шампанского. Как насчет пива?

Я пожала плечами.

— Да, давай. Пиво. Без разницы. Главное, чтобы был алкоголь. Мне хочется напиться.

Я услышала его вздох даже на фоне музыки.

— Тебе всегда хочется напиться, Лэйни. Может, в один прекрасный день ты переломишь себя и попытаешься повеселиться трезвой.

Даже при всех присущих ей странностях я никогда не верила, что жизнь станет настолько странной. Я и трезвость были не слишком хорошо совместимы. Даже от одной этой мысли у меня внутри все перевернулось.

Когда мы добрались до бара, музыка взяла меня в свой очаровательный плен. Громко играла гитара, и я чувствовала, как ее мотивы проходили через меня. Вокал парня казался диким и наполненным страстью, который нельзя было игнорировать. Я смотрела на него, пока Тристан заказывал напитки, и мое сердце совершило странный кульбит, я всматривалась в его темные черты лица — особенно в свете прожекторов. Он был высоким и широкоплечим, а глаза обладали властью. Глубокий взгляд, словно горящий пепел. Сильная линия скул, и, хотя казалось, что он высечен из грубого металла, что-то в нем восхищало меня.

С благодарностью я взяла у Тристана пиво, но не могла оторвать взгляда от парня на сцене. Тристан заметил мой интерес, когда мы подошли к краю танцпола, он игриво толкнул меня в плечо.

— Ястреб его знает, певца. Он мне рассказывал.

— Да? У него впечатляющий голос.

— Да и тело впечатляющее. — Он сделал паузу. — Его зовут Стефан. Он из Великобритании. Лондона, если быть точнее.

Я представила себе его акцент, и от этого по мне пробежала дрожь и холодок. И тут я поняла, откуда возникли эти ощущения.

Они шли от Люциана Морелли. Он напоминал мне Люциана Морелли.

Его тьму. Его силу. Его свирепые глаза.

Грубость голоса Стефана напоминала мне злость в голосе Люциана. Этого оказалось достаточно, чтобы в животе затрепетало, и мысль о его британском акценте заставила меня дрожать.

Да. Это все было о Люциане Морелли.

Тристан вновь меня подтолкнул.

— Ты можешь пообщаться с этим горячим парнем Стефаном, хочешь? То есть, ты не можешь к нему прикасаться, но хотя бы пофантазируешь об этом и отлично проведешь время.

В ответ я нахмурилась.

— Да, не нужно постоянно об этом напоминать. Я не могу к нему прикоснуться. К черту жизнь и к черту мою проклятую семью.

Он осмотрелся вокруг, и я увидела страх в его глазах.

— Хорошо, что рядом нет никого из твоего приближения, кто бы мог услышать эту хрень из твоих уст.

Я пожала плечами.

— Порой мне плевать на это. Я могу показать им средний палец еще до того, как они заставят меня заплатить за свои грехи.

Горяченький парень Стефан начал исполнять новый трек, и я почувствовала волну подступающих слез. Я проглотила их, потому что ненавидела. Я ненавидела плакать.

Если бы только люди знали... если бы они только знали, как сильно я страдала как плохая девочка лишь за то, что пыталась быть хорошей.

Но никто этого не знал. Никто, кроме моей матери. Моей матери и Братьев власти, которые преследовали меня за мои долги на черном рынке — хотя большинство из них даже не были моими.

К счастью, кокаин и алкоголь отлично справлялись с тем, чтобы стереть все это безобразие из моей головы. Кстати.

— Я в дамскую комнату, — сказала я Тристану и жестом указала на знаки над головой. Тот закатил глаза, в них вновь читалось неодобрение, я передала ему пиво. Он отлично знал, что я иду туда не справлять естественную нужду.

Я залезла в клатч, даже не успев добраться до дамской комнаты: пальцами рылись в косметичке, пытаюсь добраться до дна. Вот оно. То, что мне было нужно, спрятано глубоко под атласной подкладкой.

Моя голова кружилась еще до того, как я употребила новую дозу. Черт, она была мне нужна. Братья власти были отвратительны и уже шли за мной. Теперь в любое время они могли прийти за мной. Мои долги стали слишком большими, чтобы оправдываться улыбками и обещаниями.

Все было бы не так плохо, если бы они требовали только мои собственные долги, но дело обстояло несколько иначе. Они шли и за всеми остальными. Огромное море долгов наркоманов и любителей азартных игр, которых я встречала на своем безнадежном пути.

Я не могла позволить им умереть из-за них. Не могла позволить Братьям власти уничтожить людей, о которых я заботилась, пусть и недолго. Но я не думала о своей собственной жалкой судьбе. О том, сколько задолжала и как придется пострадать из-за этого. Братья власти могли забрать то, что хотели: я бы с радостью произнесла свои финальные прощания.

Перед туалетной кабинкой меня ждала еще одна очередь. Бар заполнялся людьми: они смеялись, общались и отлично проводили время. Как же им здорово.

Я безнадежно нуждалась в облегчении: опустила на край унитаза, достала банковскую карту, чеки и дозу белого порошка.

К счастью, существовал кокаин.

Люциан

— Теренс Кингсли, — представляюсь я девушке за стойкой.

— Удостоверение, пожалуйста.

Я протянул паспорт Теренса Кингсли и поправил на носу фальшивые очки. Мои волосы были зачесаны назад в его обычной манере, и я чувствовал себя полным идиотом в джинсах, ботинках и рубашке. Девушка с улыбкой жестом пригласила меня пройти, и я заставил себя улыбнуться ей в ответ, решив как можно лучше следовать своей маскировке. Теренс Кингсли определенно улыбнулся бы ей. Он даже улыбнулся мне, когда прошлой осенью я пришел к его порогу. Тот еще болван.

В баре «Сайрус» было довольно оживленно для дерьмового сборища в Даунтауне. Люди расступались, давая мне подняться по главной лестнице, и я оказался среди них в главном баре. Музыка была кричащей и громкой, не в моем обычном вкусе. Певец на сцене был похож на тупую скотину с рычащим голосом, а у членов его группы были ярко выкрашенные волосы, светящиеся под прожекторами словно мусор.

Я оглядел помещение, пробираясь сквозь толпу к тому месту, где в этой лачуге подавали напитки, но моей хорошенькой белокурой жертвы нигде не было видно.

Я заказал минеральную воду и отошел к краю танцпола, чтобы еще раз оглядеться. Люди подпрыгивали, дрыгали или стучали ногами в такт, визжали. Херня. Все это место было дешевым паршивым херней.

И, по-прежнему, не было никаких признаков ее.

Завершая свой круг в тени по краю помещения, я задумался, не ошибся ли при прочтении ее дневника. Если бы она была здесь, я бы наверняка увидел ее издалека, узнав мерцание светлых кудрей за километр, но нет. Ее нигде не было видно.

Я не понимал, почему мысль о неудаче так сильно расстраивала меня. Внутренности скручивало, сердце быстро билось, пока продолжал осматриваться, смешиваясь с толпой. Это не должно иметь значения. Это была всего лишь жалкая вылазка в попытке выследить ее, не стоящая даже того, чтобы напрягаться. Я понятия не имел, почему это ощущалось так сильно.

Я найду ее.

Как-нибудь, очень скоро, я выслежу ее и найду. Просто я чертовски сильно надеялся, что это будет сегодня. От одной мысли об этом у меня текли слюнки.

Мне хотелось причинить ей боль. Хотелось заставить ее умолять, визжать и дрожать от моих прикосновений.

Я выпил большую часть своей минеральной воды, когда заметил вспышку идеального блонда на другой стороне танцпола. Желудок скрутило, а в моем взгляде загорелась ярость.

Да.

Блядь, да.

Я знал, что это она, даже без четкой картинки. Знал это инстинктивно — по ненависти, забурлившей в моих жилах.

Я подобрался ближе, держась в тени. Она стояла рядом с высоким парнем, который выглядел винтажно, привлекательный, но слабый мужчина. Достаточно слабый, чтобы я мог

с легкостью сломать ему шею одним простым поворотом. Илэйн стояла рядом с ним, крепко прижавшись, но я знал, что он не трогал ее своими грязными руками. Это тоже я инстинктивно осознавал.

Она смотрела на сцену, на лузера, ревущего в микрофон. Да, это была Илэйн Константин, но та выглядела... иначе. Она почти походила на обычного человека, на любого, кроме члена семьи Константин. Почти.

Ее платье было обтягивающим и явно дорогим, но макияж был... кошачьим.

Сексуальным.

Блядь, она была горячей маленькой сучкой. Даже горячее, чем на бал-маскараде.

Она отпивала пиво из бутылки, глотая его с наслаждением. Это упрочило то, что я уже и так знал — ее алкогольная тяга, должно быть, была настолько чертовски отчаянной, что она пила даже это дешевое дерьмо. И это было еще не все. Стоило только посмотреть, как девушка двигается рядом с этим слабаком, чтобы понять — Илэйн накачана коксом.

Похоже, слухи оказались правдой. Она была наркоманкой. Она действительно была позором для семьи Константин со всей их напыщенной, элегантной претенциозностью. Была позором, который заставлял всех закатывать глаза и хмуриться всякий раз, когда они сплетничали о том, какой бесполезной маленькой сучкой та была.

Так почему же она все еще так чертовски привлекательна для меня?

Я не осмеливаюсь подойти ближе, боясь попасться ей на глаза. Поэтому парил вне поля ее зрения, впитывая ее, ощетинившись и кипя, представляя все, что хотел с ней сделать.

А мне хотелось проникнуть в ее отвратительную семью и уничтожить их одного за другим. Хотелось высказать ей все, что думаю об отвратительной крови, текущей в ее жилах, и заставить ту заплатить за это. Медленно. Грязно. Жестоко.

Я хотел сделать с ней так много, что у меня текли слюнки. Вожделение. Ненависть. Презрение. Все это кипело глубоко внутри меня.

Ее семья десятилетиями выполняла миссию по уничтожению моей. Один раз у них получилось это, но больше никогда. Мы все истечем кровью, прежде чем отдадим им хоть один унцию нашего богатства или нашей гордости.

Мне было интересно, как бы выглядела Илэйн Константин, если бы на ее идеальной коже была кровь ее семьи? Как бы блестели ее глаза от слез, когда она увидела бы злобу в моих.

Как сильно я смог бы растянуть для себя ее киску, прежде чем она закричала бы.

Было забавно осознавать, глядя на всех людей в этой комнате, насколько злым монстром я был среди них. Так много идиотов жило своей идиотской жизнью, даже не подозревая, что среди них был такой зверь.

Танцую, в меня врзалась девушка с розовыми волосами, сильно ударив меня в грудь и разлив остатки моей воды мне на рубашку. Она обернулась со словом «извини», и мне пришлось подавить желание заставить ее заплатить.

Я не мог. Не сегодня. Я был Теренсом Кингсли. Теренс Кингсли не устраивал мучений Морелли в Даунтауне.

Я наклонил голову и заставил себя улыбнуться, и она улыбнулась в ответ, не сводя с меня глаз.

— Привет, — сказала она. — Принести тебе еще?

Я наклонился ближе и призвал свой британский акцент.

— Нет, спасибо.

Она по-прежнему не отрывала от меня глаз.

— Уверен? Мне бы очень хотелось. Вода, верно?

Ее улыбка была грязной. Запах был дешевым.

Иногда мне нравились дешевки. Мне нравилось искушать их деньгами и требовать все, что захочу. В очень раннем возрасте я понял, что на этой планете нет ничего недостижимого. Все имело цену. У *каждого* была своя цена.

Я предполагал, что ее стоимость будет низкой.

Я оглянулся на Илэйн, она все еще смотрела на придурка на сцене, как сучка в течке.

— Конечно, — сказал я девушке с розовыми волосами. — Я выпью еще воды.

— Дешево обошлась. — Она рассмеялась и взяла у меня пустую бутылку.

О, какая ирония.

Она направилась к бару, а я ждал, по-прежнему пристально глядя на Илэйн. И был так сосредоточен на блондинке, что девушке с розовыми волосами пришлось толкнуть меня в бок прежде, чем я понял, что та вернулась. Затем протянула мне новую воду, на ее лице все еще сияла улыбка.

— Ты из Англии?

Я кивнул.

— Лондон.

— Отпад, — ответила она. — Я была там однажды, когда была младше. Мне понравилось. Букингемский дворец стал моим любимым.

Я едва слышал ее из-за дерьмовой музыки, но мог расслышать достаточно, чтобы понять, что она пьяна.

— Все любят Букингемский дворец, — заметил я.

— Верно! Это потому, что он потрясающий! — выпалила она и наклонилась ближе. — Часто сюда приезжаешь?

Мой ответ был простым и коротким.

— Нет.

Именно в этот момент группа на сцене закончила свою песню и поклонилась толпе. Все. Закончили.

Спасибо, блядь, за это.

Толпа не успела исчезнуть с танцпола до того, как на сцену поднялся главный виновник вечера. И я узнал парня — Синего Ястреба, — которого проверял в интернете.

Во плоти он выглядел лучше, чем на фотографиях, — самоуверенный, ухмыляющийся артист с мускулистым телом. Неудивительно, что зал приветствовал его. Особенно когда его голос зазвучал громче и разнесся по залу.

А он был хорош.

Я глянул на блондинку, и мальчик-слабак рядом с ней вскинул кулак вверх и кричал. Потом тот наклонился к Илэйн, и она рассмеялась, когда они приветствовали его.

— МНЕ ПРАВИТСЯ Голубой Ястреб, — взвизгнула девушка с розовыми волосами рядом со мной, и я заставил себя снова обратить на нее внимание.

— Нравится Голубой Ястреб настолько, чтобы быть твоим любимым?

— Мой САМЫЙ-САМЫЙ любимый, — подтвердила она. — Он был моим любимцем в течение многих лет. Я ждала этого концерта в течение нескольких лет. И собираюсь ходить на каждый его концерт, на который смогу достать билеты, в течение следующих трех месяцев. На все до единого!

О, а это вызов. Ох, превзойти ее многолетнее возбуждение одним крошечным щелчком моих пальцев.

Я прижался губами к ее уху, и она напряглась. Мне понравилось, как та напряглась из-за меня.

Мой взгляд был прикован к Илэйн Константин, когда я заговорил, достаточно громко, чтобы розоволосая услышала меня, даже когда басы со сцены заиграли громче.

— Пойдем со мной, — сказал я. — Сейчас.

Она вздрогнула и отстранилась, бросив на меня чертовски смущенный взгляд.

Я отстранился.

— Сейчас.

Девчонка поманила меня ближе, достаточно, чтобы я мог чувствовать на своей шее ее дыхание.

— Конечно, я пойду... сразу после того, как Ястреб закончит, да? Я действительно хочу посмотреть его выступление.

Я покачал головой.

Она уставилась на меня. Думала.

— Сейчас, — повторил я. — Сейчас или никогда.

Я был готов предложить розоволосой денежный стимул за то, что та покинет концерт ее жизни, узнав, насколько точны были мои прогнозы относительно того, сколько она потребует за свою плоть. Но в этом не было необходимости. Ее взгляд был слишком голодным. Она была бесплатной подстилкой в моих руках.

Я всегда был высокомерным, но даже мне доставляло удовольствие то, как она смотрела на меня в тот момент. Кажется, я все еще был так же божественно привлекателен, как и всегда, даже в образе Теренса Кингсли — в дерьмовой одежде, в какой-то дыре, среди дерьмовых людишек.

— Хорошо, — согласилась она с девчачьей улыбкой. — Пойдем.

Я должен был сделать это, просто ради дешевых острых ощущений. При любых нормальных обстоятельствах я бы так и сделал — ушел с ней отсюда и использовал до тех пор, пока она не закричала бы.

Я смотрел на нее сверху вниз, на ее нетерпеливую улыбку и желание в глазах, но на этот раз мне не хотелось этого. Не хотелось ее боли. Не хотелось ничего, кроме блондинистой сучки в другой части комнаты.

Выброс адреналина от этого осознания возбудил меня.

Смушение на лице розоволосой, когда я оставил ее стоять там, возбуждало меня еще больше.

Я ухмыльнулся, вернул ей деньги за мою бутылку и отошел.

— Забудь об этом и наслаждайся выступлением, милая, — сказал я.

Она шагнула ко мне, ее щеки ярко вспыхнули, когда та услышала мой смех. Девчонка была недостаточно хороша, и знала это. Не для меня.

Смушение и стыд на ее лице заставили меня хотеть ее еще больше. Но этого недостаточно.

Толпа рванула вперед, когда зазвучала еще одна песня, и оттеснила меня из поля ее зрения. Не теряя времени, я ускользнул, лавируя между телами.

Ближе.

Ближе.

Ближе к сучке-искусительнице с каждым вздохом и каждым шагом.

Мой член разбух в штанах, и это было не из-за неуклюжей сучки, которую я только что оставил позади. Это было для женщины передо мной — прекрасной девственной шлюхи, которая еще не знала, что та — шлюха.

Она покачивалась на ногах, высоко подняв кружку с пивом, и дурак рядом с ней покачивался, наклоняя голову в такт.

Я мог бы подойти к ней сзади и перерезать горло, не говоря ни слова. Мог бы ускользнуть прежде, чем люди даже узнают, что произошло, за мгновение, когда комната обезумела бы от паники.

Мог бы, но не стал. Не этого я хотел. Это было бы слишком расточительно. Слишком большая потеря.

Мне хотелось видеть ее боль, свое отражение в ее глазах. Медленно причинять боль. Ох, как медленно.

Хотелось взять ее, как свою, пока бы она стонала, бормотала и умоляла.

Я ощущал томное волнение в моем животе, когда подошел к ней сзади, достаточно близко, чтобы уловить ее запах. Ее духи источали аромат орхидеи и сливы, совсем как на балу в честь Тинсли. Когда вернулись воспоминания, это только лишь сильнее распалило меня. Ощущение ее тела, отчаянно желающего прижаться ко мне. Ее рот был таким влажным и голодным. Ее киска такая мокрая и нуждающаяся.

Я хотел этого снова.

Я хотел *ее* снова.

Но я остался стоять позади нее, чувствуя ее жар, когда она двигалась. Так близко. Так чертовски близко.

Песня закончилась, и придурок рядом с ней наклонился, и тишины между треками было достаточно, чтобы я мог расслышать его слова.

— Не могу дождаться, когда он попадет ко мне в руки, — сказал он, и Илэйн рассмеялась.

— Тогда будем надеяться, что он захочет оказаться в твоих руках, — ответила она.

Интересно.

Становилось очевидным, что все в этой женщине было интересным, даже гей, с которым она тусовалась.

Я не мог отрицать облегчение от того, что парень действительно не претендовал на ее киску. Я не видел в ее глазах похоти, когда он улыбнулся ей, ничего кроме... дружбы. Искренней дружбы... поэтому и отметил его как потенциальную жертву для выкупа. *Тристан*. Должно быть, этот тот самый Тристан из ее расписания.

Он обнял ее за талию и притянул ближе, и именно то, как она таяла в его объятиях, показывало мне глубину привязанности между ними.

Было безумием, как во мне вспыхнули чувства от этого зрелища. То, как она прикасалась к нему, заставило *меня* жаждать ее прикосновений. Я не понимал ее влияния на меня, да и не хотел. Мне ничего не хотелось, кроме предвкушения того, как сломаю ее и посмотрю на ненависть в ее глазах, горящих так же ярко, как и мои. Сама мысль о том, что мне хотелось большего, заставляла меня дрожать.

Басы заиграли снова, и они оба начали раскачиваться вместе с ним в такт, взмахивая руками над головами. Вот тогда-то я и сделал это. Вот тогда-то и сделал шаг, чтобы сократить последнее разделяющее нас расстояние. Крепко прижался к моей блондинистой

сучке Константин, выдохнув один единственный вдох ей в щеку, когда опустил руки ей на талию, и двинулся дальше.

Это было быстро. Одно крошечное сердцебиение в шуме комнаты. Но этого было достаточно.

Этого было достаточно, чтобы она напряглась. Достаточно, чтобы обернулась. Достаточно, чтобы я почувствовал, как та ищет меня глазами, когда я исчез в темноте толпы.

Я подождал, пока между нами не окажется несколько человек, прежде чем повернулся к ней лицом, достаточно далеко, чтобы она не могла быть до конца уверена, кто я на самом деле. Не среди танцев, радостных криков и мерцания клубных огней.

И снова этого оказалось достаточно.

Она увидела меня.

Я чувствовал это. Ощущал. Хотел.

Я встретился с ней взглядом сквозь тени и вспышки неоновых огней и удерживал ее взгляд своим.

Да. Она увидела меня.

Она перестала двигаться. Замерла на месте. Глаза широко распахнуты.

Парень рядом с ней остановился и повернулся к ней, пытаясь понять, куда она смотрит.

Но нет.

Ему это никогда не удастся.

Теренс Кингсли уже уходил.

Илэйн

Нет. Этого просто не могло быть.

Мое сердце бешено заколотилось, дыхание перехватило, но я не могла отвести взгляда. Не могла остановить накатывающие волны паники, распространяющиеся с кровью по венам.

— Что случилось? — произнес мне прямо в ухо Тристан, но я не шевельнулась. Не могла пошевелиться. — Что случилось, эй? — снова спросил он, но фигура уже исчезла.

Я пыталась заметить хоть проблеск мужчины, но в толпе было слишком темно. Но все равно чувствовала на себе взгляд Тристана.

— На что, черт возьми, ты смотришь, Лэйни? Что случилось? — спросил он, и я, сделав глубокий вдох, повернулась к нему.

— Это был Люциан Морелли. Он здесь.

Его глаза округлились, челюсть упала на пол, Тристан покачал головой и посмотрел на меня так, будто я совсем сошла с ума.

Ну вот, и он вошел в состав клуба «Илэйн — сумасшедшая». Пусть встает в очередь.

— Люциана Морелли в этом баре нет, — сказал он мне. — Это невозможно.

Я пожала плечами, прекрасно зная, что мои глаза не могли меня обмануть. Я указала на толпу.

— Он был здесь и несколько минут стоял позади меня, обнимая меня рукой за талию.

Казалось, что мои слова раздались громче музыки, но это было неважно. Тристан слышал меня отчетливо.

Нахмутив брови, он вновь покачал головой и наклонился ко мне ближе.

— Давай уже прекращай. Какой бы сильной не была твоя одержимость Люцианом Морелли, тебе пора с ней покончить.

— Это не одержимость! — огрызнулась я. — Он был прямо здесь!

Я кивнула в противовес его качанию головой.

— Я серьезно, Тристан. Он был ЗДЕСЬ.

— Я серьезно, Лэйни. Его здесь не было.

Голова кружилась от кокаина, но это была не галлюцинация. Это не могло быть галлюцинацией. На нем были очки и какой-то дико странный костюм, но я узнала его прикосновения, узнала его взгляд, узнала его дыхание — всё это выжгло в моей душе за несколько коротких минут пару дней назад.

Тристан снова наклонился ко мне ближе.

— Ты рассказывала кому-нибудь? О сегодняшнем мероприятии? — Я услышала его стон. — Пожалуйста, скажи мне, что ты не...

— Нет, — ответила я. — Не говорила. Я никому не говорила.

— Тогда как так получилось? — спросил он. — Откуда, черт побери, Люциан Морелли узнал, что ты будешь здесь, если никто об этом не знал? За себя ручаюсь, что никому об этом не говорил. Никому, кроме Синего Ястреба.

— Возможно, он кому-то рассказал.

Парень вздохнул.

— Я не называл ему твоего имени, Лэйни. Не может быть, чтобы он кому-то рассказал,

даже если бы захотел.

В его словах был смысл. И хотя мое сердце дико билось в груди, я понимала, что в его словах был смысл.

Он сжал мою руку.

— Думаю, тот человек просто был похож на него. Трудно же было детально рассмотреть.

— Возможно, — согласилась я, но не поверила ему. Мое сердце просто не позволило бы.

— Может, ты просто боишься вновь его увидеть. Возможно, в этом всё дело. Проявление какой-то сумасшедшей истерики.

Сумасшедшей меня, да. Мне бы так хотелось в это верить, но нет. Невероятно, чтобы я выдумала его в порыве страха. Мое сердце по-прежнему дико билось, а в голове всё гудело. Нет. Было невозможно, что мне почудилось сходство двух мужчин. То самое прикосновение, тот самый запах и взгляд.

Я осматривала помещение, дыхание сбилось, когда Синий Ястреб пожелал «спокойной ночи» и поднял руки к небу.

Тристан приобнял меня за плечи, когда толпа начала бесноваться, и я дернулась, да так сильно, что мужчина вздохнул.

— Как я и сказал, ты сама себе навывдумывала и теперь боишься.

Я заставила себя выдать хоть какой-то рациональный ответ.

— Да, видимо, так.

В его голосе я услышала облегчение.

— Хорошо. Как я и говорил, тебе стоит вернуться к лечению с доктором Карлин. Сейчас это поможет тебе больше, чем когда-либо.

В животе что-то дернулось от этой мысли. Нет. Мне это не поможет. Ничьи копания в моей душе мне не помогут. Она неприкосновенна. Ей нужно быть неприкосновенной.

Секреты. Пугающие грязные секреты.

Как обычно я выдавила из себя улыбку и сменила тему.

— Давай вернемся к твоему завоеванию закулисья. Ты же не хочешь упустить его член, да?

Тристан закатил глаза.

— Его член не стоит того, чтобы наблюдать, как ты изводишь себя из-за самого великого уроды на планете.

Я почувствовала, как в груди разгорается гнев.

— Я бы никогда не стала так делать. Я же сказала тебе, что не подойду к нему!

Он мне не поверил. Я могла это почувствовать. Могла это видеть.

— Серьезно! — настаивала я. — Я никогда бы не подошла к нему. Я же обещала, что не сделаю этого.

Толпа бурлила вокруг нас. Одни направлялись в сторону бара, другие — в сторону главного выхода. Тристан вновь обнял меня, чтобы поток людей не утянул меня за собой.

— Тогда пообещай мне, что твое серьезное обещание — не единственное, что сдерживает тебя от монстра.

Я засмеялась ему в лицо.

— Ты же не думаешь, что я настолько сумасшедшая. Даже я не могу поверить, что настолько сошла с ума.

Вероятно, он поверил моим словам и засмеялся в ответ.

— И слава небесам.

С этими словами он взял меня за руку и потянул в направлении двери сбоку от сцены, а я честно пыталась поверить в уверенность своих слов так же, как и он. Мне нужно было быть хоть немного разумной, несмотря на безумство моих мыслей. Потому что тот был прав. Он должен был быть прав. Невероятно, чтобы Люциан Морелли был здесь, ни за что, невозможно. К тому же я никак не могла хотеть его, ни единой клеточкой своего тела. Никогда.

Я заставила свое сердце немного успокоиться, несмотря на действие кокаина в крови. И продолжала повторять себе, что у меня были галлюцинации, что я напридумывала себе всякой херни из ничего. Может, это был просто парень с темными волосами и глазами, напомнивший мне зверя на балу. Стефан на сцене напомнил же мне Люциана Морелли, правильно? Конечно, в баре были еще парни, которые могли напомнить мне об этом монстре.

Мы оказались почти сбоку сцены, когда я в последний раз окинула взглядом танцпол, сканируя толпу людей, потом Тристан поднял руку охраннику, сторожившему гримерные. Парень махнул нам в ответ, пропуская, и Тристан потянул меня за собой, с трудом волоча меня, спотыкающуюся в туфлях на высоких каблуках, и направился к Синему Ястребу.

И тут снова появился он. Монстр, у дальнего края сцены, его звериный взгляд был прикован ко мне.

Да.

Да.

Я знала.

Моя душа кричала. Всё мое тело напряглось и покалывало. Потому что это был он. Это правда был он.

Люциан Морелли смотрел на меня.

— Подожди! — крикнула я Тристану. — Пожалуйста, Тристан! Подожди! Он там!

Но нет.

Прошла целая вечность, когда Тристан в последний раз использовал всю свою силу против меня, так высоко возвышаясь надо мной. Он тянул меня вслед за собой, а я пыталась одернуть его назад, но парень был слишком сильным: тот прижал меня к своей груди и затолкал в заднюю дверь закулисья.

— Хватит! — твердо произнес он, крепко меня удерживая. — Seriously, Илэйн. Просто хватит! Прекрати терять голову от этого гребаного Люциана Морелли, или мне придется что-то предпринять! Я должен буду кого-нибудь предупредить, чтобы у тебя остался хоть маленький шанс сохранить жизнь!

Его слов хватило, чтобы я застыла на месте и сделала глубокий вдох при этой мысли.

Он боялся за меня, его руки были напряжены. Тот дико боялся за мою жизнь, хотел обезопасить меня, даже если при этом вокруг меня развернется ад.

И он был прав.

Он был прав, переживая за меня. Если Люциан Морелли преследовал меня даже в Даунтауне, от которого должен воротить нос, то шансов, что я выберусь из этой охоты живой, не оставалось совсем.

Мне был срочно нужен кокаин. Кокаин и шампанское. По крайней мере была весьма высокая вероятность, что у Синего Ястреба в гримерке найдется бутылочка игристого.

Я заставила себя рассмеяться, нацепив самую счастливую улыбку, на которую была способна.

— Ты прав, — произнесла я и сделала сумасшедшее движение вокруг головы. — Давай пойдём и проведем твоё завоевание. По крайней мере, в этот раз я смогу поближе поглазеть на того первого парня, который был похож на Морелли.

Вздыхнув, Тристан обнял меня одной рукой и повел к гримеркам.

— Глазей на него сколько хочешь, только держи свои мысли подальше от настоящего Морелли.

Люциан

Я был призрачной тенью, которая выскочила, чтобы укусить ее. Ее глаза широко раскрылись, когда слабак потянул ее прочь.

Она знала, что это я.

Внутри меня все трепетало, это было великолепно. Рот наполнился слюной, когда я представил ее шок и ужас... и было кое-что еще. Я почувствовал в ее взгляде что-то еще.

Она хотела меня.

Точно так же, как когда она была игрушкой в моих руках на балу, устроенного семьей Константин, она хотела меня.

Черт возьми, я презирал себя за это, но тоже хотел ее. Хотел ее узкую маленькую щель, вместе с ее кровью.

Я взял себя в руки и направился к выходу, пытаюсь вразумить себя. Я хотел уничтожить ее. Вот чего мне хотелось. Это *единственное*, чего мне хотелось.

Когда я вышел на улицу, возле бара толпились пьяные люди. Не теряя времени, подождал такси, убедившись, что подхожу к дороге раньше, чем другие искатели такси успеют занять машину. Когда я плюхнулся на заднее сидение, водитель бросил на меня пристальный взгляд, собираясь сказать, что я влез без очереди, но промолчал, когда увидел перед собой огромную пачку налички.

— Поехали. Сейчас же.

— Да, сэр, — ответил он и нажал на педаль газа, не успев произнести еще хоть слово. Мы проехали квартал, прежде чем он задал мне очевидный вопрос.

— Куда ехать? — Я ухмыльнулся и расслабился на сиденье, обтянутом дешевой кожей.

— Никуда. Продолжай ехать, пока не скажу остановиться.

Он пожал плечами, борясь с замешательством.

— Не вопрос.

Я заставил его ездить кругами добрых пятнадцать минут, прежде чем приказал вернуться к главному входу бара «Сайрус». К этому моменту тротуар был пуст, а из здания едва пробивался свет. Я знал, что и Илэйн, и ее дружок-слабак все еще отсиживались внутри, заискивая перед идиотами-исполнителями, которые, без сомнения, праздновали свое дерьмовое шоу. Я не сделал ни малейшего движения, чтобы выйти из такси, оставаясь на месте, откинувшись на сиденье, когда водитель повернулся ко мне лицом.

— Вы собираетесь оплатить поездку?

— Нет, — рявкнул я. — Я еще не закончил.

Я знал, что он чувствовал себя чертовски неудобно. Но тому стоило бы считать, что ему повезло, что у меня на уме были другие мысли, кроме погони за дешевыми удовольствиями.

Мы все еще стояли у тротуара, когда почти час спустя дверь главного входа, наконец, распахнулась. Там была она: споткнулась, почти упав, прежде чем слабак крепко схватил ее и удержал на ногах. Она покачивалась и жестом отгоняла его, я улыбнулся про себя.

Глупая маленькая девчонка.

Синий Ястреб вышел следом за ними, и ее друг практически пускал слюни от обожания.

Я знал, что у слабака было место, куда он хотел пойти, и это точно не было связано с

тем, чтобы Илэйн Константин испортила его шансы получить этой ночью член.

Конечно же, она отстранилась от него, пожала плечами и, спотыкаясь, указала на приближающуюся такси. Он подозвал ее к себе, жестикулируя, но она отмахнулась, явно настаивая на том, что с ней все будет в порядке, когда рядом с ней остановилось такси.

Слабак уставился на нее, разрываясь в нерешительности. Его приятель-певец был полон решимости утащить его за собой точно так же, как Илэйн была полна решимости уехать.

Ее хороший друг Тристан завис. Застопорился. Но потом уступил им.

Он поднял руку, давая понять, что позвонит ей, а потом отправился вниз по улице в надежде на секс, оставив Илэйн наедине с такси в качестве ее защиты. Да, я знал это. Ни за что на свете семья Константин не позволила бы ей отправиться в Даунтаун, не говоря уже о том, чтобы находиться здесь без какого-либо чертового прикрытия.

— Следуй за ними, — буркнул я водителю, и он снова повернулся ко мне лицом.

— За такси?

— Да, — прошипел я. — За чертовым такси.

Мы оставались позади нее, и я старался разглядеть через заднее окно ее силуэт. Я едва мог ее видеть, но у меня текли слюнки при мысли, что она почти в моих руках, всего в нескольких коротких вдохах.

Она легко могла направиться в резиденцию семьи Константин, и, если бы это было так, я бы приказал водителю обогнать их на длинной трассе перед Бишоп-Лэндинг, просто чтобы добраться до нее. Но нет. Она не направлялась в резиденцию. На самом деле она не направлялась ни в центр города, ни куда-то в район миллиардеров.

Мой интерес разгорался, когда она направилась к отбросам, ее такси катилось через кварталы дешевых квартир, прежде чем, наконец, остановилось у каких-то мерзких, посредственных многоквартирных домов.

На мгновение во мне вспыхнула ярость, что, возможно, я неправильно проследил ее дорогу, и что из-за какой-то ерунды следовал за случайным дураком не в ту часть города. Но нет. Это была та самая белокурая красавица, которая, покачиваясь на нетвердых ногах, выбралась из такси впереди нас и направилась ко входу в здание.

Я посмотрел на вывеску. *Гаол стрит*. Что за чертова дыра.

— Вот, — сказал я своему водителю и бросил горсть банкнот, прежде чем выскочил из машины. Он, конечно же, не стал ждать, пока я отвечу на какие-либо вопросы, а просто с визгом шин умчался вместе с такси Илэйн.

Мне повезло, она была неуклюжей, когда под мерцающим оранжевым светом выискивала ключи в своем клатче. Я был достаточно близко, чтобы услышать ее проклятье, когда она уронила их и попыталась нащупать их на бетоне.

— Так, так, так, — проговорил я. — Никогда не ожидал встретить тебя здесь.

Она вскочила на ноги без ключей в руке и попятилась к двери.

— Какого черта? Этого не может быть... этого не может...

Я ухмыльнулся ей, снимая фальшивые очки.

— О да, дорогая. Это, безусловно, может быть.

Даже в ее страхе я видел гнев, горящий пятнами на щеках.

— Я говорила, что это ты. Я сказала Тристану, что это ты, а он мне не поверил! Сказал мне, что я сумасшедшая сучка, потому что думала, что ты опустишься до того, чтобы проверить такой странный маленький клуб в Даунтауне! — Я ненавидел то, как она ухмыльнулась мне, когда сделала паузу. — Хм, думаю, мы оба можем сказать, что не

ожидали встретить друг друга в такой отстойной части города, не так ли?

Я злобно рассмеялся ей в лицо.

— Поверь мне, Илэйн, мне не нравится эта отстойная часть города. Воняет жидким дерьмом.

Я презирал ее ребячество, когда она рассмеялась в ответ.

— Ну да, и ты тоже. Ты неудачник, которому самое место в аду неудачников, Люциан Морелли. Чтоб ты сдох!

— Следи за языком, — с усмешкой сказал я.

И снова я не мог оторвать взгляда от глаз прекрасной сучки. Ничто ни в силах отвлечь меня. Ни на секунду. Не от нее.

Я чувствовал, как внутри у меня все переворачивается, а разум пытается распутать загадку и понять, из чего, черт возьми, состоит эта девушка.

Она была водоворотом хауса — сверкающие цвета сливались воедино. Их было много, они плескались и сталкивались, настолько поглощенные собственной инерцией, что у меня не было ни малейшего шанса понять вкус.

Она была полна смятения и ярости. Ярости и желания. Ярости и очарования. Ярости и шока. Ярости и похоти. Ярости и того, что она была так чертовски убита своими собственными дерьмовыми пристрастиями, что она была выгребной ямой риска, ожидая, что кто-то вокруг нее сделает шаг и возьмет то, что они от нее хотели.

Деньги. Или кровь. Или киску.

Почему-то именно мысль о том, что кто-то возьмет ее киску, заставила меня стиснуть зубы.

Мои слова были тихими и холодными.

— Твое отвратительное подобие семьи уничтожит тебя за то, что ты такая явная негодяйка. И всего-то нужно, — это узнать им, что ты здесь.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, — прошипела она. — Ведь это же ты у нас какой-то там супер-гений бизнеса, да?

— Помимо всего прочего, — сказал я и шагнул ближе.

Она вжалась в стену и вздрогнула, и в ее глазах промелькнула очередная вспышка страха. Я наклонился и поднял ее ключи, позвякивая ими на пальцах.

Она молчала, пока я продолжал говорить. Молчала, пока водоворот ее чувств продолжал вращаться.

— Помимо всего прочего я садист, который так чертовски сильно давит, что люди никогда не оправляются от боли. В том числе и потому, что моя семья обязана вашей такими мучениями, что никто из вас не выживет. Каждый клочок твоего наследия будет сожжен в аду с каждым твоим живым вздохом.

— Да, да, — вмещалась она. — Я знаю, знаю. Мы ненавидим вас, вы ненавидите нас. Бла-бла-бла. Будто мне не плевать.

Я сделал еще один шаг вперед, и на этот раз она не вздрогнула. Даже не опустила взгляда.

Ураган внутри нее набирал обороты, ни йоту не замедляясь.

Я чувствовал ее вкус, когда приближался, мой рот вновь наполнился слюной от аромата орхидей и слив.

— Тебе будет не наплевать, когда ты станешь следующей из Константин, кого я накажу, — сказал я ей, но ураган внутри нее продолжал бушевать.

Я чувствовал ее пульсацию. Страх. Ярость. Ненависть. Путаницу.

И больше.

Я мог чувствовать гораздо больше.

Она вздохнула и расправила плечи, бросив взгляд на дерьмовое ночное небо.

— С чего ты взял, что мне не наплевать на все? — спросила она меня. — Просто покончим с этим или убирайся от меня к чертовой матери, ладно?

Илэйн

С меня хватит. С меня хватит переживаний. С меня хватит чувств. С меня хватит жизни.

Возможно, Люциан Морелли станет тем монстром, которой освободит меня от жалкого существования.

Для внешнего мира казалось, что у меня было все, но на самом деле мой внутренний мир был похож на непрерывный поток боли. Боли, через которую я в агонии делала маленькие вдохи с тех самых пор, как была маленькой девочкой, и пыталась быть хорошей для Преподобного Линча и его больных дружков. Испорченная, использованная и извращенная. Болезненно уязвленная жизнью, за которую так держалась.

Так что да, с меня хватит.

При виде Тристана, с таким обожанием смотревшего на Синего Ястреба этой ночью, и при мысли, что член Синего Ястреба скоро будет в его руках, мое внутреннее состояние только усугубилось.

Я никогда не испытывала подобных чувств в отношении кого-либо, даже если бы мне позволили.

Этот аспект жизни моя семья уже разрушила для меня.

Тс-с, больше секретов. Больше секретов.

Больше выпивки и больше кокаина. Заглуши их. Заглуши их.

Выдохнув, я прислонилась к стене. Никто никогда в жизни не узнает, что Люциан Морелли разобрал меня по косточкам в этой части города. Пока тот сам не захочет позлорадствовать. Я оказалась в его власти, он мог сделать со мной все, что хотел. Он едва ли дал бы мне шанс вскрикнуть перед тем, как навечно замолчать.

— Давай, — настаивала я. — Сделай это или проваливай. С меня хватит твоей херни.

Я почувствовала исходящий от него жар, когда он придвинулся ко мне ближе, его дыхание согревало мое лицо, а взгляд был устремлен прямо в мои глаза.

— Расскажи мне, как бы ты хотела встретить свой конец, — произнес он. — Мило и медленно или не успев и глазом моргнуть?

Его голос вызвал во мне дрожь. Отвечая, я попыталась спрятать свой ужас.

— Пожалуйста, сделай это быстро. Я уже устала от всего.

Но, как обычно, врала. Я еще не устала. Даже сквозь свой жалкий страх, я чувствовала странное спокойствие, убаюкивающее меня глубоко внутри, при мысли о том, как сдамся, и кое-что еще... по-прежнему присутствовало покалывание от чего-то большего, от которого не могла избавиться. То желание. Та *потребность*.

Я узнала ту потребность. Потребность, которую ощутила, когда его руки прикасались ко мне в дамской комнате на балу в честь Тинсли. Потребность, которая пронзила меня, когда я первый раз заметила его в баре «Сайрус».

Блядь, я ненавидела эту потребность.

Люциан Морелли оказался монстром в теле ангела... и я жаждала прикосновений этого ангела.

— Сделай это, — прошептала я. — Пожалуйста, просто сделай это. Убей меня.

Он неожиданно ударил ладонями о стену над моей головой, что я вздрогнула.

— Я буду делать то, что, мать твою, хочу и когда хочу, — произнес он, и в его голосе появилось что-то новое. Низкое рычание, которого я ранее не слышала.

Он позвякивал ключами в руке, подняв их вверх, к свету над входом. Связка Джеммы была на кольце, на кожаном брелоке была пропечатана цифра семь.

Цифра семь — счастливая для кого-то.

Не для меня, как оказалось.

Видимо, Люциан Морелли прочел в моих глазах что-то, в чем я не хотела признаваться даже самой себе. Он не стал силой тащить меня за собой, когда подошел к двери и вставил ключ в замок, а просто оставил меня на месте, смотрящей ему вслед.

Часть меня умоляла убежать или, по крайней мере, предпринять попытку спастись, но нет. Но никакая сила не удерживала меня на месте, только мой собственный разум, мои руки, которыми я себя обняла на уровне груди.

Он рывком открыл дверь и посмотрел на меня через плечо, ненависть в его взгляде смешалась с чем-то еще. Чем-то, что я почувствовала в своем самом потаенном месте.

— Иди и отдайся судьбе, малышка, — произнес он, и было просто безумием, насколько крошечной я ощущала себя под силой его взгляда.

Ни за что на свете нельзя было думать об этом, даже долю секунды, но он поманил меня пальцем, и я осознала, что двигаюсь. Мои ноги сами пошли вперед, когда я сделала шаг навстречу мужчине. Я дрожала от большого количества выпитого дерьмового пива, как и от всего остального, сильно дрожала.

Я видела, как он сглотнул, поняв, насколько сильно я дрожала.

Ему это понравилось.

Я прошла мимо него в захудалый коридор обшарпанного дома — мой никудышный побег из роскошной жизни. Джемма уехала на месяц для борьбы с экологическими проблемами на каком-то океанском лайнере, как и всегда с тех самых пор, как мы были подростками.

Я должна была быть с ней. И одно время верила в то, что так и будет. Мы планировали вместе оздоровить океаны, спасти китов и оказывать помощь всем, кто в ней нуждается, но я не смогла этого делать. Моя жизнь не позволила бы мне.

Моя семья не позволила бы.

Она была скорее близкой подругой Тристана, нежели моей, они оба гораздо сильнее привыкли к жизни в трейлере, нежели моей болтовне о жизни миллиардерши, но это было неважно. Джемма являлась моим спасением на протяжении более десяти лет и не приняла бы мои денежные подачки в качестве благодарности, несмотря на то что все это было от чистого сердца. И все же я почти не виделась с ней.

Я не стала утруждать Люциана поиском пути к квартире Джеммы:хватила у него ключи и пошла вперед. Все остальные двери были плотно закрыты: обитатели других квартир мирно спали в своих постелях. Дверь квартиры номер семь располагалась прямо в конце коридора на верхнем этаже.

Вставив ключ в замок, я открыла дверь и зашла вперед Люциана. Не стала даже пытаться захлопнуть дверь перед его лицом, оставив ему путь для следования за мной.

Зайдя в квартиру, тот сразу нашел маленький выключатель, взглядом осматривал опрятный маленький коридор, в котором мы оказались. Джемма действительно была чудесным человеком. Над моей головой висел ковер ручной работы с изображением кита рядом с лодкой, около двери на кухню — фотография ее друзей-благотворителей. Не в такой

обстановке я ожидала сделать свой последний вздох, но жизнь порой бывала крайне странной.

Я заметила вопросительный взгляд на лице Люциана, пока он осматривал обстановку. Я ответила ему прежде, чем он заговорил.

— Это квартира моей подруги Джеммы. Она сейчас где-то спасает мир. Пожалуйста, не оставляй слишком много крови на ковре к моменту, когда она вернется домой.

Он не ответил: лишь направился за мной, когда я пошла на кухню. На столе уже ждала кофемашина Джеммы, как и всегда, и я молча запустила ее.

Я кинула клатч в сторону и взяла кружку из шкафа, потом достала еще одну для монстра.

— Эй, ублюдок, как насчет кофе перед тем, как ты меня убьешь?

Видимо, своей дерзостью я зашла слишком далеко. Он набросился на меня через секунду, впечатывая в кухонный гарнитур, с громким стуком кружки упали на пол. *Черт. Черт. Черт.*

Но следом меня атаковали не руки Люциана Морелли... это оказался его рот. Его губы. Его дыхание.

С каким-то особым остервенением он сорвал пальто с моих плеч и откинул его в сторону. Его пальцы превратились в монстров, раздирающих мое платье, разрывающих его и добирающихся до моего кружевного бюстгальтера.

Поцелуи. Горячие поцелуи. Глубокие поцелуи.

Я желала их. О, блядь, как же я желала их.

— Никогда, твою мать, не смей разговаривать со мной подобным образом, — прорычал он, сжимая мое лицо одной большой рукой. — Заговори со мной так еще раз, и я отрежу твой гребаный грязный язык.

Я не знала, что нашло меня, когда обняла его за шею. Не знала, что такие глубины сумасшествия существуют, пока не стала задыхаться в новом раунде поцелуев и погружаться в бездну отчаяния.

Все было обречено. Запретно. Безумно.

— Сейчас ты точно меня не убиваешь, — удалось произнести мне, но в этот раз в голосе уже не было дерзости.

— Для этого еще будет время, — прошипел Люциан в ответ, его голос был полон ненависти, но чистого яда не чувствовалось. Возможно, лишь возможно, я останусь в живых после этой ночи.

Я должна была быть благодарна за шанс прожить еще один день. Должна была разыграть свои карты так, чтобы тот сохранил мне жизнь, но не стала этого делать. Часть меня всегда хотела умереть. Часть меня всегда хотела попрощаться с этим миром, навсегда.

После еще одного глубокого поцелуя прекрасный монстр отдернул меня от столешницы и потащил через темный коридор в гостиную. Он швырнул меня на пол так сильно, что я упала на колени и выругалась, но это было неважно. Включив свет, он в мгновение оказался около, срывая с меня платье.

Ткань с адским звуком разорвалась на части. Он был силен. Настолько силен, что в его руках я казалась тряпичной куклой. Я закрыла глаза и позволила ему меня раздеть, прекрасно осознавая, что последует дальше.

Желая того, что последует дальше.

Я услышала, как он с придыханием застонал, высвобождая мою грудь из бюстгальтера,

и увидел, насколько напряглись мои соски от его прикосновений. Его пальцы казались монстрами, хватающими и сжимающими мою плоть, но не остановились на этом. Люциан повел пальцами вниз по ребрам и животу, цепляясь за колготки, чтобы стянуть их вниз.

Вот блядь. Мои бедра. Он увидит мои бедра. Он увидит шрамы.

Я прикусила губу перед тем, как он стянул колготки до колен, ощущая, как под ярким светом ламп во мне появляется чувство смущения, несмотря на дикий ужас, который должен был разрывать меня на части.

Конечно, он увидел их. При ярком свете он увидел их.

Свежие порезы — болезненные линии поверх шрамов. Так много шрамов, что от бедер не осталось живого места. Всегда высоко, вне зоны видимости. Всегда достаточно глубоко, чтобы приятно и сильно кровоточили.

Я причиняла себе боль с юных лет и нуждалась в этом. Нуждалась в боли в теле, чтобы освободить от боли голову.

— Что за на хрен... — начал Люциан, но понял, посмотрев мне в глаза. Он точно понял, какого хрена со мной творилось.

Я схватила пояс колготок и попыталась натянуть их обратно, но он мне не позволил.

— Какого хрена ты причиняешь себе боль? — спросил он, и мне следовало пожать плечами и хранить молчание, потому что это совсем не его дело, но видимо нужно было поблагодарить пиво и кокаин за мой развязанный язык. Слова слетали с моих уст так, как никогда в жизни, вырываясь на свободу без сопротивления до того, как я могла хотя бы предпринять попытку остановить их.

— Может, потому что я — наркоманка-неудачница, семья которой смотрит на нее ни с чем иным как с отвращением. Может, потому что ненавижу себя и все в себе и буду благодарна, если ты все-таки прикончишь меня сегодня, потому что с меня хватит. — Я сделала вдох. — Может, потому что никто никогда не полюбит меня. Никто никогда не прикоснется ко мне по-настоящему. Никто никогда не позволит мне узнать, каково это — иметь мужчину, который влюбится в меня на веки вечные. Потому что это невероятно, да? Ни один мужчина никогда не влюбится в такую психопатку как я, даже если моя семья разрешит.

Его глаза округлись, и я увидела в них больше, чем ненависть. Хуже, чем ненависть.

Жалость.

Я увидела дурацкую жалость.

— Тебе нужно обратиться к врачу, — произнес он, его руки по-прежнему крепко сжимали мои запястья.

— Да, так мне все говорят. Лечение, лечение, лечение. Будто оно принесет мне нечто хорошее.

Он смотрел на мои порезы, и я почувствовала за них стыд, такую боль. На мне были надеты развратные кружевные стринги, но он их едва ли заметил. Его внимание оказалось приковано к моим недостаткам, а не достоинствам, как и всегда у всего остального мира. Даже у людей, которым было не все равно.

— Сделай это, — вновь произнесла я. — Просто сделай это.

Его взгляд стал жестче.

— Что именно сделать? Остановить твою ненависть к себе? Если ты настолько плохо себя чувствуешь, то тебе стоит покончить с собой, знаешь ли. Брось ты все эти жалкие попытки самобичевания. Смотрился жалко.

— Может, я и здесь оказалась неудачницей.

Я знала, что на глаза навернулись слезы, и презирала себя за это. Поэтому заставила себя вздернуть подбородок, пытаюсь выглядеть как можно более гордой, хотя моя нижняя губа не переставала дрожать.

Тс-с, секреты. Секреты.

Никогда не рассказывай свои секреты.

Отпустив мои запястья, он отпрянул от меня, его жалость стала еще сильнее, Люциан старался глазами рассмотреть все. Я натянула обратно колготки, но не попыталась вывернуться, просто подтянула колени к груди и обняла их руками.

— Прикончи меня, — прошептала я.

— Тебе серьезно нужно обратиться к специалисту, — произнес он. — Не похоже, что тебе это не по карману. Провести остаток жизни с лечением может оказаться хорошей идеей. Лучше, чем нюхать кокаин каждую минуту.

Я устала слушать одну и ту же херню, поэтому нахмурилась.

— Когда я в последний раз проверяла, ты не был моим личным советником.

Он усмехнулся, издав смешок.

— Я сам часто использую эту фразу, дорогая.

Атмосфера в комнате настолько сгустилась, что я почувствовала себя бесполезной. Напряжение между нами ушло — все хорошее напряжение, по крайней мере. Если вообще существование такового было возможно между представителями семей Константин и Морелли.

Люциан поднялся на ноги и отряхнулся, явно испытывая такое чувство, будто любое помещение с декором, которое стоило менее миллиона, кишело тараканами.

— По крайней мере, трахни меня перед тем, как уйдешь, — произнесла я на полном серьезе. Правда, на полном серьезе.

Он усмехнулся.

— Я бы никогда не пожелал трахнуть кого-то из семьи Константин — лишь раздеть и причинить боль.

— А твой член утверждает иное, — сказала я и указала на выпуклость в его штанах.

Именно в этот момент он пришел в себя и бросился ко мне, сжимая мое горло своими руками.

— Я причиню тебе боль, — прорычал он. — Не подталкивай меня!

— Отлично, — ответила я. — Ты избавишь меня от работы.

Мы смотрели друг на друга с такой злобой, которую нельзя описать словами, мы оба кипели от злобы, копившейся десятилетиями. Но не это чувство заставляло мое сердце биться быстрее.

— Сделай это, — выдохнула я, несмотря на его хватку на шее. — Причини мне боль.

Его глаза блестели от злобы, и я увидела все. Почувствовала все. Садизм... жестокость... бесчеловечность... которые я уже ощущала благодаря стольким мужчинам, так много раз.

Я вновь почувствовала все. Почувствовала глубоко. Почувствовала все в нем. В монстре, стоящем передо мной.

Но этот монстр был другим.

Этот монстр заставлял меня трепетать так, как ни один мужчина.

Люциан Морелли хотел причинить мне боль, и причиной этому была не только моя

принадлежность к определенной семье. Он хотел этого. Хотел увидеть мои страдания. Хотел увидеть, как я потеряю себя в собственной боли.

О, Господи, пожалуйста. Я тоже хотела потерять себя в собственной боли.

Я желала, чтобы идеальный монстр заставил меня испытать боль ради него.

Пожалуйста, дай мне это. Пожалуйста.

Но нет.

Будто выключатель щелкнул внутри него, его огонь превратился в лед.

— У меня нет времени на твою никчемную ерунду, — произнес он. — Ты не более чем грустная маленькая сучка из уродской семьи. Вы все можете гнить в аду, и я помогу тебе отправиться туда. — Его пауза причиняла мне больше боли, чем могли бы дать руки. — Но это случится не сегодня. Точно не тогда, когда ты просишь об этом.

Моя губа продолжала дрожать, а холод в его глазах морозил меня изнутри. Я молчала, когда он отошел от меня, на его губах блестела усмешка.

— Наслаждайся своими вздохами, малышка, — сказал он. — Однажды я приду за тобой. А пока продолжай разыгрывать свою маленькую жалкую игру, причиняя себе боль.

Мне хотелось умолять его остаться, хотя это было безумием поверх всего безумия, и не имело смысла для моей души. Но я не стала молить его ни о чем. Лишь собрала воедино достаточно чувства гордости из маленьких кусочков своего сердца и молчала, пока он уходил. Я наблюдала за его уходом, а грудь стали разрывать всхлипы.

Он даже не оглянулся.

Я вздрогнула, когда парадная дверь с грохотом закрылась за ним, и в этот момент из груди вырвались рыдания.

И, как и предсказуемо, вскоре из моего клатча появился кокаин.

Люциан

Эта сучка так крепко засела в моих мыслях, что я даже не понимал, что творится у меня в голове, когда покидал это занюханное здание. Я вышел на улицу, надеясь, что за мной увяжется какой-нибудь подлый урод, и я смог бы врезать ему и заставить того страдать.

Но нет. Был только я — блуждающий по Даунтауну ранним утром, едва осознавая происходящее вокруг, пока шел по городу.

Это все из-за нее. Ее жалкая маленькая душа молила меня о покое. Ее пылающее сердце рвалось наружу, даже в моменты ее слабости. Ее страх... такой красивый. Ее глаза... такие большие и полные боли.

Ее потребность в прикосновениях и боли, сливаясь воедино, уносили ее к вершинам.

Илэйн была мазохисткой, я знал это, даже если она сама не догадывалась об этом.

Она выражала свою потребность в освобождении через боль к травмам, которые загнала в глубины своей души, но девчонка ошибалась. Я повидал достаточно любящих боль шлюх, чтобы понять, кто она. Она была одной из них. Я бы поставил на это все свое состояние.

Выпуклость в моих штанах явственно показывала мне, насколько отчаянной та была на самом деле. У нее был потенциал стать лучшей из лучших, я чувствовал это с каждым ударом своего развратного сердца.

Но нет. НЕТ. Она была Константин. Ее боль должна была быть связана с моим удовольствием, а не с ее.

Я знал, что в «Буйных радостях» будет пусто, и даже если бы это было не так, это не сняло бы зуд, который вызвала во мне Илэйн Константин. Я мог бы вызвать молоденькую девушку, чтобы причинить той боль, выбрав любую шлюху на свой вкус, но это тоже не уняло бы его.

Я мог бы даже подцепить женщину на улице и поиграть за наличку с совершенно незнакомым человеком, но не сделал этого.

Я не сделал ничего, просто шел сквозь ночь, пока солнце, наконец, не поднялось над домами. Я не делал ничего, только думал об Илэйн Константин и адском огне, который мне нужно было обрушить на ее семью.

Мне бы хотелось никогда не видеть эту сучку вблизи. Я жалел, что не преследовал Тинсли Константин, как собирался изначально в тот вечер. Причинить боль девочке в ее день рождения в резиденции семьи Константин было бы ударом в сердце всего ее генеалогического древа. Безумным ударом, но давно заслуженным.

В Нью-Йорке кипела воскресная утренняя жизнь, когда я, наконец, пришел в себя и позвонил Хантеру Спарро. Он все еще лежал в постели, когда ответил, его голос был невнятным из-за явного похмелья. Я мог читать его за километр.

Это то, что с тобой делала дружба в течение большей части жизни, конечно. Она позволяла вам понимать друг друга так же хорошо, как вы могли понимать себя.

Я услышал рядом с ним женский голос, простонавший «кто это?», и понял, что это должно быть повторное завоевание, учитывая тон, которым она задала вопрос. Вольность. Вряд ли это обычное явление для плейбоя. Он редко ласкал одну и ту же киску дважды.

— Я еду, — сказал я ему, и он тяжело вздохнул.

— Какого хера, Люк? Только восемь утра.

— Я сейчас приеду, — повторил я. — Убери эту сучку из своей постели, ладно?

— Конечно, как скажешь, — проворчал он и повесил трубку.

Я поймал такси, прекрасно зная, что к тому моменту, как я приеду, шляхи уже не будет. Конечно же, Хантер расхаживал по своей гостиной, одетый только в какие-то низко сидящие штаны, когда я переступил его порог.

Я опустился на его диван и вздохнул, когда он потер глаза и уставился на меня.

— Что, черт возьми, привело тебя сюда в воскресенье утром? — спросил тот, и я выплюнул ответ раньше, чем осознал это.

— Илэйн гребанная Константин привела меня сюда в воскресенье утром.

Он посмотрел на меня так, будто с последнего раза, когда парень меня видел, я схлопотал сотрясение мозга.

— А какого черта Илэйн Константин могла *что-то* с тобой сделать? Пожалуйста, скажи мне, что ты держался от нее подальше. Твой отец слетит с катушек. Ее семья начнет войну. — Он замолчал. — Я имею в виду, если ты ее прикончил...

Я почти пожелал этого. Это избавило бы меня от абсурда и смущения из-за того, что я на самом деле делал с этой сучкой.

Как и следовало ожидать от Хантера — моего единственного настоящего друга во всем мире — он прочитал мои мысли.

— Ты трахнул ее, не так ли? Ты трахнул ее и оставил дышать.

— Не совсем, — сказал я и тихо выругался себе под нос.

Он присел передо мной на корточки, ища взглядом признаки того, что у меня травма мозга.

— «Не совсем» — это как? Что, черт возьми, произошло?

Мне не следовало ничего ему говорить. Я должен был забыть об этом и повернуться к ней спиной навсегда, или, по крайней мере, до тех пор, пока не найду способ причинить ей боль и заставить ее семью заплатить. Но пока не нашел такой способ. Я все еще был достаточно взвинчен из-за ее дерьмового действия, чтобы придумать что-то.

— Бал-маскарад в честь Тинсли Константин, — сказал я, и он поморщился.

— Да, и что с ним? Все были в восторге от него. Таблоиды ликовали.

— Я был там, — поделился я, и он рассмеялся надо мной. Действительно посмеялся надо мной.

— Какого хера ты делал на балу Тинсли Константин?

Мои глаза были словно кинжалы.

— Строил планы, как осуществить ее казнь.

Он усмехнулся.

— Само собой, но это же безумие, да? Как, черт возьми, ты выбрался бы оттуда живым? И какое на хрен это имеет отношение к самой Илэйн?

Мне бы хотелось быть курильщиком, просто чтобы затянуться сигаретой и избавиться от этого поганого настроения.

— Я увидел ее, накаченную кокаином и вдребезги пьяную, дефилирующую там словно она хозяйка.

— Ага, но думаю, что весь мир знает, что она наркоманка. Я слышал, что в последний раз она задолжала Братьям власти, по слухам, ходившим в «Регенте» о семье Константин.

Это вызвало мой интерес — один небольшой кусочек информации о Константин,

который ускользнул от меня.

— Братьям власти?

— Ага, Братьям власти. По-крупному, видимо. Говорят, мать закончила с ней. Думаю, она надеется, что кто-то другой уничтожит ее и избавит их от позора.

Я обдумывал эту новую информацию, когда он снова заговорил.

— Итак, что произошло, когда ты увидел на балу Илэйн Константин?

Я презирал стыд и унижение, растущие во мне. Хантер был верен мне в течение многих лет, но я изо всех сил старался озвучить ему это признание.

Но он спас меня от битвы.

— Ты схватил ее, не так ли? Ты позволил члену управлять твоей ненавистью и схватил ее?

— Все было не совсем так... — начал я, но он уже ухмылялся.

— Не кори себя, Люк, — сказал он. — Я видел ее. Она просто красавица, даже по меркам Константин. Я имею в виду, что они все красавицы, но Илэйн — нечто особенное. Я сомневаюсь, что есть много парней в таком положении, которые не захотели бы схватить ее затрахать до смерти.

Он в демонстрации выпятил бедра. В этом ключе все казалось таким дешевым.

— Я собирался причинить ей боль. Это не имело никакого отношения к ее киске.

Он все еще ухмылялся.

— Ага, но речь ведь шла о киске, верно? Поверь мне, я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понять, что она поймела тебя из-за своего тугого маленького тела.

— Забудь об этом, — сказал я и собрался уходить, слишком взбешенный от смущения, чтобы терпеть его ухмылку еще хоть одну минуту.

Он толкнул меня обратно на диван, отбросив свои шуточки

— Господи боже, Люк. У тебя есть к ней чувства. Ты в своем уме?

— Нет! — выплюнул я. — О чем, блядь, ты говоришь? У меня никогда ни к кому не было гребаных чувств. Это ты сошел с ума, черт возьми.

Но он покачал головой.

— Нет, я серьезно. Это не ты, приятель. Она что-то с тобой сделала.

— Это смешно, — прошипел я, но он мне не поверил. Я видел это по его взгляду.

Мне хотелось верить себе, и мне следовало верить. Эта идея была абсурдной. Никогда в жизни у меня не было чувств к кому-либо, не говоря уже о ком-то, кто имел хотя бы намек на связь с семьей Константин. Я не проявлял эмоций, не говоря уже о пушистом дерьме, *влюбленности* и прочей ерунде. Это была слабость. Ничего кроме слабости. Люди были плотью с ценником. Ничего большего.

— Все в порядке, ты же знаешь, — продолжил Хантер. — Серьезно, выкладывай уже. Все, что нужно сказать.

— Ты не чертов советник, Спарро. Нечего говорить, — возразил я, но он указал на часы над камином.

— Не совсем, о чем мне говорит то, что ты явился сюда в воскресенье утром еще до девяти утра. — Он ухмыльнулся. — Знаешь, я ведь из-за этого выгнал Мелиссу. Я планировал, по крайней мере, еще один разок трахнуть ее в задницу, прежде чем она уйдет сегодня.

— Мелисса? — спросил я. — Сучка за барной стойкой в «Эгейском море»?

— Не меняй тему, — сказал он и присоединился ко мне на диване, откинувшись назад и

закинув руки за голову.

Я заставил себя заговорить, чтобы сохранить свой рассудок. По крайней мере, если Спарро узнает о моем дерьмовом выборе, то у него будет шанс следить за мной, если я снова потеряю голову.

Я рассказал ему о бале у Тинсли и о том, как поймал Илэйн в ванной. Рассказал ему, что она хотела меня, несмотря на свой страх. Рассказал, как мне это понравилось, хотя и не хотел признаваться в этом даже самому себе.

— Итак, что случилось дальше? — надавил он, когда я закончил пересказывать события на балу. — Она позвала тебя на свидание? — он рассмеялся от подобной перспективы.

Вот тогда-то мне и стало неловко. Вот тогда-то и следовало заткнуться и свалить оттуда.

— Я получил через Альто доступ к ее календарю. К ее личному календарю.

— Какого хера? — Он повернулся на диване и уставился на меня. — У тебя есть доступ к ее личному календарю? За это с тебя шкуру спустят, как твоя семья, так и ее. Если они обнаружат, что у тебя есть к нему доступ...

На этом я оборвал его.

— Это ее чертов календарь. Ничего большего.

— Ага, и вторжение в самое сердце мира семьи Константин. Они придут за тобой со всей гребаной силой.

Он указал на вещи, которые я уже знал. Это была лишняя речь, но он все равно продолжал рассказывать мне, как взбесится мой отец, и как будут нападать члены семьи Константин из-за чего-то столь конкретного в намерениях.

А мне всего лишь хотелось выследить ее и уничтожить. Они бы узнали это. И отреагировали на это. Это было громкое заявление, и я знал это. Я знал, чем рискую.

Это было далеко не так серьезно, как то, что я пробрался на частную вечеринку семьи Константин, но это, казалось, не имело для Хантера никакого значения. В его голосе было больше беспокойства... он был слишком проникновенен для своего же блага.

— Ты уже выследил ее, — сказал он, и в этом не было никакого сомнения.

— Да, я уже выследил ее. И намеревался уничтожить ее.

Он покачал головой.

— Нет, не собирался. Говори себе это сколько угодно, но ты намеревался сделать с ней гораздо больше, чем просто уничтожить ее.

— На самом деле я сделал с ней все, — сказал я ему. — Я выследил ее в каком-то дерьмовом баре в Даунтауне и наблюдал за ней со стороны, наслаждаясь каждым маленьким признаком ее неведения. Потом еще лучше. — Я сделал паузу, чтобы впитать в себя выражение его безумия. — Я последовал за ней на какую-то дерьмовую квартиру ее подружки. Это казалось идеальным фоном, чтобы уничтожить ее... медленно.

— И трахнуть ее, — вставил он.

В конце концов, я признал очевидное.

— Да, и трахнуть ее. Я хотел разорвать ее на части и использовать ради острых ощущений.

— И почему же не сделал этого?

Я все еще не был уверен в ответе на этот вопрос, поэтому пожал плечами и продолжил признаваться в своем идиотизме.

— Я не знаю. Может, потому что она этого хотела. А может быть, потому что это было

бы слишком просто. Или потому, что хочу приблизиться к сердцу семьи Константин, когда возьму ее и уничтожу ее мир.

— Не делай этого, — проговорил он, и в его голосе было больше страха, чем я когда-либо слышал. — Серьезно, Люк, ради твоей жизни, пожалуйста, не делай этого. Больше не подходи к этой сучке Константин. Оно того не стоит. *Она* того не стоит.

Огонь во мне говорил об обратном, ярко горя от потребности в ее боли и разрушении.

— Я, блядь, серьезно, — сказал Хантер. — Не подходи больше к этой суке. Иди за Тинсли, если нужно. Или за кем-то из Рузвельтов. Почему не Харриет? Или даже Грейс, или кто там еще, не имеет значения. Только не Илэйн Константин. Пожалуйста, ради Бога, только не Илэйн Константин.

Я усмехнулся, потому что в его словах не было никакого смысла. Его логика не имела никакого гребаного смысла.

— А почему не Илэйн Константин? — спросил я. — Ее мать плакала бы сильнее, потеряв кого-нибудь из остальных, чем эту наркоманку. Устранения любого из них было бы гораздо более драматичным ударом по их наследию, чем сука, от которой они хотят отречься. Она будет легкой закуской.

Он покачал головой, и я прочел это в его глазах — что-то такое, от чего у меня в жилах застыла кровь.

— Это не имеет никакого гребаного отношения к семье Константин и к тому, о ком они будут плакать больше всего, — сказал он. — Дело в тебе.

— Во мне? — усмехнулся я. — Какое, черт возьми, это имеет отношение ко мне? Почему, черт возьми, имеет значение, кого из семьи Константин я решу уничтожить следующим? Я, блядь, выстрелю им в самое сердце, несмотря ни на что. Самое время, черт возьми, одному из нас сделать это.

— Это *все* имеет отношение к тебе, — сказал он, и это было правдой. Он действительно имел это в виду. — Это имеет *прямое отношение* к тому, кого из семьи Константин ты выберешь следующим.

— Так скажи мне, — огрызнулся я. — Скажи мне, какая катастрофа, как ты думаешь, произойдет, когда я отправлюсь за Илэйн Константин и уничтожу ее к чертовой матери навсегда.

Хантер Спарро посмотрел на меня как лучший друг, которого я знал десятилетиями, и все это в один короткий миг.

— Я не *думаю*, я *знаю*, какая катастрофа произойдет, — сказал он. — Ты не убьешь Илэйн Константин. Ты в нее влюбишься.

Илэйн

Посиделки с Харриет, Грейс и Вивиан за ланчем в баре загородного клуба «Регент» в понедельник — были для меня пустой тратой времени. Девушки болтали и смеялись, попивая кофе, как свора лучших подруг. Все мы четверо были блондинками, покрашенные в сдержанном стиле, среди целой толпы игроков в гольф, разодетых в официальные костюмы джентльменов и их стильных жен. Остальные девушки сияли после утренних занятий спортом, а я едва держалась на ногах после головокружительных выходных.

Бедрa покалывало под платьем: свежие порезы с прошлой ночи — достаточно глубокие, чтобы напоминать мне о моих неудачах.

Остальные погрузились в привычную пустую беседу. *Как прошли выходные? Ты видела платье Эми-Энн в субботу вечером? Винтажная окантовка, правильно?*

Я пила черный кофе, надеясь, что мы разойдемся как можно скорее. И от силы произнесла лишь пару слов, только фальшиво улыбалась, изображая интерес, пока все разговаривали.

А я и не могла быть заинтересована.

Все мои мысли были о Люциане Морелли.

Следовало понимать, что вопросы обратятся и в мою сторону. *За манеры не надо платить* — такой постулат прививали нам наши няньки и домработницы с юных лет.

Заговорила Грейс. Моя кухня была как с картинки, улыбаясь мне с противоположной стороны стола, ее глаза светились под фальшивыми ресницами.

— Эй, Лэйни, как прошли твои выходные? Как получилось, что ты пропустила мероприятие? Кто-то сказал, что ты была занята...

Две другие девушки смотрели на меня вместе с ней. Харриет — самая близкая из них кухня — пыталась выглядеть оптимистичной, будто не знала, что по стандартам семьи Константин мой ответ будет неприемлем.

Моя сестра Вивиан даже не пыталась выглядеть оптимистичной. Ее улыбка была абсолютно фальшивой, потому что она прекрасно осознавала, что, скорее всего, я находилась под кайфом в едва ли сознательном состоянии всё время с тех пор, как она видела меня в последний раз.

Я едва не рассмеялась — черный юмор, когда представила, какие выражения приняли бы их лица, если бы они узнали правду. Они бы облевали весь стол.

Я была в Даунтауне с Тристаном, смотрела на парня-рокера, член которого он мечтал заполучить. У меня снесло крышу от пива и кокаина, а рядом не было ни единого охранника... и затем я так желала, чтобы меня трахнул Люциан Морелли, а потом убил. Как оказалось, ничего из этого он тоже не сделал: только завел меня своими прикосновениями и поцелуями. Видимо, я представляла собой слишком жалкий экземпляр человека для уничтожения.

Я пожалала плечами.

— Да, всё было хорошо. Просто решила отдохнуть.

Три лица с бессмысленным выражением смотрели на меня, их не украшали даже наигранные улыбки.

Я выдавила собственную улыбку и увела разговор в сторону обиденных тупых тем.

— Расскажите мне о винтажном платье Эми-Энн.

Грейс заглотила наживку и включилась в разговор, скользя пальцами по своей талии и рассказывая о бирюзовом атласе и бриллиантах. Какое-то устаревшее дерьмо.

Я осознавала, что взгляд Харриет устремлен ко мне, пока я играла с кофейной кружкой. Я чувствовала его.

Я любила Харриет Рузвельт. И причиной этому был не только тот факт, что она давно стала моей самой близкой кузиной, а потому что та была очень милой, и я желала чему-нибудь у нее научиться. Она вела себя честно и прямолинейно во всех своих делах, и не только из-за того, что семья Константин — диктаторы, которые требовали: все должны делать то, что они говорят. Она сама по себе была честным и прямолинейным человеком.

Она не заполняла свой календарь сотнями благотворительных событий, потому что это круто выглядело в таблоидах. Она посещала подобные мероприятия, потому что хотела быть там и обладала золотым сердцем.

Возможно, у нас много общего, чем я могла когда-либо поверить, но мое сердце точно не было золотым. Оно было изорвано на части, мертво.

Секреты. Больше секретов.

Я бы свела ее с Джеммой из Даунтауна, если бы думала, что они смогут проводить время вместе в поместье семьи Константин, но моя мама просто взорвалась бы, если бы даже мельком увидела ту на территории Бишоп-Лэндинг, учитывая, что Джемма вступала в противоборство и носила дреды в волосах.

И несмотря на то, что я называла себя жалкой, самым жалким в этой жизни был блестящий фасад, скрывающий истинную испорченность и жестокость жизни семьи Константин. По крайней мере, Морелли не пытались казаться не такими, по сути, находясь в грязи.

Мы были вовлечены в криминальный мир так же, как и они. Подпольные сделки и коррупция. Подкуп политиков и другая трактовка их законов. И многое другое... даже более низкое. Настолько низкое, что я не смогла бы спать по ночам, если бы не была пьяна до такой степени, чтобы проваливаться в сон в беспомыслии.

Я едва заметила, как девушки посмотрели на часы и начинали готовиться к окончанию встречи. Видимо, слишком погрузилась в свои мысли, чтобы следить за ходом разговора. Мы, как обычно, обменялись воздушными поцелуями, и я даже не стала допивать свой кофе: надела пальто и уже была готова уйти.

И дошла уже до двери, когда Харриет схватила меня за руку. Я вздрогнула и инстинктивно шокировано посмотрела на нее, а на ее лице появилось привычное выражение замешательства, пока девушка пыталась понять, какого черта со мной происходит.

— Давай прогуляемся? — предложила она, и резкая вспышка в желудке указывала на требование новой порции кокаина, но я смогла достаточно собраться, чтобы противостоять желанию вдохнуть новую дозу в клубе «Регент» в обеденное время понедельника.

— Да, конечно.

Она переплела наши пальцы, когда мы выходили из здания, и махнула остальным девушкам и водителю. Я не знала, с чего начать разговор, поэтому не стала что-то придумывать, просто тупо смотрела вперед.

— Seriously, Лэйни, — прошептала она. — Что с тобой происходит? Пожалуйста, расскажи мне.

— Всё как обычно, — ответила я. — Не понимаю, почему ты спрашиваешь.

Я не ожидала, что она схватит меня за плечи и повернет к себе. Не ожидала увидеть боль и страх в ее глазах, когда наши взгляды встретились.

— Не делай этого, — произнесла она. — Не отгораживайся от меня таким образом. Когда ты построила между нами стену?

Уже давно, но не произнесла этого вслух. Я не могла сказать этого ей.

В ее мыслях мы все ещё были детьми, болтающими ногами, сидя в домике на дереве около ее особняка и разговаривающими о жизни и мальчиках. Пока эти разговоры не закончились. Пока мы не начали обсуждать традиции семьи Константин и дела семьи и пытаться влиться в этот сумасшедший мир.

Раньше я крепко ее обнимала, когда она была напугана, хотя сама внутри тряслась от страха. Я поднимала ее, когда она падала, и обещала, что всё всегда будет хорошо.

Я любила ее, и она любила меня. Пока она не перестала знать меня — недостаточно, чтобы любить по-настоящему. Настоящую Илэйн Константин без прикрас.

Харриет собиралась замуж. Однажды она выйдет замуж. Возможно, это будет кто-то хороший, кто-то, кто ей подходит, но, несмотря на все, такая девушка как Харриет сможет стать счастливой, с кем бы не сошлась. Она всегда видела лучшее в человеке, даже в каком-нибудь богатом ублюдке, с которым ее заставляла быть моя семья.

Я мечтала жить на таком же розовом воздушном облаке, на котором обитала она.

Она по-прежнему сжимала мои плечи.

— Ты где-то была с Тристаном? Разве ты не говорила, что он заинтересовался каким-то парнем?

Это оказалось достаточно хорошим вариантом, чтобы отвлечь ее, и я воспользовалась шансом.

— Он без ума от этого парня. Рокера. Синий Ястреб.

Она наклонила голову.

— Не думаю, что слышала о нем.

— И не услышишь, — ответила я. — Он известен в Даунтауне.

Ее рот приоткрылся, лишь слегка.

— Ты была в Даунтауне? С Тристаном?

Я кивнула.

— Да, там. Ничего страшного не произошло.

Она вздохнула.

— Без охраны? Твоя мама сойдет с ума.

— Я была с Тристаном.

— Да, но от Тристана не будет слишком много пользы, если кто-то решит причинить тебе серьезный вред, да? Особенно в то время, когда он увивается за парнем.

Я пожалала плечами, несмотря на ее хватку.

— Да, ну, я выжила, разве нет?

Казалось, что моего признания не было достаточно. Ее взгляд был устремлен на меня.

— Ты опять причиняла себе боль?

Я оттолкнула ее.

— Какого черта это имеет значение?

Она последовала за мной, когда я двинулась дальше.

— Для меня всегда имеет значение, как ты обращаешься с собой. Если ты не позволишь

самой себе любить себя, тогда как вообще ты можешь быть счастлива?

— Да, мне следует пройти курс лечения, правильно?

Она была напористее, чем обычно, вновь сжав мою руку.

— Ты должна что-то сделать, Илэйн. Поговори с кем-нибудь. Почему ты не позволишь мне стать этим человеком? Пожалуйста?

В ее глазах читалась мольба. Искренняя. Так странно, учитывая наше окружение.

— Пожалуйста, Лэйни, — продолжила она. — Пожалуйста, позволь мне стать этим человеком? Я никому никогда не скажу...

Я поверила ей. Ведь никогда в жизни она не променяла меня на другого человека. Если бы я только рассказала ей всю правду в самом начале, возможно, она бы придала мне сил бороться. Возможно, она бы поддерживала бы меня также сильно, как и я ее. Теперь же не было смысла отвечать своими эмоциями на ее.

Я вновь посмотрела на нее. Посмотрела на то, как она смотрела на меня, и поняла, что нужно делать. Поняла, что надо рассказать ей хотя бы часть.

— Поклянись, Харриет. По-настоящему? Что будешь держать рот на замке, несмотря ни на что?

Маленькая мисс Милашность вновь показала свое лицо. Она приложила руку к сердцу, будто для какой-то девичьей клятвы.

— Я клянусь честью Харриет Рузвельт.

Серьезно, я обожала, как ей удавалось до сих пор оставаться маленькой невинной девочкой, даже за суперстильной красотой.

Я ждала, пока клуб «Регент» скроется из виду, и только после посмела усесться на траву. Двойное признание представляло опасность. Рассказать мою правду о Люциане Морелли Харриет, как и Тристану, сделает всю ситуацию реальнее. Мое сердце гулко билось в груди, когда я прочистила горло, чтобы заговорить, и причиной этому стало не только отвращение к моему собственному признанию.

Моя реакция была вызвана силой желания, чтобы всё случилось вновь.

Я хотела Люциана Морелли.

Я хотела его прикосновений, и его боли, и его ненависти.

Это было странно. В это едва можно было поверить, потому что я желала чего-то, чего не хотела с раннего детства, когда мечтала о предстоящей сказке о благородном принце на белом коне, который должен был покорить мир и забрать меня.

Он не был благородным принцем на белом коне, он оказался злым зверем, ворвавшимся в мой мир, чтобы разрушить меня, но это не имело значения. Для меня.

Мне не следовало желать этого. Но желала. Я желала его всеми клеточками своего тела.

Я желала, чтобы Люциан Морелли влюбился в меня.

Люциан

Обычно понедельник был одним из моих любимых дней недели. Я был в своей обычной роли, в своей обычной империи, властвуя над каждым ничтожеством, попадавшимся у моих ног.

Мне нравилась безжалостность корпоративного бизнеса, поглощения и погони за официальным всемирным присутствием, так умело прикрывающее наше преступное присутствие. И все же в тот день мне это не вставляло. Трепет был для меня потерян под гнетом проклятого зуда другого удовольствия. Господи, этот проклятый зуд должен был прекратиться к чертовой матери.

Трентон Альто настаивал на встрече в эти выходные, стремясь догнать меня относительно успеха сделок с оружием и поставок девушек. Когда он позвонил, я удостоил его лишь одобрительным ворчанием.

Я весь день провел на совещаниях, слушая, как мои руководители докладывали последние новости, и мне было так скучно, что внутри все кипело от разочарования.

Хотелось крови семьи Константин и ничего другого.

Был уже поздний вечер, когда я, наконец, поддался непреодолимому искушению и просмотрел календарь Илэйн на неделю вперед. Она обновила его, пометив *«Харриет»* почти перед каждым мероприятием на неделе. В среду планировался еще один смехотворный глянцево-благотворительный концерт для сбора средств на образование малообеспеченных, и какой-то социальный ужин в четверг у Рузвельтов. В пятницу была назначена встреча со стилистом в каком-то дорогом магазине дизайнерских платьев в Хеммингс и *«девчачий день»* после этого.

Суббота была простой. Простой, но расплывчатой.

Тристан.

Обсуждение того члена, без сомнения.

Мне предстояло посетить множество светских мероприятий. На четверг у нас был назначен вечер в казино Морелли. Я, Лео, Эллиот и Кит. Также у меня запланирован какой-то дерьмовый ужин с Хантером и его университетскими друзьями, где меня ждут только фальшивые улыбки и рукопожатия (будто мне есть какое-то дело до его друзей). А на субботу — ужин с родителями, на котором как обычно будем обсуждать происходящее в «Морелли Холдингс» и мой успех в руководстве компании.

Но мне не хотелось делать ничего из этого.

Когда я вечером, наконец, покинул офис, Хантер прислал мне сообщение.

Простое *«новости?»* и ничего больше.

Я точно знал, что он имел в виду.

Мой ответ был односложным. *«Ничего»*.

И мгновенно последовал его ответ. *«Спасибо, черт возьми, за это»*.

Я поддался, по крайней мере, некоторым своим желаниям и из «Морелли Холдингс» отправился напрямик в другое мое место. То, которое в попытке подавить некоторые из моих острых низменных желаний, мне следовало посещать чаще.

Когда вошел в бар «Буйные радости», Кларка видно не было, но я не пошел в подсобку,

чтобы разыскать его. А направился прямо к столику у главной сцены и щелкнул пальцами, требуя немедленного обслуживания. Шлюхе не нужно было спрашивать, что я пью. Она подала мне минеральную воду на подносе, наклонившись так низко, что я разглядел ее декольте в почти ничего не скрывающем кружевном лифчике.

Я не стал сдерживаться, просто схватил ее за светлые волосы и потянул к себе на колени, уронив поднос вместе с моим напитком. В баре было тихо, если не считать звона разбитого стекла на кафельном полу, лишь несколько покорных шлюх суетились на танцполе, да несколько извращенных пар играли в свои игры в кабинках. Они повернулись, чтобы посмотреть, каждая пара глаз в этом месте искала зрелища, но я даже не заметил, просто сосредоточил свое внимание на шлюхе на моих коленях.

Ее поза была для меня, а не для зрителей.

— Прими, — прорычал я, и девка покорно захныкала. Она знала.

Мои ладони были твердыми и тяжелыми, я скользнул ими под ее мини-юбку и шлепнул несколько раз, довольно болезненными ударами, прежде чем потянул ткань и сорвал с нее трусики. Ее ягодицы уже порозовели и просили еще, и я дал это. Шлепал ее, и мои движения были пронизаны яростью, а сам сосредоточил взгляд на ее светлых волосах, почти не обращая внимания ни на что другое. *Илэйн*. Ее бедра были бледными, словно просили о мучениях. И я доставил их. Ее киска была влажной и умоляла о моих пальцах. И я сделал это.

Я растягивал ее до тех пор, пока она не напряглась и не начала шипеть проклятия, а затем вошел в нее кулаком по костяшки. Я заставил ее задыхаться и корчиться, извиваться животом на твердой выпуклости в моих штанах.

Илэйн.

Я хотел *Илэйн*. Я представлял себе мою маленькую белокурую игрушку Константин, закованную в цепи и принимающую мою ярость. Представлял ее истерзанные ею самой бедра — это было ничто по сравнению с теми мучениями и красивыми кружевными узорами на ее плоти, которые я мог бы нарисовать своим хлыстом и плетью.

Я продолжал растягивать и шлепать девушку на коленях, впитывая вид ее светлых волос вокруг моих пальцев. Да, ей было больно, но, блядь, ей это нравилось. И моей хорошенькой сучке *Илэйн* это тоже понравится — маленькая мазохистская куколка с красивыми испуганными глазами.

Я щелкал по клитору шлюхи, которая извивалась на моих коленях, тяжело дыша, сводя ее с ума, пока та не застонала. Потом остановился. Я закончил с ее удовольствием.

Затем заставил ее опуститься на колени, ее волосы все еще были накручены на мою руку, когда я расстегнул ремень, желая освобождения, прежде чем причинить ей еще больше боли.

Но нет.

Глаза, смотревшие на меня, не принадлежали *Илэйн* Константин.

Дрожь ее губ не была страхом Константин.

Мой член напрягся, но не хотел женщину, сидящую у моих ног. У меня потекли слюни, но не из-за девушки, готовой отдаться мне.

Я оттолкнул ее от себя, оставив задыхающейся на полу, не обращая внимания на осколки стекла, лежащие там. Она поморщилась от того, что один кусочек порезал ей палец. К счастью для нее только один.

— Еще минеральной воды, — рывкнул я, а она несколько секунд еще поерзала, переводя дыхание.

— Да, сэр. Конечно, сэр. Извините, что уронила Ваш напиток, мистер Морелли, сэр.

Она не пыталась возражать мне. Никто здесь никогда этого не сделал бы.

Разбитое стекло у моих ног напомнило мне о грохоте кружек на полу в той дыре, называемой квартирой, когда Илэйн слетела с катушек. Я чувствовал этот запах. Ее запах. Ее вкус.

Блядь, это была *она, она, она*. Всегда *она, она, она*, пронзающая мое непристойное сознание.

Я выпил минеральную воду, когда ее принесли, изо всех сил стараясь сосредоточиться на людях в комнате вокруг меня. Точнее, на их действиях. Я пытался сфокусироваться на свисте хлыстов и воплях боли вокруг. Пытался смотреть на сабмиссивов, закованных в цепи, и почувствовать хотя бы дрожь желания от того, что они корчатся в агонии в моих руках.

Но нет. Нет, нет, нет, черт возьми.

Перед моими глазами стояла только одна белокурая сучка, которую мне хотелось заковать в цепи. Звенел только один женский плач, который я хотел услышать.

Я был человеком, который всегда брал от жизни то, что хотел, и когда хотел. И не знал ничего, кроме собственного успеха, чего бы мне это ни стоило. Я взбирался на любую гору, какой бы высокой или крутой она ни была, каким бы дерьмовым и трудным ни был этот подъем.

Хотел взобраться на Илэйн Константин и разорвать ее на части на спуске.

Я хотел владеть ей. Причинить ей боль. Уничтожить ее.

Эта драгоценная женщина принадлежала мне. Мне нужно было увидеть ее снова. Скоро.

Я даже не стал дожидаться встречи с Кларком, прежде чем встал и покинул «Буйные радости». И набрал Трентону еще до того, как вышел на тротуар.

— Что, босс? — спросил он, и я ответил.

— Мне нужны два ключа, и они нужны мне прямо сейчас.

— От каких замков?

— Наружная дверь апартаментов и внутренняя дверь квартиры.

— Нет проблем. Где?

— Встретимся в Даунтауне, у многоквартирного дома на задворках Гаол-стрит, с дерьмовым наружным освещением.

— Даунтаун? Ты серьезно?

— Просто, черт возьми, доберись туда, — ответил я.

— Уже в пути, босс.

Мой шофер ждал возле клуба, но мне не хотелось ехать туда на машине, которой там не место. Поэтому вызвал такси, хотя и не привык к дешевой, вонючей коже, и мы направились в дерьмовую часть города.

Трентон уже ждал, когда я добрался туда. Я успел захлопнуть за собой дверь такси, но мой менеджер преступного мира не стал дожидаться моего приближения, а просто встретил меня на тротуаре.

— Какого черта ты делаешь здесь, в этой дыре, Люциан? Просто дай мне знать, кто и что должен, и я со всем разберусь.

— Дело не в деньгах, — сказал я. — Мне просто нужны эти два ключа.

Он непонимающе посмотрел на меня.

— Какого хрена тебе понадобились ключи от этой дыры?

Мой взгляд, должно быть, ошетинился злобой, чтобы скрыть стыд унижения.

— Какого хрена ты осмеливаешься вмешиваться в мои дела? Просто дай мне это гребаные ключи.

Он пришел в себя, отступив с «*конечно, извини, да*», прежде чем шагнул прямо к главной двери.

У Трентона было много полезных навыков, но взламывание замков было тем, в чем ему не было равных. И когда вы десятилетиями вскрываете замки, вы, как правило, накапливаете внушительную коллекцию отмычек. И у Трентона их было множество.

— Похоже на шестнадцатый, — проговорил он, прежде чем вытащить из кармана связку ключей. Он выбрал один, вставил в замок, и дверь открылась. Так просто. Оказавшись внутри, он снял ключ с кольца и положил его мне на ладонь.

— Дальше? — спросил он с довольной ухмылкой.

Я повел его наверх и по коридору к седьмой квартире.

— Номер три, в этом нет никаких сомнений, — сказал он, вывернув ключ из кольца, и бросил его мне в руку, даже не попробовав.

Я вставил ключ в замок, и он повернулся с бесшумной легкостью. Мою кожу покалывало, как и яйца, когда я толкнул дверь, надеясь какой-то извращенной частью меня, что Илэйн была там, свернувшись калачиком в постели. Конечно, ее там не будет. Она, вероятно, была в своей собственной печальной маленькой части комплекса семьи Константин, отключилась с выпивкой в руке и снегом (*примеч. сленговое название кокаина*), виднеющимся в ее ноздрах.

Я вошел внутрь и, конечно же, квартира была пуста. Темная. Жалкая.

Бесполезная.

Я включил свет и вспомнил блондинистую сучку, стоявшую в коридоре среди безвкусных безделушек своей подруги, выглядевшую так чертовски потрясающе в своем страхе.

Трентон все еще колебался, когда я повернулся к нему лицом, без сомнения все еще пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит.

— Теперь можешь идти, — сказал я.

Он уставился на меня, склонив голову набок.

— Как давно я работаю на тебя, босс? — спросил он. — Двенадцать лет, да? Как минимум, двенадцать лет.

— Достаточно долго, чтобы понять, что тебе нужно держать свои мысли там, где им место. В твоей толстой черепушке, пока я не раскрыл ее.

Он знал, что я не сделал бы это без серьезной на то причины, не такой, как я сделал бы с любым другим, стоящим на его месте. Мы были знакомы достаточно долго, чтобы знать черты и манеры друг друга. Я полагался на Трентона Альто, даже если не хотел этого. И он знал это.

— Двенадцать лет, а я все еще не знаю, как ты работаешь. Ты чертовски загадочен, Люциан Морелли. Даже по меркам семьи Морелли.

Мне удалось ухмыльнуться ему.

— Перестань пытаться понять это. Тебе же лучше в долгосрочной перспективе.

— Не сомневаюсь, — ответил он и ушел.

Дверь за ним закрылась, а я стоял в тишине, вдыхая воздух этого места. Напротив меня был дермовый гобелен — кричащая синева с мультяшным китом у корабля. Фотография ухмыляющихся идиотов висела на дальней стене у кухонной двери. Я подошел ближе, гадая,

кто из этих идиотов был подругой Илэйн.

Пол на кухне был вычищен, разбитые кружки аккуратно убраны в мусорное ведро. На ковре не осталось никаких следов крови от еще одной попытки самоповреждения после того, как я ушел.

Я сел на диван в гостиной, где сорвал с нее платье, и уставился на пустое место на полу.

Мне было интересно, как часто она бывала здесь, заглушая все дерьмо в своей жизни, от которого она так решительно отказывалась. Потом я задумался и об этом тоже.

Что такого было в Илэйн Константин, что она так сильно презирала? Что заставило ее так сильно двинуться головой?

Это было не мое дело, и не стоило и секунды моего времени. Мне не следовало находиться в радиусе и пяти километров от этого места, не говоря уже о том, чтобы сидеть на диване какой-то неудачницы, думая о женщине, чей последний вздох должен был давно уйти, взятый моими собственными руками.

Было уже далеко за ранние утренние часы, когда эта мысль покинула меня на сегодня. Я даже не осознавал, что жду ее, пока не понял, что она действительно не придет.

Конечно, она не пришла. Какого хрена ей приходить в эту лачугу, когда у нее был Бишоп-Лэндинг? Черт знал, зачем она вообще тут оказалась.

Я выключил свет и направился к выходу.

Я ненавидел себя за свои оправдания за то, что хотел ее киску, потому что именно это я и делал. Лгал самому себе. Лгал себе о том, как сильно я хотел ее хорошенькую маленькую щелку.

Нахер. Нахер все это.

Нахер мое собственное гребаное дерьмо.

Я снова и снова проверял ее календарь, ожидая, пока за мной заедет еще одно вонючее такси. Вечер среды. Пометка о долбанном благотворительном вечере для сбора средств на образование малообеспеченных смотрела на меня с экрана моего мобильного. *Черт возьми.*

Он упоминался во множестве сообщений местных СМИ, когда я искал местоположение «*Действия во имя правды*», и их ежеквартальный аукцион.

Блядь!

Я быстро двигал пальцами по экрану, опережая мысли, не заботясь ни о чем, кроме охоты на эту сучку из семьи Константин. Я зарегистрировался на это торжественное мероприятие, за столиком в центре зала, вбивая имя, которое так хорошо знал.

Теренс гребаный Кингсли собирался участвовать в аукционе, и на этот раз он будет там, чтобы его увидел весь мир, а также та единственная женщина, на которую я хотел претендовать.

Илэйн

Возможно, Харриет спасет меня от меня самой.

Я сидела рядом с ней на ежеквартальном благотворительном мероприятии «Действия во имя правды» и осматривала стоящие вокруг нас столы. Лица, которые прекрасно знала. Лица из Бишоп-Лэндинга и загородного клуба «Регент», а также знаменитостей, ищущих признания в таблоидах. На мне было надето узкое платье цвета бургунди, демонстрирующее мое декольте, мне хотелось хоть в этой области заслужить семейного признания. И лучше постараться изо всех сил. Скоро даже о моей внешности пойдут нелюбезные слухи, если я продолжу слишком сильно пудрить носик.

Харриет не переставала посылать мне взгляды утешения, прекрасно зная, какие мне приходится прикладывать усилия. Я не поведала ей всю историю с Люцианом Морелли, но рассказала достаточно. Достаточно, чтобы она поняла: я находилась на опасной территории, и не Морелли являлись главной угрозой. Ей была я сама, рискующая потерять остатки своего безумного разума ради дьявольского принца.

Я не вдохнула ни дозы кокаина с самых выходных. Ладони потели, а ногой отбивала ритм под столом, борясь с ломкой. Но я сопротивлялась. Бог знает как, но я сопротивлялась из последних сил.

За нашим столом еще оставались свободные места, и мой желудок сжимался в равной степени и от нервов, и от ломки. Я устремила взгляд в противоположный конец зала, чтобы понаблюдать, как моя мать посылает воздушные поцелуи сидящим за столами и, приближаясь к нам, машет всем своим «друзьям». Мое сердце затрепетало в груди, когда она посмотрела на меня, от ее взгляда разило холодом, несмотря на улыбку на лице.

Она ненавидела меня. Стыдилась меня. И уже обрекла меня никчемной.

Маленькая девочка во мне хотела вскочить, подбежать к ней и умолять крепко меня обнять. Хотела сказать ей, что стараюсь изо всех сил исправиться, и больше не буду употреблять наркотики, что я обещаю, обещаю.

Пожалуйста, мама. Пожалуйста, люби меня. Пожалуйста.

Но я не могла этого сделать. Не могла подбежать к ней. Было бы слишком больно, когда бы она меня оттолкнула.

Она расположилась по другую сторону стола, напротив меня и Харриет, поставив бокал с шампанским перед собой. Я знала, кто присоединится к ней. Лионель Константин. Мой дядя. Брат моего отца.

Дядя, который согревал постель моей матери уже очень, очень долгое время.

Дядя, который оставил на мне свои отметины, когда я была еще слишком мала, чтобы понимать их смысл.

Ш-ш-ш. Секреты.

Наша семья была выстроена на секретах. Секретах и лжи.

Просто при виде него у меня появлялась дрожь. Он кивнул мне, занимая место рядом с мамой, и я почувствовала, как мое лицо напряглось. Кокаин кричал мне новую песню, умоляя... умоляя...

На нем был смокинг с темно-синим галстуком-бабочкой, брови казались густыми и уже

с проседью. Он оставался привлекательным, хотя и быстро старел. Я лишь мечтала, чтобы тот старел намного быстрее и попрощался со мной навсегда.

Я даже подумывала о том, чтобы бросить свои попытки и позволить себе дозу кокаина, но Харриет взяла меня за руку под столом еще до того, как я дернулась. Ее глаза произносили больше, чем могли бы слова. Она покачала головой, совсем слегка, но я сделала вдох, заставляя саму себя остаться на месте.

У меня едва была секунда, чтобы собраться, прежде чем я услышала голос мамы с ледяной интонацией, достаточной тихий, чтобы слышал только наш стол.

— Рада видеть, что ты хоть где-то все-таки осчастливила нас своим присутствием, Илэйн.

— Я была занята, — произнесла я, молясь, чтобы мероприятие началось как можно скорее, и она перестала гнобить меня.

Ее мысли легко читались. Она думала, что я — позорница-наркоманка, и мечтала, чтобы я наконец-то оставила их и где-нибудь тихонечко умерла, чтобы больше не позорила честное имя нашей семьи. В этом была вся моя мать: она намеривалась сохранить блестящее мерцание семьи Константин, несмотря на грязные методы. Для нее это было важнее, чем каждый из нас.

Я не смела перевести взгляд на Лионеля, поскольку он так сильно напоминал мне отвратительную поношенную версию моего отца, собственно, как и всегда. Меня всегда тошнило от этого, особенно когда позволяла мыслям о нем пробраться к себе в голову.

Пожалуйста, дядя Лионель. Нет. Нет. Не впускай их. Не дай им причинить мне боль.

Я неотрывно наблюдала за остальными за столом и мужчиной, который занял место на сцене. Мне хотелось наслаждаться происходящим. Хотелось наслаждаться мероприятием и хотя бы на один вечер избавиться от пагубного пристрастия. Хотелось любить людей вокруг и поверить, хотя бы на один вечер, что они по-настоящему любят меня в ответ. Меня, а не мой блеск, который все видели снаружи.

Список лотов, выставленных на аукцион, ничем не отличался от привычного. Платья, дизайнерские показы, бриллианты и жемчуг. Отпуск на самых крутых мировых курортах и персональный трек от одного из самых популярных певцов.

Люди с наслаждением встречали лоты. Моя мать несколько раз поднимала руку, улыбаясь словно фея Драже, когда ей удавалось победить.

— Для тебя, — сказала она Лионелю, когда выкупила поездку в Лондонский будуарный отель.

— Какая же невестка мне досталась свыше, — произнес он с ослепительным блеском в глазах. — Каким же счастливым был мой брат.

И в этот момент мой язык вырвался на свободу.

— Он уже мертвец, — произнесла я, едва слышно. — Твой брат оказался настолько *счастливым*, что его убил тот, кто хотел прибрать к рукам всё принадлежащее ему. Если бы мы только знали, кто это был. Эй, дядя Лионель, ты не знаешь, кто это был?

— Достаточно! — прошипела мать и только потом осознала, насколько громкими вышли ее слова. Она нацепила улыбку еще ярче, выжидая несколько секунд, а потом наклонилась через стол, чтобы продолжить только для меня. — Ты больше не ребенок, Илэйн. Если ты до сих пор не можешь отпустить тему со смертью отца, то сейчас самое время это сделать. Повзрослей и перестань относиться к своему дяде Лионелю как непослушная маленькая сучка. Я уже достаточно с тобой об этом говорила. Больше, чем

достаточно.

Я ненавидела, когда она разговаривала со мной подобным образом. Я видела, как все сидящие за столом семьи Константин вжались в стулья, каждый из нас прекрасно чувствовал возросшее напряжение между мной и главой семьи.

Грейс, Вивиан и Тинсли сидели слева от меня, Кингстон, Харлоу на стороне Лионеля, — справа. Да. Все знали об этом напряжении.

Все знали, что я неудачница. Неконтролируемая, никчемная неудачница. Так почему бы не поддержать это жалкое представление, которым на самом деле было наше сборище? Я решила поступить так. Как и обычно. Я нацепила свою собственную фальшивую улыбку, а потом собрала воедино всю свою напускную смелость, чтобы показать окружающим.

Я поступила так ради себя. Сделала это перед лицом дяди Лионеля и всего того дерьма, что он заставлял меня чувствовать. Я поступила так, потому что не знала, за что еще можно ухватиться, кроме как за собственное представление, восхвалявшее меня саму в этой адской комнате.

Забив на минеральную воду, я налила себе фужер шампанского, не озадачиваясь ожиданием официанта. Я немного отпила и подняла руку, чтобы предложить цену на опеку пингвина в местном зоопарке, не обращая внимания на стук в груди и прекрасно понимая, что и так очень много должна, чтобы пережить из-за нескольких тысяч долларов. Я смогу победить. Я смогу победить и заработать полагающиеся аплодисменты. Тихие жалкие аплодисменты для жалкой маленькой душонки, которая ни на что больше не способна — только опекать гребаного пингвина.

Но речь шла уже не о нескольких тысячах долларов, по крайней мере, спустя уже пару секунд.

Пять тысяч... восемь тысяч... двенадцать...

Мама хмурилась, но я не обращала внимания, допивая шампанское и не опуская руку.

Я не проиграю.

Харриет сжала мою ногу под столом, но я не заметила.

Восемнадцать тысяч долларов! Восемнадцать!

— Илэйн, — начала мать, но я не слушала, лишь выше поднимая руку.

Лионель попытался высмеять мои действия, представляя мои попытки как никчемные, но от этого жар в груди разгорелся сильнее, а рука взмыла только выше.

У меня не было восемнадцати тысяч долларов. У меня вообще едва что осталось. Я потратила всё на наркотики, вечеринки и выплату долгов в тех местах, где не должна была появляться... на людей, к которым не должна была приближаться. В местах и на людей, о которых я не могла поделиться со своей семьей — они лишь насмехались надо мной в ответ. Братья власти охотились за мной и моим долгом, проценты набегали с дикой скоростью, потому что они прекрасно знали: мне придется заплатить без помощи матери, потому что ходили слухи, что она уже списала меня со счетов.

И это правда. Слухи оказались правдой.

Двадцать тысяч долларов!

Мои мысли плавали посреди страха, позора и безумия: мое сердце билось как сумасшедшее. Я хотела победить, чтобы стать хоть кем-то, хотя бы на несколько коротких секунд получить поздравления толпы.

— Илэйн! — вновь попыталась мать, но я ее не слушала.

Харриет еще сильнее сжала мое колено, но я не слушала.

Двадцать две тысячи долларов!

Со мной пыталась бороться дочь знаменитого борца, которая пыталась найти себя в качестве модели, но провалилась. Вероятно, она пыталась показать себя публике и таблоидам так же, как и я.

Двадцать четыре тысячи долларов!

Мать хмурилась, несмотря на наигранные радостные возгласы.

Двадцать семь тысяч долларов!

Зельда Харт. Дочкой борца была Зельда Харт. Я слышала, что она принимала участие в песенном конкурсе и провалилась.

Двадцать восемь тысяч долларов!

— Серьезно, — прошептала Харриет. — Пожалуйста, Илэйн, что ты творишь? Не думала, что у тебя есть...

Ее голос оборвался. Моя рука не опускалась.

Двадцать девять тысяч!

Я чувствовала тошноту. Жажду кокаина. Желание вскочить со стула и бросить всё. Но всё дело было в аплодисментах. В том, чтобы заглушить внутренних демонов, хотя бы на одну короткую минуту. В том, чтобы заглушить демонов дяди Лионеля и его темных дружков со всеми их темными секретами в уголках моей души.

И заглушить демона, которым был Люциан Морелли.

Вот дерьмо. Люциан Морелли оказался демоном. Демоном, который в моих мечтах овладевал мной и моей никчемной душой.

Тридцать! Тридцать тысяч долларов!

Я должна перестать думать о Люциане Морелли. Каким-то образом я должна перестать думать о нем.

Я вернулась в реальность, когда рука Зельды опустилась за соседним столом. Она хлопнула в ладоши и поздравила меня через весь зал, и всё внимание сосредоточилось на мне. Каждая йота внимания всех присутствующих в зале оказалась на мне.

Я сделала это. Я выиграла какого-то дурацкого пингвина, когда у меня не было налички даже выкупить свою душу из ада.

Мои глаза казались стеклянными и мертвыми, и раздавшиеся аплодисменты ничего не значили. Отвращение матери по-прежнему громко било по мне несмотря на то, что она улыбалась вместе со всей толпой.

Но затем раздался голос. Голос, который не имел для меня значения. Такой чистый британский акцент, что у меня сперло дыхание.

— Пятьдесят тысяч долларов, — произнес мужчина.

Нет.

Этого не могло произойти.

Я увидела его тьму. Увидела статность его осанки. Увидела оправу его очков, когда он поднял руку вверх, будто самый спокойный мужчина на планете.

Я увидела надетую на нем одежду, которая совсем не походила на одежду Морелли, и диктофон, и камеру, которую он так аккуратно расположил на столе рядом с собой.

Конечно, нет. Конечно, люди поняли, что это был он. Конечно, они смогли бы разглядеть.

Но нет.

Кажется, не смогли.

Я ожидала, что мама и Лионель будут вне себя, как и весь наш стол, но они не шевельнулись, очевидно, не подозревая, что злой ангел — это наследник Морелли, который находился на нашем мероприятии, легко и просто.

Я не могла отвести взгляд.

Моя рука дрожала, когда я опустила ее на стол, потому что просто не могла не ошибаться. Должно быть, я совсем потеряла разум.

— И пингвин достается очаровательному джентльмену за пятым столиком! — огласил ведущий, и аплодисменты раздались еще громче в честь монстра среди нашей компании.

— Как вас зовут, сэр? — спросил ведущий, как только восторги утихли и его голос мог хоть кто-то услышать.

Вероятно, дело было в смелости. Люди даже не подозревали, что кто-то мог быть настолько отважным или сумасшедшим. Никто бы не поверил, что Люциан Морелли покажется на одном из светских мероприятий семьи Константин, будто самый обыкновенный прохожий с улицы в поисках шоу. Порой мы пересекались с семьей Морелли, когда это было действительно необходимо, на светских мероприятиях, которые наши семьи не могли пропустить. Но нечасто. И точно не на событиях подобного рода.

Никто не знал, что это он. Seriously, никто не знал, что это он.

Никто, кроме меня.

— Ваше имя? — вновь задал со сцены вопрос ведущий, и монстр отправил в мою сторону холодный взгляд, его британский акцент был безупречен во время ответа.

— Теренс Кингсли, — произнес он. — Журналист из «Нэшонал Телеграф», Лондон. Я выступаю от имени одного из наших крупнейших акционеров. Он пожелал сделать анонимное пожертвование.

Ко мне наклонилась Харриет, когда вновь раздались аплодисменты, ее смех оказался достаточно неожиданным, чтобы привести меня в чувства.

— Ну вот опять, — прошептала она мне прямо в ухо. — Ты теперь можешь перестать думать о Люциане Морелли. И можешь вместо этого проявить интерес к этому парню, он очень похож на него. Если бы не очки.

Я должна была рассказать ей, что Теренс Кингсли — это маска на чарошее. Чарошее, который хочет заколдовать мое сердце, а потом уничтожить меня.

Но я промолчала.

Я не сказала ни единому человеку.

Я вновь не решилась рассказать.

Люциан

В этом месте собралось так много приветствующих и аплодирующих дураков. Так много идиотов верило, что я какой-то жалкий журналист, прибывший из-за Атлантики. Я поднял свой бокал в сторону сцены и отвесил насмешливый поклон.

Черт знает, но безумие настолько охватило меня, что я заплатил пятьдесят тысяч долларов только за то, чтобы насладиться выражением лица этой суки, когда она увидела, что это я украл ее овации. Конечно же, так оно и было. Это всего лишь ради оваций и выражения шока и страха на ее лице, когда она поняла, что это я. Определенно я не спасал идиотку от ее же собственного проклятого сумасшествия, когда она предлагала тысячи за пингвина, хотя за ее спиной из-за долгов стояли гребаные Братья власти.

Сидящие за столом члены семьи Константин явно не в курсе того, что настоящий Теренс Кингсли был похоронен в глубинах лондонских трущоб. Для них он был прямо здесь, среди них, с жалкой камерой на столе в качестве маскировки.

Глава семьи была скупа в своих аплодисментах, царственно ухмыляясь, пока хлопала мне. Ее шурин уже был практически в стельку пьян, сидя рядом с ней и поднимая руки вверх.

Илэйн не пыталась предупредить их. Она смотрела на меня, ее дыхание было прерывистым, но девчонка не сказала ни единого гребаного слова.

Тем хуже для тебя, сука. Тем хуже для тебя.

Я снова сел и откинулся назад, потягивая очередной бокал с минеральной водой, в то время как третьесортные звезды дерьмовых реалити-шоу, расположившиеся за столом вокруг меня, делали все возможное, чтобы быть пойманными в объектив камер. Ох как я ненавидел благотворительные мероприятия. Они были воплощением безвкусицы и высокомерия, где все превозносили себя за то, что были такими самоотверженными святыми в своем раздутом образе жизни. Это, а еще то, что они говорили: «Аве Мария» на пути к вечному божественному.

По крайней мере, я отдавал себе отчет в том, что являлся злым ублюдком. Мой путь в ад уже был вымощен грехом. И скоро он будет вымощен еще и кровью, и болью Илэйн Константин.

К тому времени, как ведущий на сцене успокоился и оставил людей в покое, на аукционе было продано еще двадцать лотов. Большинство гостей сидели за своими столами, занимаясь, как обычно, ничего незначущим общением, как и Теренс Кингсли.

Было забавно, что, когда я подошел к Кэролайн Константин достаточно близко, она потянулась к моей руке.

— Какое благородное предложение от вашего акционера, — сказала она с улыбкой. — Это случайно не Уинстон Уорвик?

Я постучал себя по носу.

— Мне, конечно, не позволено говорить, но, возможно, вы правы.

Она хлопнула шурина по руке.

— Я так и знала. Я знала, что это будет Уинстон. — Ее глаза засверкали, когда она встретилась со мной взглядом. — Не беспокойтесь, мистер Кингсли. Я не скажу ему ни слова. У него такая щедрая душа.

Уинстон Уорвик был мудаком, и я знал его достаточно хорошо. Он выливал через британские СМИ столько нелепостей и шлака, что я удивлен, что население до сих пор не смеялось над его откровенной чушью, но они этого не делали. Они поглощали сенсационный мусор и продолжали молить о добавке.

Илэйн сидела за столом рядом с остальными членами своей семьи и смотрела на меня своими большими голубыми глазами. Ухмылка, расплывшаяся на моем лице, когда я отходил от ее мамы, говорила о многом. И я удостоверился, что прошел достаточно близко от ее кресла, чтобы она могла почувствовать жар моего тела.

Но я не ожидал, что она встанет и последует за мной, когда направился к следующей кучке идиотов, чтобы поболтать с ними.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — прошипела она, прежде чем я подошел к следующему столику.

Мой взгляд, должно быть, был холодным и мерзким, когда я посмотрел на нее.

— Становлюсь святым для всего мира, конечно. Будь благодарна, что я спас тебе целое состояние. Возможно, это убережет твою задницу от Братьев власти еще на несколько дней.

Она заметно вздрогнула.

— Что, черт возьми, ты знаешь обо мне и Братях власти?

Я наклонился к ней так близко, что почти ощутил вкус кожи га ее шеи, и прошептал.

— Я знаю, что ты в опасности из-за них, глупая маленькая девочка.

Она пожала плечами.

— Я в опасности из-за многих людей. Так что они могут присоединиться к моему личному «фан-клубу», не так ли?

Я схватил ее за руку прежде, чем она успела отодвинуться.

— Кто еще, черт возьми, охотится за тобой?

Она повернулась ко мне лицом и встала так близко, так чертовски близко, что ее губы были всего в паре сантиметров от моих. Илэйн была одета в насыщенно-темно-красный цвет, и он так хорошо контрастировал с ее светлыми волосами, что это стало настоящим искушением. Ее декольте поднималось и опускалось вместе с ее дыханием. Мне захотелось, чтобы ее грудь была покрыта алой кровью, чтобы соответствовать ее платью.

Ее слова были едва слышны, когда она заговорила.

— Какого хрена тебя волнует, кто за мной охотится? Просто возьми себя в руки и убедись, что ты первый в очереди, если хочешь убить меня. Не хочу, чтобы ты упустил свой шанс.

Мой ответ показался рычанием в переполненной комнате, наполненной хихиканьем и сплетнями.

— Я спросил, кто еще, черт возьми, охотится за тобой, Илэйн?

Под этой бравадой ее глаза были полны боли.

— А я спросила, почему тебя это волнует?

И в этот момент какой-то крикливый придурок хлопнул меня по спине, он был из Лондона и желал поговорить о «Нэшенал телеграф». Илэйн, не теряя времени, ускользнула.

Мне пришлось потратить пять секунд на разговор, прежде чем я смог извиниться и отправиться на ее поиск. Она пробиравалась сквозь толпу гостей, прокладывая себе путь к задним двойным дверям, ее идеальные светлые волосы подпрыгивали на плечах.

Коридор за холлом не был пуст, когда я нагнал ее, но мне было все равно. Просто схватил ее за локоть и отвел в сторону, толкая нас дальше, в какой-то закуток для персонала.

— Держись от меня подальше! — рывкнула она и на этот раз попыталась вырваться. Сука отбивалась руками и коленями, на ее лице было выражение ярости, когда та пыталась бороться со мной.

Илэйн лишь слегка успела прикоснуться ко мне, прежде чем я прижал ее к стене и поднял ее запястья высоко над головой. Ее клатч упал на пол, и содержимое вывалилось на ковер. Косметика, сотовый и кошелек. Она задыхалась, боялась, ненавидела меня с каждым вздохом, но все равно не могла бороться с этим. Не могла скрыть правду под ложью и нападками.

Илэйн хотела меня.

А я хотел ее.

И в этот момент, без всякого сомнения, я понял. Мы оба были безумными гребаными фриками в этом безумном гребаном мире.

— Я никогда не считала тебя сталкером, — прохрипела она, когда ее дыхание успокоилось. — Твоя семья посмеялась бы над тобой, увидев тебя прямо сейчас. Или прострелила бы тебе коленные чашечки.

— Почему ты думаешь, что мое присутствие здесь связано с тобой? — прорычал я. — Прямо сейчас я могу выслеживать любого из вашей отвратительной семейки.

Она прижалась животом к моему набухшему в штанах члену и рассмеялась надо мной. Взывая к глубинному маленькому всплеску духа внутри, сука смеялась надо мной.

— Кажется, не все в семье Константин такие уж отталкивающие, не так ли? — спросила она. — Нет, с тех пор как ты тяжело переживаешь за одного из нас.

— Это не имеет никакого отношения к моему члену, — возразил я ей. — Вся ваша семейка должна сдохнуть, я просто выполняю свою клятву, чтобы жить, соответствуя своей фамилии.

— Возьми меня, — прошептала она, и эти слова так удивили меня, что перехватило дыхание. — Я серьезно, — продолжила она. — Пожалуйста, просто трахни меня, прежде чем я умру. По крайней мере, доставь мне это маленькое удовольствие, подразни меня, прежде чем уничтожить.

Господи, она уже была пьяна от шампанского. Ее губы были такими манящими. А ноги — медовой ловушкой, когда та приглашающе раздвинула их для меня. Ее сиськи жаждали, чтобы их растерзали, и причинили боль, и дразнили.

Я снова задал ей вопрос.

— Кто еще, черт возьми, охотится за тобой, Илэйн?

— Мне все равно, — ответила она. — Они могут прийти за мной. Мне уже все равно.

Это было за гранью, потому что казалось, что я больше заботился о ее выживании, чем она сама. Ее ноги были все еще раздвинуты, и сучка все еще терлась об меня, ее горячее дыхание с привкусом шампанского обжигало мои губы.

— Пожалуйста, — повторила она. — Пожалуйста, Люциан, просто трахни меня. Сделай это больно, как ты любишь, но, пожалуйста, покажи мне, каково это, когда тебя берут.

Конечно, она была пьяна, но не настолько, чтобы нести чушь, которую на самом деле не имела в виду. Ее зрачки были расширены, но сосредоточены, и я мог сказать, глядя на нее, полагаясь на мой многолетний опыт и зная, что с людьми делают наркотики... Илэйн Константин не была под кокаином. Не сегодня.

— Ты, должно быть, жаждешь немного порошка, так как сейчас явно бредишь без него, — сказал я. — Неужели у тебя столько долгов, что никто не одолжит тебе даже на

несколько жалких дорожек?

Она кивнула на свою сумочку на полу.

— У меня есть немного, можешь проверить, если хочешь. Но мне это не нужно. Я больше не буду принимать.

Я рассмеялся ей в лицо.

— Будто, черт возьми, ты не нуждаешься в этом. У тебя на лице написано «наркоманка». От тебя просто разит этим.

— Мне все равно, что ты думаешь. Думай, что хочешь.

Эта фраза разозлила меня гораздо сильнее, чем ее смех. Я прижал колено к ее киске так сильно, что знал — это будет больно.

— *Всем* плевать, что я думаю, — прорычал я. — Я — Люциан Морелли. Мое слово — Бог.

— Бог для меня ничего не значит, — всхлипнула она, извиваясь у моего колена, несмотря на боль. — Бог давным-давно отвернулся от меня.

— Только потому, что ты сама от себя отказалась. Всегда есть искупление, маленькая девочка, — ответил я, и эти слова прозвучали странно.

Ее удивление было искренним.

— Искупление? Вау. Я не считала тебя религиозным парнем.

Я еще крепче прижал колено к этой сладкой киске.

— Не религиозный, малышка. Благочестивый. Достаточно благочестивый, чтобы слышать твои грехи и доставить тебе спасение.

— Тебе понадобится много времени, — ответила она. — Выслушивание моих грехов заняло бы целую жизнь. Будто ты когда-нибудь поймешь их.

Господи, как же мне хотелось этого. Я хотел слышать каждый из них, судя по ее учатившемуся дыханию.

Спасибо, блядь, мои чувства вернулись ко мне в этот момент. Я снял напряжение, с проклятьем толкнув ее на пол.

— Забудь об этом. У меня нет для тебя и секунды, не говоря уже о целой жизни, — выплюнул я и присел на корточки рядом с ее разбросанными вещами. Заглянул в ее сумочку, запустив пальцы под подкладку, пока не нашел кокаин. Я сунул его в свой карман, пока она смотрела.

Чего она не заметила, так это того, как я заменил его маленьким предметом. Я в мгновение ока затолкнул трекер в подкладку так глубоко, что она никогда не найдет его без ножниц.

Я с ухмылкой поправил подкладку.

— Убедись, что больше не будешь торговаться за пингвина. Будь ответственной маленькой сучкой, по крайней мере, оставшуюся половину ночи.

— И это все? — спросила она. — Ты действительно собираешься украсть мой кокс и снова съебаться?

Я поправил свой дешевый галстук-бабочку и поднялся на ноги. Мое молчание было достаточным ответом, когда я уходил.

Я был уже вне поля ее зрения, когда достал из кармана телефон и запустил приложение для отслеживания. И был на стоянке, когда на экране появился первый сигнал о ее местонахождении.

Да. Идеально. Абсолютно, черт возьми, идеально. Именно так, как я планировал, и

именно так, как я жаждал.

Хорошая сучка Константин была у меня под пальцем.

Илэйн

Я бы нюхнула новую порцию кокаина, если бы он не забрал его у меня. Дрожа, собрала свои вещи и направилась обратно в толпу людей в главном зале.

Люциан мог меня убить. И сейчас он снова мог меня убить. Так почему же не сделал этого? Почему не разорвал меня на части?

Когда я села за наш стол, Харриет была в своем репертуаре. Она одарила меня привычной поддерживающей улыбкой и притянула к себе.

— Ты отлично справляешься, — подбадривала она меня, но я чувствовала себя как угодно, только не отлично. Я чувствовала себя разбитым зеркалом — никчемная блондинка из семьи Константин, у которой не складываются отношения с остальными.

Казалось, Харриет не замечала страха в моих глазах, без сомнений, списывая мою дрожь на ломку и нечто другое.

А может, и нет.

— Видела, ты разговаривала с тем журналистом? — спросила она у меня с улыбкой на лице. — Я всего лишь шутила, сказав, что он похож на Люциана Морелли и ты можешь приударить за ним.

Я чуть не выдала ей всю правду, но вовремя остановилась.

— Знаю, что ты шутила, не переживай, — прошептала я. — Мне же нельзя ни за кем приударить: мама уничтожит этого человека еще до того, как я прикоснусь своими губами к его.

Харриет даже не стала спорить со мной: она знала, что я была права.

Ночь тянулась бесконечно. Теренс Кингсли исчез.

Я выпила еще много шампанского, но не почувствовала ни возбуждения, ни облегчения. Просто села в машину к своему водителю, когда было дозволено покинуть это дерьмовое представление. Решила ехать в свою квартиру в городе, смотря невидящим взглядом в окно машины, пока меня везли к дому, но в нашей поездке было нечто странное. По спине прошлась неприятная дрожь.

Складывалось такое ощущение, словно за мной наблюдали. Странная подсказка интуиции, когда понимаешь, что кто-то следит за тобой.

Я усмехнулась сама себе. Еще один побочный эффект ломки. Видимо, паранойя стала еще одним пунктом в списке.

Или, возможно, туда стоило добавить Братьев власти.

Водитель открыл для меня дверь, когда мы подъехали к зданию. По пути в квартиру я огляделась вокруг, потому что по-прежнему чувствовала его. По-прежнему чувствовала на себе этот взгляд.

Зайдя внутрь квартиры, я бросила клатч на стол, не положив в подкладку кокаин. На этот раз я действительно покончила с ним.

И также покончила с Люцианом Морелли. Я должна покончить с ним. Это к лучшему. Клянусь своим нуждающимся сердцем.

Я забралась в постель и провалилась в сон. Проснулась поздно, с раскалывающейся головой и грохочущим сердцем. Дрожала и мечтала о новой дозе наркотиков, но

проигнорировала это чувство и съела на завтрак мороженное, несмотря на тошноту. Я посмотрела несколько любимых с детства фильмов, зная все реплики наизусть. Вспомнила, как будучи маленькой девочкой верила в мир. Поразмышляла о мечтах, в которые верила и которые тогда могли стать явью.

И я думала о Люциане Морелли. Хотя и поклялась своему сердцу, что переступила через этого человека, но всё равно думала о Люциане Морелли.

Я игнорировала свой мобильник. Игнорировала всё вокруг. Я игнорировала свое сердце и свою боль, нож-скальпель, зовущий меня с тумбочки около кровати. Но не могла игнорировать мысли о чертовом Люциане Морелли.

На этот вечер у меня был запланирован ужин у Рузвельтов: в особняке дяди Крейна с Харриет, Сайласом и Ньютоном. Мама тоже планировала быть там, как и Уинстон, Вивиа и Тинсли.

И вновь мне не хотелось идти.

И вновь я была должна.

Я оделась, освежила свой образ толстым слоем макияжа. Уложила волосы в приличную прическу, надела джинсы и туфли на каблуках. Обыденно. По крайней мере, всё могло пройти обыденно.

Мне не стоило этого делать, но я сделала это в качестве подстраховки — в подкладку клатча положила новую дозу кокаина, хотя и ругала себя за это.

Водитель ждал меня около дома в семь часов, и вновь, как только я вышла на улицу, у меня случился приступ паранойи. Я чувствовала на себе обжигающий взгляд, заставляющий меня дрожать при каждом шаге. Черт возьми, как я мечтала поскорее избавиться от этой дурацкой ломки. И нервничала, смотря в окно, пыталась убедить себя, что нахожусь в безопасности, но от этого становилось только хуже. За нами по пути к особняку Крейна следовала машина, и я была убеждена, что следили из нее. Волны паранойи накатывали одна за другой. Братья власти никогда бы не последовали за мной в семейные владения. Они не настолько сумасшедшие, чтобы так рисковать. Тогда кто это? Кто преследовал меня по всему Нью-Йорку и его окрестностям?

Но оказалось, что машина меня не преследовала. Она продолжила свой путь дальше по дороге, когда мы свернули в сторону особняка Крейна, и спокойно ехала по Бишоп-Лэндинг. К черту мой затуманенный разум. К черту всё.

Мероприятие прошло скучно. Смех плохо прикрывал грязные деловые разговоры мамы с Крейном и Ньютоном, но это не отвлекало меня от них. Я знала, о чем они разговаривали. Знала, что они обсуждали, как уничтожить кого-нибудь ещё ради своей выгоды.

И вновь я покинула мероприятие, как только это стало возможно в рамках приличия нашего круга. Все пытались не акцентировать внимание на откровенном отречении моей матери от меня, но получилось плохо. Она едва смотрела в мою сторону в этот вечер, и в такие редкие моменты я казалась куском дерьма на ее туфельке.

Харриет пыталась увлечь меня в разговор. Но у нее не получилось.

Сайлас пытался поговорить со мной о том, что произошло с Люцианом Морелли на балу в честь Тинсли. И у него тоже не получилось.

Я уехала на машине в город, едва попрощавшись с ними: у меня вырвался вздох облегчения, когда я опустила заднее сидение автомобиля.

Но вновь появилась она.

Та паранойя.

Я была глухой. Сумасшедшей и глухой.

Я посмотрела в пассажирское окно, чтобы убедить саму себя в собственной глупости... но вновь появилась она. Та же самая машина сопровождала нас обратно в город.

И в этот момент я поняла, что вовсе не была глухой. Конечно, не была глухой. Братья власти пришли за мной, на этот раз по-настоящему. Мои дни отмашек от них подходили к концу, со мной вскоре будет покончено. В этот раз со мной реально будет покончено.

Я должна быть счастлива. Наконец-то. Это те люди, которые закончат мое существование.

Тогда почему я была так напугана? Почему боялась подарить свои последние вдохи кому-то, кроме дьявольского ангела — единственного, которому хотела отдать их?

Я хотела подарить их Люциану Морелли.

Я выскочила из машины, как только водитель припарковался рядом с моим зданием: даже не дала ему времени открыть для меня дверь. Вбежала в здание, зашла в лифт, а затем в квартиру. Только после этого осмелилась вздохнуть.

Братья власти не достанут меня здесь. Никто не достанет меня здесь, благодаря армии охранников на первом этаже.

Я проверила свой ежедневник. На оставшуюся часть недели были запланированы встречи только с Харриет. Братья власти не придут за мной, пока я рядом с ней. Это стало бы довольно смелым ударом в лицо моей семье, и риск ответного удара был бы слишком велик.

Я настолько погрузилась в мысли о Братьях власти, что подпрыгнула на месте, когда запиликал мобильный телефон. Тристан. Это был Тристан.

Придешь в субботу? Синий Ястреб оказался хорош в постели. Надеюсь, ты сможешь еще раз с ним встретиться. Хочу твоего одобрения.

На самом деле мне настолько сильно не понравился Синий Ястреб. Он оказался маленьким высокомерным ублюдком, державшим Тристана на мушке. Но мне понравилась его поддержка. Это подвигло меня на ответ.

Тот горяченький Стефан там будет?

Ответ пришел спустя пару секунд.

Конечно. Надеюсь, он сможет тебя отвлечь от фантазий о Морелли.

Ему не стоило писать об этом. Я удалила его сообщение перед ответом.

Я буду.

По крайней мере, теперь можно было чего-то ждать. Я не представляла, когда увижу и увижу ли вновь Люциана до того, как меня возьмут в плен охотники за моей кровью, так что пока могла насладиться лицемерием парня, сильно на него похожего.

Тристан прислал сообщение с адресом, и я внесла его в ежедневник, пока не забыла. Клуб «Душа». Еще один клуб в Даунтауне. Еще одно место, о посещении которого я никому не скажу. По крайней мере, Братья власти не подумают искать меня там.

Я направилась в кровать, сумев пережить еще один день без кокаина, заглушающего мою самоненависть. Скальпель звал меня, потребности в освобождении при порезе кожи было труднее противостоять, чем зову наркотиков в венах. Я смогла побороть оба эти желания. Черт знает как, но я смогла бороться с обоими желаниями.

Какой же позор, но я не смогла бы противостоять Люциану Морелли, если бы он вновь пришёл за мной.

Я стала ненавидеть себя сильнее, осознав, что надеюсь на то, чтобы он вновь пришел за

МНОЙ.

Люциан

Засунуть трекер в сумочку Илэйн стало плохим решением. Мысли об этой сучке не оставляли меня ни на минуту. Мне следовало довольствоваться тем, что ее местонахождение всегда у меня под рукой, но нет. Я хотел охотиться на нее. Дразнить ее. Пугать до боли.

Я под страхом смерти велел своему шоферу молчать о том, куда вели меня наши поездки. И мне не нужно было убеждать его — он знал, как серьезно я относился к своим угрозам. Как только тот осознал серьезность моих требований, то оказался у меня в кармане. Двадцать четыре часа в сутки, пока я не говорил ему обратного.

Я знал, что он мне понадобится.

Я преследовал Илэйн с того самого момента, как она вышла той ночью с аукциона, искушая себя фантазиями о ее боли и страхе. В четверг утром я даже и близко не собирался приближаться к штаб-квартире «МореллиХолдингс», как дурак пялился на многоквартирный дом, в котором она жила, находясь за пределами радаров ее службы безопасности, в то время как мой шофер пытался уснуть на переднем сидении.

В четверг вечером сучка наконец покинула свою квартиру, чтобы проскользнуть в свой лимузин и отправиться на светскую встречу к Рузвельтам. Мой водитель в считанные секунды пришел в движение, визжа шинами, когда мы отъезжали. Я следовал за ней от ее городской квартиры до Бишоп-Лэндинга, не выпуская машину из поля зрения, пока она не свернула налево на подъездную дорожку своего дяди-мудака по имени Крейн, о котором на протяжении многих лет до меня доходило множество слухов. Судя по всему, ее мать полагалась на брата в некоторых наиболее гнусных аспектах своего бизнеса. Возможно, присутствие Илэйн было чисто символическим на этом светском мероприятии, которое должно было спонсировать другое, более прибыльное.

Мне следовало бы сразу убраться оттуда — раз и навсегда — но я этого не сделал. Я забил на семейный вечер своей семьи в казино, сказав остальным, что у меня есть более важные дела, которыми должен заняться. И это была правда.

Она была моим важным делом, которым я должен был заняться.

Я не узнавал самого себя, продолжая заикливаться на глупой сучке, живущей в ее глупом мире, но не мог отступить. Не мог прийти в себя настолько, чтобы списать ее со счетов как никчемную и отставить, блядь, в покое.

Я часами слонялся по улицам, ездил кругами со своим измученным шофером, пока ее трекер, наконец, не сказал мне, что она покидает имение Крейна. Потом догнал ее машину на главной улице Бишоп-Лэндинга, следуя за ней обратно в город, просто чтобы посмотреть, как та выскочила из машины и направилась к своему многоквартирному дому.

Одну вещь хорошенькая сучка не могла скрыть — куда бы девчонка не пошла, она двигалась чертовски быстро. Это вызвало у меня улыбку. Я не сомневался, что она знала, что за ней следят. Инстинкт... Илэйн знала, что за ней гонится монстр.

Мое отсутствие в штаб-квартире Морелли в пятницу утром было непонятным для всех. Исполнительные директора постоянно звонили мне на мобильный. Я выкрикивал инструкции, скупно цедя сквозь зубы односложные ответы на сложные ситуации, но мне было все равно. У меня не было времени ни на кого из них, ни секунды.

Трентон пытался гоняться за мной, чтобы получить одобрение еще одной международной сделки, но на него у меня тоже не было времени. Мне было наплевать, кто, что и куда доставлял. Именно тогда, когда он позвонил мне поздним утром, чтобы получить окончательное согласие, я понял, что попрошу у него взамен гораздо больше. Гораздо больше, чем когда-либо должно быть у меня на уме.

— Я хочу узнать, что происходит между Илэйн Константин и Братьями Власти, — сказал я ему. — Хочу знать, какого хрена она им должна, и что, черт возьми, планирует с этим делать.

Трентон на мгновение замолчал.

— Прости, что? Ты хочешь, чтобы я раскопал о Братьях Власти и Илэйн Константин?

Я с шипением выдохнул.

— Это то, что я сказал, не так ли?

Я слышал в его голосе замешательство.

— Да, но. Я просто... если я начну копать про них, они поймут, что это исходит от тебя.

Он был прав. Я знал, что тот был прав. Каждая крупица здравого смысла в моей голове кричала о моем безумии, но все же я не отступил.

— Я хочу всего. Хочу знать все, — настаивал я, и он вздохнул.

Знал, что он, как и я, думал, что я сошел с ума, но также Трентон знал, что лучше не бросать мне вызов. *«Конечно, босс»*, — было ответом, который Трентон дал мне.

Утро пятницы было скучным и медленным. Илэйн никуда не двигалась, пока солнце не поднялось высоко в небе, и только тогда отправилась гулять пешком по Нью-Йорку со своей кузиной Харриет.

Я стал настоящим гребаным сталкером, когда бросил своего шофера на городской стоянке и последовал за ней по улицам. Правда держался на расстоянии, достаточно далеко позади, чтобы у нее не было никакого шанса заметить меня, но опять же, ее инстинкты все еще были сильны. Так много раз она оглядывалась назад, широко раскрыв глаза в поисках своего охотника. Так много раз я исчезал из поля ее зрения.

И когда Илэйн собралась примерить платье в одном из лучших бутиков города, я, наконец, решил еще немного подогреть страх этой сучки. Для этого подошел к витрине достаточно близко, чтобы она могла мельком увидеть меня. И стал ждать. Подождал, пока она не перестала кружиться — мгновенная остановка во время вращения, удивив стилистов не меньше, чем ее саму. Моя хорошенькая белокурая шалунья моргнула и сделала шаг вперед, ее потрясение было настолько ощутимым, что я мог почувствовать его в воздухе.

Она бросилась ко мне, к двери, но это не имело значения. Я исчез в мгновение ока, просто скрылся из виду, когда она выскочила на тротуар.

Мне понравилось это чертово сомнение в себе, отразившееся на ее лице, когда сучка вернулась в бутик. Так много гребаных сомнений в себе, что она, должно быть, подумала, что сходит с ума.

Я сделал это снова, когда они с Харриет пили кофе в одном из баров на Ист-стрит. Топтался на другой стороне улицы, не сводя с нее глаз, пока та не повернула голову и не увидела меня мельком. На этот раз она заметно вздрогнула, вставая со своего места, чтобы броситься в мою сторону, но я снова исчез.

Снова и снова я играл свою игру на улицах. Преследуя ее. Дразня. Наблюдая, как паранойя поднимается выше и выше. Кошки-мышки всегда были моей любимой игрой, с тех пор как я был ребенком. Это разносило острые ощущения по моим венам.

Вот так киска, кис-кис.

Так много раз я мимолетно попадался ей на глаза. Столько раз она спешила найти меня. И каждый раз сучка терпела неудачу.

День выдался долгим. Вечер подошел к концу, обе девушки размахивали своими дизайнерскими пакетами, и Илэйн удалось рассмеяться, преодолев свои страхи. Она направилась обратно в свою квартиру, как только они закончили, обнявшись на прощание, на заднем сиденье лимузина, прежде чем броситься внутрь.

Я все еще крутился возле ее дома, когда Хантер начал пытаться связаться со мной. Он позвонил три раза подряд, прежде чем реальность обрушилась на меня, как удар молотка. Блядь. Конечно, он звонил мне. Я должен был быть с ним на светском ужине. Я принял чертов звонок.

— Эй, наконец-то, — со стоном проговорил он. — Ты придешь? Мы ждем тебя, чтобы заказать основные блюда.

Я слышал на заднем плане гул ресторана и должен был направиться прямо туда, но нет. Одного взгляда на свет, льющийся из квартиры Илэйн сучки Константин, находящейся в верхней части небоскреба, было достаточно, чтобы удержать меня на месте.

— Нет. Я не приду, — проворчал я. — Наслаждайся вечером.

— Не придешь? Серьезно? Какого хера?

— Серьезно, — ответил я. — Более важные дела.

— Дерьмо с Трентоном?

Я не стал лгать. Так как никогда не лгал.

— Другое дерьмо, которое нужно решить, — огрызнулся я.

Он знал меня так чертовски хорошо. Я услышал это в его голосе, когда тот вздохнул.

— Ты все гоняешься за это сучкой Константин? Пожалуйста, скажи, что ты не этим занимаешься.

— Наслаждайся вечером, — снова сказал я и повесил трубку.

Я не ответил, когда Хантер перезвонил, просто перевел телефон на беззвучный режим и уставился на то окно. Мне хотелось ее увидеть. Хотелось услышать ее прерывистое дыхание и почувствовать ее страх. Несомненно, Илэйн куда-нибудь отправится. Конечно, она могла бы пойти куда-нибудь в пятницу вечером и позволить коту еще раз поиграть, но нет. Мое время было потрачено впустую. В ту ночь она больше не выходила из дома.

В субботу утром Хантер снова позвонил мне, когда я, наконец, достаточно пришел в себя, чтобы вернуться в свою квартиру и принять душ. Я старался говорить ровным голосом, когда отвечал.

— Чертовски ранний звонок, — заметил я. — Звонишь, чтобы сообщить последние новости? Снова заполучил киску Мелиссы, или перешел на новую?

— Даже не пытайся сменить тему, — рявкнул он, и на этот раз его голос был чертовски напряжен.

— Какую тему? — спросил я. — Ты даже ничего не сказал.

— Ты точно знаешь, какого хрена я звоню.

Я рассмеялся.

— И ты знаешь, что это не твое гребаное дело, — ответил я, и Хантер усмехнулся.

— Конечно. Позвони мне, когда захочешь, чтобы в твою черепушку вколотили немного здравого смысла. — И тот повесил трубку.

Я сомневался, что позвоню ему в ближайшее время.

В субботу Илэйн никуда не выходила. Я следил за ее местоположением, но на этот раз делал это с дивана в своей квартире, борясь с собственной паранойей из-за того, что она могла уйти куда-то без своего клатча. Я заставил себя держаться от нее подальше, проверяя деловую хрень, которую уже должен был подписать, а трекер рядом со мной продолжал пищать. В ту ночь я должен был быть со своей семьей, рассказывать отцу, как идут дела в империи, отойти от которой тому потребовалось десять лет. Мне ни в коем случае нельзя было рисковать возможной ответной реакцией, отказываясь отвечать на его вопросы, как я делал со всеми остальными на этой неделе.

И все же я отменил наш совместный семейный вечер. Одним простым сообщением: *«Встретимся в другой раз. Обязательства требуют моего внимания».*

Я не стал утруждать себя проверкой ответа. Меня не интересовало, что они хотели сказать.

Была только одна вещь, которая меня интересовала. Дневник Илэйн Константин. Я знал, что ждало ее этой ночью. *Тристан.*

Я знал, где это. Клуб «Душа» — еще один дешевый бар в Даунтауне и еще один дерьмовый концерт Синего Ястреба с ее лучшим другом слабаком, без сомнения гонящимся за членом Тристана.

На этот раз я не стал вызывать своего шофера.

Мое такси подъехало к клубу «Душа», когда концерт только начался. Я знал, что меня ждет. На этот раз мне не нужен был пропуск или быть в списке гостей, чтобы пройти мимо вышибал на входе, но пришлось пройти проверку безопасности на предмет наличия пистолета или другого оружия. Было чертовски странно чувствовать, как меня обыскивают вышибалы-неудачники — их руки так чертовски близко проходили от моей плоти.

Я уже четко составил план своего пребывания там и занял позицию глубоко в тени у края, в безопасности, вне поля зрения симпатичной белокурой мышкой, когда она появилась.

Прошло добрых тридцать минут, прежде чем я первый раз увидел ее на противоположной стороне танцпола, повисшую на руке слабака, с улыбкой на лице. Ее широкая, яркая улыбка была достаточно поверхностной, чтобы заставить меня ухмыльнуться. Сучка вздрагивала каждый раз, когда кто-то приближался, поворачиваясь к ним лицом с широко распахнутыми глазами.

Она была напугана. Действительно чертовски напугана.

Мой пристальный взгляд был прикован к ней, когда начался концерт, и ее взгляд переместился к сцене. Там снова был тот придурок — скотина с рычащим голосом, который звучал так дерьмово, только в этот раз я ненавидел не его голос. Я ненавидел его.

Ненавидел то, как моя милая маленькая мышка смотрела на него снизу вверх.

Нельзя было отрицать этого, даже несмотря на то, что она напивалась пивом, джином и всем тем, что, блядь, доставлял ей этот слабак. Невозможно было отрицать очевидное.

Парень был огромным, свирепым, любящим металл мужиком с мускулами, которые перекатывались под футболкой. Его волосы были темными и гладкими, а глаза такими же глубокими, как и мои. Почти.

Этого было достаточно. Достаточно, чтобы моя маленькая грязная сучка захотела от него кусочек. Она хотела мудака с этой сцены.

За это мне хотелось его убить.

В этом не было никакого смысла, ни капельки. Мне должно было быть похуй, за чьим членом гналась одна из сучек Константин. Мне нужно было убедиться, что это подходящее

место, чтобы прикончить ее, стереть с лица земли, покончить с этим и никогда больше не думать о нуждающейся сучке, но я знал, что этого не произойдет.

Господи Иисусе, мне нужно было взять себя в руки.

Мне не нужно было быть в этом чертовом гребаном клубе, когда ее чертов трекер прислал сигнал на мой телефон. Я не должен был находиться рядом с ней. Не следовало думать о ней. Не следовало хотеть иметь с ней ничего общего, кроме ее кончины. Но все равно не мог остановить это. Я не мог остановить себя.

На протяжении всего выступления она болела за членоголового на сцене, и на протяжении всего выступления я стискивал при виде этого зубы. Я завелся еще больше, когда увидел кое-что похуже, чертовски хуже — то, как он глянул на нее через весь зал, когда поднял руки и сказал толпе *«увидимся позже»*. Он смотрел ей вслед так же пристально, как она смотрела на него. Я мог бы перерезать ему горло, если бы не был лишен ножей, которыми мог бы сделать это.

Илэйн была в своем обычном состоянии опьянения, продолжая ночь и один за другим опустошая свои напитки. Следующим был придурок Синий Ястреб, и она была достаточно пьяна, чтобы прыгать по танцполу, не заботясь о том, кто, черт возьми, охотился за ней.

Глупая. Маленькая. Сучка.

Слабак танцевал рядом с ней, они оба прыгали под панк-рок-дерьмо придурка, когда я приблизился. Она даже не знала, что я надвигаюсь. Мне было все равно.

Это только заставило меня хотеть ее еще больше.

Я планировал выскочить и схватить ее, как только она покинет танцпол, когда этот придурок Ястреб пожелал толпе хорошей ночи, но у меня не было шанса. Не успела сцена опустеть, как слабак схватил Илэйн за руку и повел через двери за кулисы, и они вдвоем исчезли. Ушли и скрылись из виду.

Ни хрена себе. Я упустил возможность схватить и забрать ее.

Мне следовало уйти, а не использовать свое имя, чтобы расчистить путь к своей добыче, но я этого не сделал. Я бросился напрямик за ней, врезавшись в охранников, пока пробирался за кулисы.

— Отвалили от меня на хрен, — прошипел я им, но они не двинулись с места, просто скрутили меня и прижали спиной к кирпичной стене.

Им следовало бы знать, кто я такой. Следовало бы увидеть в моих гребаных глазах предупреждение, но нет. Они были чертовыми дураками, которые, блядь, не сделали этого.

— За кулисы вход воспрещен, — проворчал один дурак, и я набросился на него, ударив коленом в пах достаточно сильно, чтобы тот упал.

— Я Люциан гребаный Морелли, — прорычал я, поставив ногу ему на грудь, пока он извивался. — Я Люциан гребаный Морелли, и ты пропустишь меня за кулисы или будешь жалеть об этом до конца своей жалкой жизни.

Я знал, что слухи о моем присутствии распространятся. Не было ни малейшего шанса, что этого не произойдет, и последнее, в чем я нуждался — взбучка от моего отца в дополнение к тому дерьму, которое обрушилось на меня из-за отмены встречи. Мой отец был человеком стали и закона Морелли. Он не терпел дураков, даже когда эти дураки были кровными родственниками. *Особенно*, когда эти дураки были кровными родственниками. Черт возьми, помогите мне. Черт возьми, спасите мою проклятую душу. Но сейчас у меня не было на это времени.

Вышибалы были не настолько глупы, чтобы бросить мне вызов. Парень продолжал

извиваться, издав еще один стон, когда я уперся ботинком ему в ребра, переступая через него. Другой парень широко распахнул дверь за кулисы и низко наклонил голову, когда я проходил мимо.

Я прошел вперед, отчаянно высматривая сучку, за которой охотился, но не слышал ее. Я ни хрена не слышал. Ни голосов за кулисами, ни чего-либо в коридоре передо мной, в гримерке не было никого, кроме пустых бутылок.

И именно тогда я услышал ее смех — всего лишь тихое хихиканье через заднюю дверь на стоянку и звук захлопнувшейся дверцы машины.

Я мельком увидел ее в такси, когда оно отъезжало. Она сидела на заднем сиденье рядом с грубой скотиной со сцены, а ее дружок-слабак и его член-завоевание восседали рядом с ними.

Черт, они направлялись куда-то.

Как и я.

Я включил трекер, а потом вызвал гребаное такси.

Сучке Константин недолго осталось играть с незнакомцами. Я собирался поймать ее.

Илэйн

— Напомни-ка мне, детка, как тебя зовут? — спросил меня парень, сидящий со мной на заднем сидении автомобиля.

Это был Стефан. Стефан из Лондона. Моя голова покоилась у него на плече, пока мы ехали по окрестным улицам.

Я придумала имя.

— Меня зовут Ребекка. Ребекка Марш.

— Ребекка Марш, — повторил он. — Я хочу твою киску, Ребекка Марш.

Я растянула губы в притворной улыбке.

Потом взглянула на него, освещаемого лишь светом от проносящихся в окне уличных фонарей. Он был всем, что я желала. Зловещим и сильным. Свирепым.

Люциан.

Я перевела взгляд со Стефана на Тристана, повисшего на Ястребе. Их разгоряченные руки блуждали друг по другу. И я ревновала. Как и всегда, я ревновала. Так как желала почувствовать руки на себе.

Хотя бы раз в жизни получить их.

Стефан опустил голову и оставил поцелуй на моей шее. Влажные теплые губы щекотали мою кожу. Потом скользнул рукой по моей, и пробрался пальцами под платье, сжимая мою плоть. Сжимая мои сиськи нежно и жестко.

Люциан.

Я почувствовала, что выгнула спину в поисках большего контакта. Мне хотелось жестче. Мне хотелось больнее.

Но я не получила желаемого. Такси остановилось у какого-то дома в дешевом пригороде, озаренный огнями. Огнями из окон и открытых дверей, а еще гремели басы.

— О, домашняя вечеринка, давайте затусим! — прокричал Ястреб, и они с Тристаном вывалились из такси.

— Пойдем, — прошептал Стефан и потянул меня за руку на улицу, по пути предлагая еще одну рюмку водки. — Не могу дождаться, когда смогу похвастаться тобой на вечеринке, Ребекка, — сказал он мне. — Ты такая маленькая горячая сучка, знаешь, да?

Да, я знала это. Это единственное мое достоинство в жизни. Это всегда было моим единственным достоинством.

Несмотря на затуманенный рассудок, я почувствовала укол стыда, желание чего-то грязного, дешевого и запретного, но вместе со стыдом во мне нарастало напряжение. Первый звоночек к тому, что тебе чего-то не хотелось, хотя тело было согласно на все. Мое тело желало Стефана из Лондона. А сердце желало Люциана Морелли.

В коридорах толпились какие-то панки. Повсюду люди общались, танцевали в такт музыке или играли в игры с шариками от пинг-понга и пластиковыми стаканчиками со спиртным. Стефан же вел меня следом за Тристаном и Ястребом прямо к кухне в дальней части дома, где кто-то дал мне непечатую банку пива.

Мне не хотелось его, в отличие от моего непутевого тела. Потому я залпом выпила его и взяла еще одно.

— Послушай эту песню, Ребекка, — приказал мне Стефан, его резкий голос раздался прямо у моего уха. — Это моя песня. «Прикончи богатых, накорми бедных» называется.

Я усмехнулась сама себе. Никто никогда не смог бы прикончить богатых. Богатые правили миром.

Очевидно, Стефан не заметил бриллиантов в моих ушах, в которые нашептывал, или коллекцию колец на пальцах. Он не заметил дизайнерское платье, в которое я умудрилась втиснуться, или туфли на шпильках, которые вряд ли еще раз надену. Парень не обратил внимания ни на стоимость моего клатча, лежащего на стойке рядом с нами, ни на белоснежный блеск моих зубов, ни на то, что я смотрелась на этой вечеринке так же, как корова на луне.

Ему было все равно. Было все равно на то, кто я, и тем более на меня. Но это не имело никакого значения. Добро пожаловать в мой мир, Стефан из Лондона. Добро пожаловать в мой мир. Я уже привыкла к нему.

Мое ухо закололо, когда он произнес следующие слова — очередной звоночек в моем сознании.

— Пойдем со мной. Я хочу твою киску. Хочу добраться до твоих самых потаенных мест. Я молчала. Не могла придумать ответ.

— Ты же хочешь этого, да, детка? — давил он. — Хочешь насладиться членом Стефана Кэннона?

Мне стоило сказать правду. Стоило сказать, что не хочу наслаждаться членом Стефана Кэннона. Я желала насладиться Люцианом Морелли.

Только этого мне хотелось.

Только в этом нуждалась.

Но нет.

Поэтому я улыбнулась, прижимаясь к нему вплотную и отодвигая в сторону свои дурацкие потребности в угоду дешевой замене.

— Да, — ответила я. — Я хочу насладиться членом Стефана Кэннона.

Потом обернулась, чтобы найти Тристана, но он находился в укромном темном углу, блуждая руками по телу Ястреба. Я почувствовала, как пальцы Стефана сжали мои, и затем он потянул меня за собой.

— Я остановился в доме у барабанщика Ястреба, это тут неподалеку. Дойдем пешком.

Я потянулась за чем-то, но разум был так затуманен, когда он потянул меня за собой. Что я же искала? Он сказал мне.

— Еще одно пиво на дорожку, — произнес он и всунул мне в руку бутылку. — За все хорошее.

— За все хорошее, — произнесла я, и он потянул меня на улицу.

Там было холодно, мои каблуки со стуком встречались с асфальтом на тротуаре. Ему было плевать. Парень продолжал упорно тянуть меня за собой, не переставая рассказывать о том, какой он крутой и какие потрясающие у него песни. И даже спел мне одну, когда мы переходили дорогу. Я вспомнила его голос в клубе и взглянула на него, вновь рассмотрев в его глазах тьму.

Люциан.

Стефан остановился около круглосуточного магазина и забежал туда за сигаретами. И сразу прикурил одну, предлагая и мне.

— Не хочешь затянуться? Куришь?

Я кивнула, хотя не хотела затягиваться и никогда в жизни не курила обычные сигареты. Мне хотелось кокаина. С меня хватило отрицания. Я желала чертову дозу кокаина. Потому на автомате потянулась к клатчу, но его не было. Черт возьми, клатча не было. Я резко остановилась и бросила сигарету на землю. Где, черт возьми, мой клатч?

Я как дурочка похлопала себя по телу, будто он мог быть где-то рядом. Перевела взгляд на тротуар позади нас, но его нигде не было видно.

— Я потеряла клатч, — сказала я Стефану, и он засмеялся.

— А я потерял сигарету, видимо, мы квиты.

Он думал, что это смешно.

Я попыталась вырваться из его хватки, но он крепко меня держал.

— Мой клатч... — произнесла я, но он не шевельнулся.

— Тебе не нужен твой клатч, Ребекка, — ответил он. — Тебе нужен мой член.

Мне нужен был мой кокаин. А не его член.

Парень потянул меня за собой, крепко прижимая к себе.

— Тебе нужен мой член, Ребекка, и ты его получишь.

Стефан из Лондона казался огромным по сравнению со мной. Его мышцы были крепкие, а глаза потемнели от желания, когда он закурил новую сигарету. В этот раз я отмахнулась от его предложения втянуть никотин. Мне ничего от него не хотелось, но моя киска была со мной не согласна. Моя киска требовала наградить ее членом после стольких лет воздержания.

Люциан.

Я не представляла, куда мы направлялись: в квартиру какого-то там барабанщика. Мои шаги подчинялись идущему рядом мужчине, каблуки громко стучали о тротуар. Он положил руку на мою задницу и сжал плоть — я вздрогнула.

— Надеюсь, ты знаешь, что мой член входит в любое отверстие, в которое захочет, — он засмеялся. — Будь готова отдать мне всю себя.

Я не засмеялась в ответ, но мои ноги не прекращали своего движения.

— Пей, — произнес он и резко поднес пиво к моему рту. Оно закапало на мой подбородок, но я продолжала пить. — Почти дошли, — сказал мужчина.

Он напрягся. Я это почувствовала.

И в ответ инстинктивно напряглась. Я тоже это почувствовала.

Позвякивание ключей в его руке подсказало мне, что мы уже на месте. Мы поднялись по металлической лестнице — довольно опасной, учитывая мои туфли на высоченных каблуках. Сердце дико колотилось в груди, но я продолжала идти.

Он открыл дверь. Квартира барабанщика оказалась настоящей дырой — повсюду на полу валялись бутылки и покрывала. В воздухе витал запах сигарет — также пахло и от самого Стефана.

— А теперь дай мне эту киску, — произнес он и впечатал меня в ближайшую стену.

Он обрушился губами на мою шею, горячей волной опаливая кожу. Неистово.

Горячее тело прижалось к моей груди. Желание.

Я инстинктивно раздвинула ноги, позволяя ему создать трение. Между ног покалывало, киска желала его.

Но этого хотела моя плоть, но не я.

Люциан.

Но я желала не Стефана из Лондона. Я желала Люциана.

Первый раз в жизни нашелся парень с членом, который не побоялся засунуть его в меня, но сейчас я желала другого парня настолько, что хотела оттолкнуть этого. И резко оттолкнула его от себя, что Стефан с шокированным выражением лица уставился на меня.

— Какого хрена? Ищешь презик? Не волнуйся, крошка, у меня есть с собой.

Я искала не презерватив. Я искала выход.

Поэтому вновь оттолкнула его, когда парень попытался вернуться на прежнее место.

— Прости, — выдавила я. — Мне нужно идти.

— Идти? — спросил он и не сдвинулся с места ни на сантиметр. — Куда, черт возьми, тебе нужно идти прямо сейчас?

У меня не нашлось ответа, поэтому я промолчала и попыталась обойти его.

В этот момент он схватил меня, а его голос приобрел угрожающие нотки.

— Ради тебя я ушел с чертовой вечеринки. Хотя мог там подцепить любую гребаную киску.

— Уверена, вечеринка еще не закончилась, — ответила я и улыбнулась. — Прости, Стефан, не хотела тратить твое время.

— Ты не трратишь его, — возразил он. — Я не дам тебе уйти.

Парень просто толкнул меня к стене, в тот же момент обрушивая губы на мои, а языком врываясь в мой рот. Он достаточно жестко целовал меня, настолько, что туманное состояние моего рассудка испарилось с появлением адреналина.

Он был груб. И мне вроде бы должно было понравиться.

Его член затвердел и упирался в мою промежность через платье. И это мне тоже должно было бы понравиться.

Люциан.

Вблизи Стефан был совсем не похож на Люциана Морелли. Его поцелуй был слюнявым, брови — неухоженными. Скулы были не так красиво высечены, а линия подбородка казалась не такой уж и мужественной.

И на вкус он совсем не был похож на Люциана Морелли. От него пахло дешевым пивом и сигаретами.

Я вновь попыталась оттолкнуть его — третий раз должен был оказаться счастливым.

— Отпусти меня и возвращайся на чертову вечеринку, — произнесла я, но он усмехнулся.

— Я никуда не собираюсь, только погрузиться в твою киску, — прошептал парень, и в этот момент я все поняла. Сразу же все поняла. Увидела приговор в его глазах.

Стефан из Лондона оказался не хорошим человеком.

Стефан из Лондона собрался забрать мою девственность любой ценой.

Но я не хотела этого. Не хотела, чтобы *Стефан* забрал мою девственность. Даже если пришлось бы расстаться с ней. Даже если бы мне хотелось испытать те чувства, о которых я мечтала с тех самых пор, как узнала о существовании подобных ощущений.

— Нет, — произнесла я, но он вновь впился губами в мою шею.

Я была слаба по сравнению с его напором. Да и на каблуках было тяжело стоять.

— Нет, — снова повторила я, но он будто бы не слышал меня. — Seriously. Вернись на чертову вечеринку и найди другую девушку.

Его глаза стали еще темнее. Стефан встретился взглядом с моими глазами, дыхание резкое, а член — твердый.

— Я Илэйн Константин, — произнесла я. — Дурацкая Ребекка Марш — полная

выдумка.

— Мне плевать на то, кто ты, — прошипел он. — Сегодня твоя чертова киска будет моей.

Он не знал, кто я. Мать божья, он не знал, кто я такая.

Не знал, что подписывает себе смертный приговор, если кто-нибудь на этой планете узнает о случившемся, а мои угрозы совсем его не пугали. Стефан из Лондона возьмет меня любой ценой.

— Отпусти меня, — настаивала я. — Seriously, Стефан, тебе не поздоровится, если ты не отпустишь меня.

Но была одна загвоздка у того, кто постоянно лгал... никто никогда тому не верил, когда он говорил правду.

Еще одна кривая усмешка. Это зашло слишком далеко. Я оттолкнула его так сильно, что терпение мужчины лопнуло, и тот применил силу. Он со всей мощи швырнул меня в стену, и в этот раз мне стало больно. Достаточно больно, чтобы мне понравилось.

— Заткнись уже, — прорычал Стефан. — Поверь, крошка, я потратил на тебя уже достаточно времени. Тебе лучше пристегнуться. Я потребую плату на все потраченное время.

— Нет, — ответила я. — Я не хочу этого. Я не хочу *тебя*.

Но парень не слушал. Он не хотел слушать.

— Это будет долгая, грязная и медленная ночь, крошка, — пообещал он. — Барабанщик не вернется домой до утра.

Люциан

Когда такси, наконец, появилось у клуба «Душа», я расхаживал туда-сюда перед входом как сумасшедший. И разве что не пыхтел, словно бык, готовящийся к атаке, запрыгивая на заднее сиденье и говоря водителю, кто я такой.

— Ты отвезешь меня в это гребаное место, — рявкнул на него, а он уже кивал, обделавшись от страха на своем водительском сиденье.

Каждая секунда поездки тянулась бесконечно долго. Трекер указывал на какой-то дом в Вест-Сайде. Очередная хибара в трущобах.

За всю поездку трекер не сдвинулся ни на метр.

— Давай же, — рычал я на водителя. — Быстрее.

Но он не мог ехать быстрее. На улице было полно пьяных придурков, которые пели дерьмовые песни и, как нарочно, начали хаотично переходить дорогу, когда мы попытались их обогнать. И я сделал это. Воспользовался положением семьи Морелли, чтобы получить то, что хотел, независимо от стоимости. Я приказал таксисту бить по газам, несмотря на этих мудаков, но он сидел на своем сиденье, словно статуя, пока я не рявкнул на него.

— Дави этих пьяных мудаков! Сейчас же! Или, блядь, я задавлю тебя в следующий раз, когда ты выйдешь из этой гребаной машины!

И он послушался. Хорошее решение, придурок. Такси с визгом рвануло вперед, и тупые мудаки врассыпную повалили с дороги. Только один из них слишком замешкался, и мы задели его передним бампером, и тот свалился на дорогу. Но я даже не оглянулся, чтобы посмотреть, шевелился ли он или нет.

— Быстрее! — снова рявкнул я, и водитель кивнул, визжа шинами на перекрестке.

Мы довольно быстро добрались до дома, и я открыл дверцу, хотя таксист еще не успел затормозить. Мне было все равно. Я выбирался из машины, и такси отъехало от меня на полной скорости, не дожидаясь оплаты за поездку, и на это мне тоже было наплевать. Здесь проходила какая-то домашняя вечеринка. Я был прямо у входной двери в эту дыру, а в следующее мгновение, расталкивая локтями дураков, уже пробирався к моей Илэйн.

Потому что именно ей она и была.

Она была *моей* Илэйн. *Моя* Илэйн Константин.

Я протиснулся мимо нескольких тусующихся, ворвавшись на кухню словно тайфун, но ее там не оказалось. Там, куда указывал трекер, стояла зеленоволосая шлюха, и оттолкнув ее сторону, я увидел все, что мне нужно было знать.

Клатч Илэйн лежал на буфете среди пивных бутылок.

Кровь застыла в моих венах.

Я схватил его и заглянул внутрь. Все было на месте — сотовый, ключи и наличные. Заначка с коксом лежала под подкладкой. Нетронутая.

Нет. Этого не могло быть. Она не могла, блядь, уйти.

Но она ушла.

Моя Илэйн ушла.

Я крепко вцепился в клатч и метался по дому, как маньяк, заглядывая в каждый угол и тень на первом этаже. Я хватал людей и выкрикивал вопросы «Где она? Где, черт возьми,

она?», пока все не затряслись от страха, глядя на меня. Мне было плевать. Все, что меня волновало — хорошенькая маленькая сучка.

Я поднялся по лестнице, перепрыгивая через людей, ласкающих друг друга прямо на ступеньках, отталкивая некоторых из них в сторону. Если она наверху... если она наверху и приняла его член... от этой мысли кровь в моих жилах забурлила.

В первой спальне, в которую я ворвался, на кровати хихикали девушки, а между ними были зажата бутылка. Во второй — повсюду были пары, кряхтящие и трахающиеся. Третья спальня была погружена во тьму, и я потянулся к выключателю. Никаких признаков моей хорошенькой сучки, но ее лучший друг-слабак был там, обхватив ртом член своего любовника.

И он узнал меня.

Слабак узнал меня.

Уродливый Синий Ястреб со стоном проворчал что-то типа «*К черту тебя, пошел нахер отсюда!*», но я уже был рядом, сталкивая его на пол.

Потом в мгновение ока оказался верхом на слабаке, мое лицо было прямо около его тупой морды. Я высоко поднял клатч.

— Где она, черт возьми?

Он знал, о ком я говорю. Идиот с трудом сглотнул, но покачал головой.

— Держись от нее подальше.

Глядите-ка, а яйца-то у слабака были больше, чем я думал.

— Я спрошу у тебя лишь еще один раз — где она, черт возьми? — прошипел я. — Ты же знаешь, что тебя ждет, если ты не откроешь свой гребаный рот?

Он действительно знал. Я видел это по его глазам. И все же это не имело значения. Парень оказался на удивление достаточно храбрым маленьким слабаком.

Синий придурок потянулся было ко мне, чтобы попытаться побороть меня своими слабыми ручонками.

— Стой! — заорал слабак, прежде чем тот успел схватить меня. — Это Люциан Морелли, не приближайся к нему!

Синий придурок видимо хорошо знал, кем я был, чтобы остановиться и отступить.

— Блядь, — прошептал он. — Твою гребаную мать...

— Я не буду больше спрашивать, — пригрозил я слабаку. — Где Илэйн Константин?

Но ответил Синий придурок. И ответил он в мгновение ока.

— Та маленькая блондиночка — Илэйн Константин? Ого, вот это да. Она внизу со Стефаном Кэнноном, — проговорил он, и я повернулся к нему, кипя от злости.

— Если бы она была внизу, я бы уже нашел ее, идиот. Куда она, черт возьми, подевалась?

— Не говори ему! — заорал слабак, но Синий придурок уставился на него широко раскрытыми глазами.

— Это Люциан Морелли, конечно я, блядь, скажу ему! — Парень снова уставился на меня, обделавшись от страха. Он кинул мне ключи из кармана джинсов. — Она на Пятой Авеню, верхний этаж двенадцатого блока.

— Нет! — закричал слабак, но я вырубил его, ударив локтем в лицо.

Синий придурок хотел закричать, но оказался следующим на очереди. Еще один удар локтем прямо в челюсть, и уже он без сознания свалился на пол.

Им повезло, что перед уходом я не свернул им шеи, но у меня не было времени.

Басы все еще гремели, а люди продолжали пить, когда я снова ворвался на кухню. Затем рылся в ящиках, пока не нашел то, что мне было нужно, — ножи. Спрятав один из чертовых ножей под куртку, я, проталкиваясь через толпу, выбрался из этой хибары на улицу.

У меня не было времени вызывать такси.

Также нельзя было рисковать появлением копов. Даже несмотря на мое «не впутывайте меня в это дерьмо» преимущество Люциана Морелли, в такой суматохе разбирательство заняло бы некоторое время. А вот именно времени у меня и не было.

Я достал телефон и нашел на карте Пятую Авеню. Это было в нескольких кварталах отсюда. Бежать было всего ничего, но это все равно займет несколько минут. Так что я просто надеялся, что еще оставалось несколько минут, прежде чем такой придурок, как этот, сможет добраться до киски Илэйн Константин. Это если повезет, что маловероятно. И нет, если она сама раздвинет ноги перед ним. А почему бы ей не сделать это? Почему бы ей не раздвинуть ноги для придурка?

От этой мысли мой желудок свело чудовищной судорогой. Я ничего не понимал. Я, блядь, снова ничего не понимал. Какого хрена мне было не насрать на Илэйн Константин, раздвигающую ноги для кого бы то ни было?

И меня ждала неожиданная правда. Как, впрочем, всегда бывает, меня ждала неожиданная правда.

Я отчаянно нуждался в этой девушке. Действительно чертовски отчаянно нуждался в ней.

Она совершенно точно не принадлежала этому неудачнику, и если он взял ее... если он только посмел взять то, что было моим...

Нож под моей курткой уже взывал к его крови. Жаль только, что он не взывал и к ее тоже. Уже нет. Пока я не возьму каждую частичку ее души и не сделаю своей.

Я побежал на полной скорости, все еще крепко сжимая ее клатч. Завернул за угол в конце улицы, врезавшись в пару, идущую навстречу мне, которая явно шла на вечеринку.

— Видели девушку со светлыми волосами? Красивую штучку, висящую на каком-то придурке-рокере?

Они покачали головами, и парень ответил.

— Не-а, прости, чувак. Не видели никого похожего по пути.

Я ринулся дальше, даже не поблагодарив, рассматривая указатели на улице, стремясь к цели. Пятая Авеню. Пятая гребаная Авеню. Я чуть не погиб, когда на Четвертой Авеню мне навстречу выскочила машина, но водитель успел затормозить как раз вовремя, зло просигналив.

— Гребаный засранец! — проорал водитель в окно, и обычно я бы проучил его только за то, что тот посмел оскорбить меня, но не сделал этого. Я продолжил бежать.

Телефон направлял меня быстро и четко, а ноги несли меня изо всех сил. Дыхание стало прерывистым, но не только из-за бега, но и от ярости. Вызова. И мне было неприятно это признавать, не хотелось признаваться в этом каждой частичкой самого себя, которая у меня была, но еще это был страх.

Я боялся обнаружить, что Илэйн Константин принимает член другого мужчины.

Когда я свернул за угол на Пятую Авеню, кровь стучала у меня в ушах. Двенадцатый блок был внизу, в самом конце, и я ругался всю дорогу, все еще сжимая этот чертов клатч под мышкой, а гребаный нож жаждал его крови.

Двенадцатый блок был задрипанным. На верхнем этаже горел темно-оранжевый свет. Я

проверил главный вход, но ключи не подошли к замку, и тогда увидел это — проблеск металлических перил на верхнем этаже. Нужная входная дверь была там, наверху.

Мчась по этой лестнице, я словно превратился в животное. Я перепрыгивал через три ржавые металлические ступеньки за раз и слышал ее. Я слышал, что моя Илэйн была там, и она кричала.

Срань господня, она кричала. Кричала громко, кричала сильно, взывала о помощи. Моя Илэйн звала на помощь.

Я никогда ранее не чувствовал ничего подобного — внутри меня поднялась сокрушающая волна ярости. Она была обжигающей. Пылающей. Готовой к убийству.

Мне не нужен был ключ, я просто выломал дверь и ворвался внутрь. Вот она — стояла у стены, прижавшись к ней спиной, с оголенной пиздой, ее платье было высоко задрано вокруг талии. Мудак повернулся ко мне с усмешкой, но меня интересовало не его лицо, а ее. По ее прекрасным щекам текли слезы. Илэйн широко раскрыла глаза, они казались просто огромными на ее лице. Взгляд был какой-то стеклянный, когда она посмотрела на меня... и ярость во мне взорвалась. Взорвалась жидкой ненавистью.

— Какого?.. — начал придурок, но у него просто не было возможности закончить вопрос.

Никогда в своей жизни я не двигался так быстро, оказавшись напротив в мгновение ока и с силой врезавшись в него, а сам потянулся рукой под куртку.

Лезвие вошло ему в живот, как раскаленный нож в масло.

Прими это.

Прими это, мудила.

Один раз. Два. Три раза. Затем я повернул лезвие, вспарывая ему внутренности и превращая их в единое месиво.

Рокер удивленно открыл рот и побледнел. Он уже знал это, когда отшатнулся от меня, прижимая руку к животу, он знал это. Он умирал. Потом рухнул на пол. Я уставился на него с усмешкой. Моя рука безвольно повисла с зажатым ножом, повсюду была разбрызгана кровь, в том числе и на платье моей прекрасной сучки Константин.

И вот тогда она по-настоящему заплакала.

Илэйн

Я слышала плач. Громкие рыдания вырывались из моей груди. Я слышала, но не чувствовала слез. Ничего не чувствовала, смотрела на мужчину с ножом в руке, но слышала лишь жужжание в ушах.

Люциан.

Люциан Морелли действительно был здесь. На самом деле стоял здесь передо мной с окровавленным ножом в руке и смотрел на только что зарезанного мужчину. Он только что зарезал Стефана из Лондона. Он только что зарезал Стефана из Лондона ради меня. Чтобы спасти меня.

На мне тоже была кровь, забрызгавшая всё платье, подол которого по-прежнему находился выше моих бедер, и трусики были порваны в том месте, где Стефан из Лондона пытался проникнуть в меня.

Он не проник в меня. Слава богу, он не проник в меня.

Люциан молчал — и смотрел. Челюсти были плотно сжаты, пока тот осматривал меня, и именно в этот момент на меня обрушилось осознание случившегося: яркие краски, звуки, запахи.

Стефан всё еще покашливал, делая последние вздохи. Я видела, как из его рта выплескивалась кровь, стекая по лицу, а руками он пытался прикрыть рану на животе. Он умирал.

Стефан умирал, а Люциан не показывал даже капли сожаления. У него не было никаких чувств, никаких — кроме ненависти.

Я сильнее вжалась в стену, когда ножом он указал на меня, и в этот момент я поняла, насколько сильно дрожу.

— Он трахнул тебя?

— Что? — едва слышно спросила я.

— Я спросил — он трахнул тебя?

Я покачала головой.

— Нет. Он... он бы не смог... я бы не позволила...

Люциан ничего не ответил на мои слова, но подошел ближе к мужчине на полу и пинком ноги откинул его руки от раны.

— Какого хрена ты здесь делала с этим сукиным сыном? — рявкнул на меня монстр Морелли, и я пыталась ответить ему, но мой голос никак не мог обрести громкость.

— Я... я...

Монстр оказался около меня в мгновение ока: прижал меня к стене, резко выдыхая. В этот раз в его голосе слышалось рычание.

— Я спросил: какого хрена ты здесь делала с этим сукиным сыном, Илэйн?

— Я не знаю! — выкрикнула я, и в груди начало ломить от вырывающихся рыданий. — Я не знаю... Я лишь хотела... Я лишь хотела...

— Что? — прорычал он мне прямо в лицо. — ЧТО ТЫ ХОТЕЛА?

Он указал на Стефана, который делал свои последние вдохи, и я перевела свой взгляд на него. Смотрела на тело и не могла подобрать слов.

— Ты хотела этого, да? — прошипел он. — Хотела этот дешевый кусок дерьма?

Он схватил меня за шею и толкнул в сторону тела. Я захныкала, задрожала, испугалась, но так и не смогла заговорить.

— Я спрошу тебя вновь, — произнес он, и в его голосе послышались злобные нотки. Злобные и...

Уязвленные.

Люциан Морелли был уязвлен. Мной. Я доставила ему неприятные ощущения. Он был уязвлен тем, что я оказалась вместе с этим мужчиной.

И я не должна была понимать этого. Не должна была хотеть понять это. Но я поняла.

Поняла.

Я тоже это чувствовала. Ту связь. Ту сумасшедшую связь между нами. Запретное желание, которое не имело смысла, не могло существовать в этом мире.

Он повернул меня лицом к мужчине, уронил нож на пол, на пропитавшийся кровью ковер, взял меня за плечи и встряхнул. Так сильно, что я с трудом удержалась на ватных ногах.

— Что, твою мать, ты хотела? — потребовал ответ мужчина, он пугал меня. Его голос пугал меня, он был резким, злобным, но в то же время прекрасным. Голос Люциана казался прекрасным. Настолько прекрасным, что в ответ мое сердце воспламенилось.

Мой взгляд встретился с его. Я плакала. Настолько сильно плакала, что едва ли могла что-то видеть.

— ТЕБЯ! — закричала я. — Я ХОТЕЛА ТЕБЯ!

Он замер. Перестал меня трясти и просто смотрел, и в его глазах появилось нечто откровенное.

Лишь спустя несколько мгновений он заговорил вновь.

— Как этот сукин сын мог заменить меня? Он НИЧТО по сравнению со мной.

Я не могла найти ответа на этот вопрос, потому что его просто не было. Стефан из Лондона никогда бы не смог стать заменой стоящего передо мной Монстра. Люциан Морелли одновременно мой рай и мой ад. Его прикосновения — награда и искушение одновременно. Он — моя любовь и моя ненависть.

Люциан отпустил меня, и я рухнула на колени в очередном приступе слез.

Я пыталась совладать с дыханием, наблюдая, как Морелли ходит вдоль тела, не достаивая его даже взглядом. Ему было плевать на него. Плевать на совершенное преступление.

Конечно, ему было плевать на совершенное преступление... без сомнений, он уже не раз это делал.

Но почему он здесь? Почему сейчас? Откуда вообще узнал, где я?

Закрыв глаза, я заставила себя проявить самообладание, хотя бы чтобы ответить мужчине вслух.

— А ты какого черта хотел? — спросила я. — Какого хрена тебе здесь надо?

Ненависть в его глазах никуда не исчезла, когда он встретился своим взглядом с моим. Люциан не ответил — лишь продолжил свое хождение.

— Скажи мне, — настаивала я. — Какого хрена ты хочешь, Люциан? Почему оказался здесь и спас меня?

— Я пришел сюда, чтобы спасти не тебя, — ответил он. — А чтобы спасти твою киску.

— Именно поэтому ты здесь, да? — давила я. — Ради моей киски?

Я слышала его вздох — высокомерный, будто я представляла из себя лишь глупую маленькую девочку.

— А теперь веди себя тихо, Илэйн. Заткнись, твою мать.

Я не шевельнулась. Даже если бы захотела — у меня не было сил.

И молчала, когда он заговорил вновь.

— Не могу поверить: ты подумала, что он может сравниться со мной, — огрызнулся он. — Я не могу поверить: тебе захотелось стать маленькой грязной шлюхой с этим гребаным неудачником.

Но я не была шлюхой. И до сих пор оставалась девственницей. До сих пор оставалась светловолосой девственницей, смотрящей в глаза самому страшному представителю семьи Морелли.

— Ты только что убил парня из Лондона, — произнесла я, будто это было неочевидно. — Певца из Лондона. Все узнают, что его убил ты. Все тебя видели... на вечеринке...

— Дай угадаю: ты получала призы в интеллектуальных играх в школе, да? — Его сарказм несколько меня не задел.

Мой взгляд притягивало тело на полу. Никогда ранее я не видела труп, тем более человека со вспоротым животом и издающего последние булькающие вдохи. У меня вырвался еще один вскрик, и я спрятала лицо в ладонях, а затем вновь слышала вздох Люциана.

— Не изображай из себя саму невинность, маленькая мисс Константин, — ухмыльнулся он. — У твоей семьи на руках столько же крови, сколько и у моей. Не притворяйся, будто никогда не видела ничего подобного.

Но я не видела. Ничего не видела. Моя семья всегда всё тщательно скрывала, платя другим за выполнение грязной работы, чтобы наши деяния никогда не стали достоянием общественности.

Должно быть, он увидел опустошение на моем лице.

— Ты же видела, да? — давил он. — Конечно же ты должна была видеть все то безумие, которое вытворяла твоя семейка на протяжении десятилетий?

Я покачала головой.

— Нет, я ничего не видела.

Люциан усмехнулся мне. Даже в этой комнате, наполненной атмосферой смерти и крови, он усмехнулся мне.

— Ну-ну. Но теперь я тебя просветил, да?

Я не хотела, чтобы мне об этом рассказывали. Не таким способом просвещения. Теперь никогда не смогу спокойно спать. Глубоко внутри, даже среди мрака, насилия и потери, которые так явственно ощущала, я чувствовала себя хорошей маленькой девочкой. До сих пор чувствовала себя хорошей маленькой девочкой, которая не хотела становиться свидетелем смерти парня...

Черт, именно поэтому я попала в неприятную ситуацию с Братьями власти... Мне не хотелось видеть чью-либо смерть...

Люциан что-то печатал на экране телефона, когда я наконец взяла себя в руки и встала на ноги. Меня качало на высоких каблуках, я с трудом удержала равновесие, чтобы наклониться и поднять свой клатч. Хотя он весь пропитался кровью и навсегда был испорчен.

И в этот момент, когда я стояла с широко открытыми глазами и дрожащими губами, Люциан перестал смотреть в свой телефон и повернулся ко мне. Мы стояли, не шевелясь, в тишине, и между нами оставалась такая недосказанность, что мое сердце забилося совершенно в другом ритме.

У меня вырвались глупые слова, я не смогла их удержать.

— Спасибо, — шепотом произнесла я. — Спасибо, что спас меня.

Мои слова благодарности были искренними. Хотя они прозвучали слабо и нелепо в комнате, где один мужчина только что убил другого, я действительно хотела это произнести. Люциан Морелли действительно только что спас мою жизнь.

Он не ответил на мои слова — лишь смотрел на меня с непонятным выражением лица. Таким, которое я не могла прочитать.

Спотыкаясь, я направилась к двери, но тут он схватил меня за запястье и притянул к себе. Мое тело ответило быстрее головы, повернувшись к нему и крепко прижавшись. Он впечатал меня в стену, и несмотря на то, что в этом же самом месте я боролась с другим мужчиной, сейчас мои действия невозможно было назвать сопротивлением. Я безнадежно нуждалась в монстре, который на моих глазах расправился с другим чудовищем.

Мы оба были покрыты кровью, но это не имело значения. Его рубашка была влажной и теплой, и, когда его тело прижалось к моему, мое платье еще больше намокло. Его дыхание было хриплым, горячим на моих губах, а он пах кровью и самим собой. Под кровавым железным ароматом он пах самим собой. Muskом, сексом и властью.

И я поцеловала его первая. Именно я первая прижалась своими широко открытыми губами к его. Его язык, словно змеиный бог, завладел моим. Его руки казались тяжелыми, Люциан крепко сжимал меня, а я обхватила его за плечи.

Я безумно и глубоко целовала его. Он был моей погибелью и моим спасителем, и я сама желала этого. Желала почувствовать и любовь, и ненависть от его рук. Желала, чтобы он отправил меня в ад, а потом вновь поднял из глубин мрака.

— Тебе придется заплатить мне за спасение, — произнес он мне прямо в губы. — Я заберу то, что мне причитается.

Я желала отдать ему долг. Желала остаться в его объятиях навечно, так что помоги мне Бог.

Он схватил меня за шею и прижал еще сильнее, а действия его губ перешли на совершенно новый уровень. Мой язык не мог бороться с его, да мне и не хотелось. Я желала подчиниться его воле.

Я развела бедра как можно шире, насколько позволяло платье, предлагая себя мужчине. Я застонала, когда он потерял об меня, а я — об его колено.

Должно было быть отвратительно и стыдно предлагать свое тело наследнику империи Морелли, пока у наших ног лежал труп. Но ничего такого я не чувствовала. Никакого отвращения или стыда.

Всё казалось правильным.

Близость с монстром казалась правильной.

— Возьми меня, — прошептала я. — Пожалуйста, Люциан. Возьми меня, потому что больше никогда у нас не будет такого шанса... не после сегодняшней ночи...

Даже мысли о нашем расставании хватило, чтобы у меня болезненно закололо в груди, и тут я поняла, насколько бессмысленна наша связь.

Неважно, как я хотела Люциана Морелли. Никто никогда не позволил бы нам быть

вместе. Никто в нашем мире.

Он ударил ладонью по стене над моей головой, его глаза превратились в прекрасные горящие угли ада, в которые я влюбилась. Потому что в этом заключалась правда. Я влюбилась в демона, который хотел меня уничтожить.

— Я всегда получаю то, что хочу, — прошипел он. — Никто и никогда в этой жизни не сможет остановить меня, если я чего-то хочу.

— Отлично, — прошептала я в ответ. — Тогда возьми меня. Пожалуйста, просто возьми меня.

В его глазах читалась одновременно и злоба, и любовь, когда он задрал платье и стянул его с меня. Я почувствовала кровь на своем лице и в волосах. Я чувствовала ее запах между нами — вместе с глубоким ароматом одеколona Люциана.

Окровавленными грязными руками Люциан стянул мой лифчик, размазывая кровавые следы по моей коже. Он опустил к моей груди, натиск его губ был яростным, они причиняли боль. Но я не могла сдерживать улыбки, выгибая спину в поисках большего: он прикусывал и посасывал мою грудь своим горячим ртом.

— Черт, да... — прошептала я. — Так хорошо. Так чертовски хорошо...

Он схватился за мои трусики и сорвал их, а я, пошатываясь, скинула свои туфли. Меня било мелкой дрожью, пока он обводил большим пальцем мой клитор.

— Да... — выдохнула я. — Пожалуйста...

Но не в мою киску он резко вонзил два своих пальца... а в мою попку.

Я вскрикнула, потому что не ожидала такого. Мужчина сильнее прикусил мой сосок. Всосал сильнее.

От трех его пальцев я вскрикнула еще громче. Он оказался монстром, вонзая их глубже.

Было больно. Действительно больно. Но мне понравилось. Понравилось принимать от него боль.

Несмотря на то, что во мне всколыхнулись воспоминания о стольких кошмарах... о стольких людях, которые играли со мной в подобные игры... о стольких больных ублюдках, которые пользовались мной ради своего удовольствия, которые даже не забрали мою настоящую невинность...

О больных ублюдках, которые должны были быть теми людьми, кому я могла доверять...

На его губах блестела влага, когда он поднес свой рот к моему.

— Я буду брать тебя шаг за шагом, — произнес он, поворачивая свои пальцы в моей попке. — Одно сладкое удовольствие за раз, Илэйн. Я возьму то, что хочу.

Я вскрикнула, когда он вытащил свои пальцы, от прекрасной боли моя киска запульсировала, когда он расстегнул свой ремень.

Я безнадежно в этом нуждалась, хотела увидеть его прежде, чем он воспользуется мной.

Его член оказался таким же монстром, как и он сам. Я уже столько их видела. Так много уродливых маленьких членов, которыми пользовались их уродливые больные обладатели... но ни один не был похож на его. Большой и напряженный... он двигал по моему клитору своими окровавленными пальцами. Окровавленными пальцами, которые были глубоко во мне.

Он заставил меня встать на колени, его грязные пальцы — в моих грязных волосах, а я уже приоткрыла губы, впервые добровольно желая того, что должно случиться.

— Сделай его жаждущим и влажным, чтобы я трахнул тебя, — прорычал он.

И я сделала.

Сделала его жаждущим и влажным. Я взяла его глубоко, активно работая языком, открыто смотрела ему в глаза, и в этот момент он понял.

Понял, что я не новичок в этом деле.

Может, хорошо целоваться у меня не получалось, но это я делать умела.

— Грязная сучка, — произнес он и вошел в меня до самого горла. — Кто трахал твой рот, малышка?

Я приняла его глубоко, чтобы не разговаривать, потому что не хотела рассказывать ему. Не хотела рассказывать ни единой душе, кто уничтожил меня.

— Я выбью из тебя правду, — прорычал он. — В один прекрасный день, маленькая сучка. Я выбью правду из тебя.

Я продолжала сосать. Продолжала обводить языком его массивный член, делая его влажным, пока мужчина использовал мой рот.

Я вскрикнула, когда он отпрянул и оттолкнул меня назад. Я приземлилась на тело Стефана и завизжала, пытаюсь отползти от него, но Люциан не позволил мне уйти далеко.

В считанные секунды он оказался на мне, вес его тела прижал меня к окровавленному ковру. Он был всё ещё теплым. Влажным и теплым. Как и мужчина надо мной.

Люциан приподнялся ровно настолько, чтобы мои пальцы наконец ожили и попытались растегнуть его рубашку. Я жаждала его прикоснуться к его плоти. Жаждала, чтобы он прижался своей плотью к моей.

Он помог мне и вновь обрушился на меня, кожа к коже. Кровь к крови.

Нам подходило это определение. Кровь к крови. Скоро полетится и наша. Это будет плата за все наши преступления.

Он прижался ко мне, его член... прямо к моему клитору. Это было блаженство, и я извивалась, умоляя его о большем. Я так желала почувствовать его внутри.

— Пожалуйста, — выдохнула я. — Пожалуйста, возьми меня, Люциан.

Он приподнял мои ноги, что бедра оказались на его груди, и с ухмылкой на лице взял свой член в руку и прижал его к клитору. Я застонала. Как же я стонала, пока он проводил членом вниз и вверх по моим складочкам.

— Пожалуйста, — просила я. — Трахни меня.

— Моё удовольствие, — произнес он и одним грубым толчком двинулся вперед.

Я вскрикнула от боли. Вскрикнула от шока, когда он вошел в меня. Потому что он не тронул мою киску...

Монстр решил трахнуть мою попку. Ублюдох не вошел в мою жаждущую киску, он исследовал мою попку.

И всё же я молила о большем.

Не могла остановить себя.

Пожалуйста... жестче... жестче...

Он дал мне жестче. Он дал мне настолько жестче, что я вскрикивала с каждым движением его бедер.

— Я же здесь не первый, да? — прорычал он, и, встретившись с ним взглядом, я покачала головой.

На его лице отражалась ярость, пока он трахал мою попку.

И я влюбилась в ярость на его лице, пока он причинял мне боль.

Его голос казался таким низким.

— Они были достаточно смелыми, чтобы воспользоваться твоей попкой, но не забрать твою девственность, да? Слабаки.

Мне они не казались слабаками. Точно не в тот момент, когда я оказывалась зажатой под их телами ночь за ночью...

Но сейчас... под ним... под истинным прекрасным монстром...

Рядом с Люцианом Морелли любой показался бы слабаком.

— Они заплатят за это. Ты — моя игрушка, Илэйн. *Моя*. Им вообще не следовало к тебе прикасаться. Я заставлю их страдать за это.

Я ненавидела огонек внутри себя... огонек надежды... надежды, что он говорил правду.

Возможно, Монстр причинит боль монстрам...

Он сменил угол, и я вновь вскрикнула. Мы потеряли счет времени, и столам, толчкам: двигались в крови, в огне и грехе.

Он проводил пальцами по моему клитору, и даже через боль я чувствовала дрожь, и мое дыхание учащалось.

Мой бог. Люциан Морелли подводил меня к оргазму...

И он кончил сам...

Люциан Морелли кончил в мою попку...

Кончил в мою попку и поцеловал меня...

Он поцеловал меня...

Я вцепилась руками в его волосы, пока целовала его в ответ. Обвила его торс ногами и крепко сжала: я принадлежала ему.

Я принадлежала ему.

Мой бог. Я принадлежала ему, и он излил свое грязное семя в меня.

Я не убирала ноги, он пытался восстановить дыхание, смотря на меня с ненавистью, шоком и... любовью.

Это была правда. В тот самый момент Люциан Морелли смотрел на меня с любовью. Я была в этом уверена... а потом он отпрянул и натянул штаны.

— Тебе надо свалить отсюда, — произнес он и, подняв мое платье с пола, швырнул его мне. — Скоро нагрянут люди.

Отходя от меня, он казался абсолютно равнодушным, будто внутри него выстроилась стена. Его страсть превратилась в ледяной серый металл.

Мои нервы были на пределе, а затем подобная стена выстроилась и у меня. Я находилась в грязной комнате рядом с трупом, желала мужчину, который хотел стереть с лица земли весь мой род. Желала мужчину, сперма которого капала из моей задницы. Это было безумие. Всё это было безумием.

— Иди сюда, — рывкнул он и щелкнул пальцами.

Без лишних вопросов я последовала за ним. Он открывал дверь за дверью в поисках ванной комнаты и, найдя ее, затолкал меня внутрь. Потом включил воду и поставил меня под струи воды, не дожидаясь, пока та нагреется. Стекающая по мне вода оказалась ледяной, и мужчина стал растирать меня пальцами, поддон душевой кабины окрасился в кроваво-красный цвет.

Как только вода вновь стала прозрачной, он дал мне полотенце, и я, дрожа, стала вытираться насухо. Потом мы вернулись в главную комнату.

Полностью разбитая, я стала собирать свои вещи, моя попка болела при каждом движении.

Я дошла до двери, с дико бьющимся сердцем распахнула ее и увидела металлические ступеньки, ведущие к земле.

Люциан прочистил горло, и перед тем, как он вновь заговорил, я увидела такую злость в его глазах, которую не видела ранее.

— Ты будешь наказана за всё случившееся, — произнес он. — Поверь мне, Илэйн, я заставлю тебя заплатить за всё. Будет больно, малышка. Я обещаю тебе: будет безумно больно.

С широко раскрытыми глазами я кивнула ему.

— Но не только тебе придется заплатить за всю эту грязь, — прорычал он и кинул мне мой клатч. Который я вновь забыла. — Я заставлю их заплатить. Каждого мелкого труса, который осмелился взять тебя раньше меня.

Даже в глубине души я не сомневалась в этом, пока направлялась домой.

Я желала этого.

Желала и боялась.

Люциан

Когда на место происшествия прибыл Трентон, я стоял, прислонившись к стене и уставившись на ублюдка, которого разделал, и вертел в руках окровавленный нож. Мой член все еще пульсировал после того, как побывал в идеальной заднице Илэйн. Мой ближайший помощник ворвался в дверь с восклицанием «*Боже правый*» и в ужасе огляделся вокруг. Я не винил его. Это действительно был ужас.

Ужас, которым я гордился.

Это было похоже на сцену со скотобойни, когда он бросился к телу жалкого придурка и уставился на то, что осталось от него с настоящим шоком на лице.

— Какого хрена здесь произошло? Блядь, Люциан, кто это?

Едва взглянув на тело, я продолжил вертеть в руках нож.

— Это не имеет значения. Просто наведи тут порядок.

Я дал ему минуту, пока он расхаживал по комнате, пытаюсь понять, что, черт возьми, здесь произошло.

— Блядь, — выругался он, затем достал свой телефон и начал звонить команде зачистки.

— Похорони его поглубже.

— Итак, кто это, черт возьми? — спросил он между звонками, указывая на мертвое тело, будто это имело какое-то гребаное значение.

— Тебе не стоит об этом беспокоиться.

— Это блядский глухой переулочек. Кто-нибудь знает, что ты здесь?

Я нахмурился.

— Как я и сказал, тебе не стоит беспокоиться.

Он пнул парня по ноге, чтобы убедиться, что тот действительно мертв, затем посмотрел на меня, приподняв бровь и прикуривая сигарету.

— Я давно не видел, чтобы ты брал все в свои руки. Должно быть, было что-то очень срочное, раз ты взял в руки этот нож.

— Это было достаточно срочно, — согласился я.

— Отлично, — сказал он. — Просто дай мне немного чертового времени, чтобы разобраться с этим дерьмом в следующий раз, ладно? Желательно хоть какое-то гребаное предупреждение.

Я последний раз покрутил нож, после чего бросил его на пол.

— Я здесь больше не нужен?

Он кивнул, сделав еще одну затяжку.

— Да, ты можешь идти. Команда скоро будет здесь. Мы должны ликвидировать всех свидетелей или просто сделать предупреждение?

На этот вопрос было легко ответить. В этом была замешана Илэйн Константин. Все, кто находился в чертовой близости, должны быть уничтожены, а не выпускать это дерьмо наружу.

— Всех. Ликвидируй всех, — проинструктировал я и повернулся, чтобы уйти.

— Подожди, Люциан, — позвал он.

Я повернулся к нему лицом.

— Что?

Он подошел ближе, продолжая курить.

— Братья власти. Ты хотел знать, что происходит между ними и семьей Константин.

Моя плоть наполнилась жизнью, когда он произнес эти слова, дрожь желания пробежала по спине.

— *Илэйн* Константин, — сказал я, сокращая между нами расстояние. — Я хотел знать, что происходит между ними и *Илэйн* Константин.

— Да, *Илэйн* Константин, — повторил он. — Ну, я выяснил что происходит. Приятного там мало.

Я сосредоточил свое внимание на его лице.

— Рассказывай.

— Она по уши увязла. Залезла в долги из-за наркоты, все по-старому. Но это еще не все. Еще херова туча дерьма.

— Выкладывай, — огрызнулся я.

Он сделал еще одну затяжку, прежде чем ответил.

— Они преследуют ее не только из-за ее собственных долгов. Вместе с ними она взяла на себя груз других долгов. Долг *других* людей.

— За других людей? Какого хера?

Он наклонил голову.

— Похоже, маленькая мисс Заносчивость не совсем уж такая эгоистичная маленькая принцесса, какой кажется. Она пожалела целую толпу неудачников-наркоманов и выручила их. — Он засмеялся и усмехнулся. — Глупая сучка.

Слова, сорвавшиеся с его губ, раздражают. *Илэйн*, может, и глупая сучка, но она *моя*, и никто не смел говорить так о моей *Илэйн*.

Он продолжил, не обращая внимания на то, что творилось со мной.

— Она заслуживает всего, что ее ожидает. Увязнуть в долгах Братьев власти — это точно не гребаная благотворительная акция. Ей следовало придерживаться благотворительной чуши для богатых девочек. Было бы безопаснее для нее.

Я пытался найти логику в ее действиях. Но в них не было никакой логики. Ни капельки. Трентон был прав — она должна была быть глупой сучкой, чтобы увязнуть в долгах Братьев власти. Но даже если и увязла... она была Константин... Королева Сучек Кэролайн Константин, несомненно, подчистила бы ее ошибки холодной, твердой монетой.

Трентон прочел мои мысли.

— Говорят, Кэролайн умыла руки. Очевидно, *Илэйн* делала это и раньше, снова и снова. Последние несколько раз ее мать подчищала все, но не в этот раз. На этот раз ставки выше, и ее мать сказала, что ни за что на свете не станет снова прикрывать ее зад. Она сама по себе. Она и так уже достаточно опозорила фамилию, как ходят слухи. Мамочка покончила с ней. — Он бросил окурочек на тело. — *Илэйн* сама по себе, и они придут за ней. Скоро.

— И что именно они собираются с ней делать? — огрызнулся я, но уже знал ответ. Видел в его глазах.

Он указал на мертвого дурака, лежащего на полу, прежде чем ответить мне, и я понял, что сейчас произойдет. У Трентона Альто быстро назревали собственные вопросы. Вопросы, на которые мне чертовски не хотелось отвечать.

— Это из-за нее, не так ли? Все это дерьмо тут? Это из-за *Илэйн* Константин?

— Какого хрена это имеет значение? — зашипел я на него. — Скажи мне точно, что эти гребаные Братья власти планируют сделать с ней и когда.

— Твою мать, Люциан, — проговорил он. — Что, черт возьми, с тобой происходит? Конечно это, блядь, имеет значение. Сам факт того, что ты дышал одним воздухом с этой сучкой Константин, имеет значение, и ты это знаешь. Ты, блядь, знаешь это.

Его глаза были смелыми и холодными. Жесткими и недоверчивыми.

Он не узнавал меня, и я тоже не узнавал себя. Я купался в дерьме, и все из-за нее. Все из-за женщины, которую я должен ненавидеть каждой частичкой своей злобной души.

Трентон был прав, и я ненавидел его за это.

Он прочистил горло.

— Знаешь, уже ходят слухи? Слухи о том, что на прошлой неделе тебя не было в Холдинге Морелли, слухи о том, что что-то происходит... слухи о том, что ты гоняешься за хорошенькой маленькой блондиночкой...

— Слухи могут распространяться сколько угодно. Я не обязан реагировать ни на один из них. Мои дела — это мои гребаные дела, и только мои.

Он выглядел виноватым, переминаясь с ноги на ногу.

— Не тогда, когда вопросы исходят от твоего отца.

Кровь застыла в жилах.

— Какое, черт возьми, отношение к этому имеет мой отец?

Он смотрел на тело, а не на меня. Вот тогда-то я и понял все, раз и навсегда.

Иисус гребаный Христос.

Преданность Трентона Альто больше не принадлежала мне. Этот ублюдок вел обсуждения с моим отцом.

Обсуждения обо мне.

— Он спросил меня, — сказал он, будто это оправдывало его. — Я должен был поговорить с ним, Люциан. Он спросил меня.

— Ну-ну. Он знает, что ты здесь? — с усмешкой надавил я.

Он покачал головой и достал еще одну сигарету.

— Не об этом. Еще нет. Этот жалкий беспорядок сегодня вечером произошел чертовски быстро и неожиданно, тебе не кажется? Я бы не успел донести твоему отцу, даже если бы захотел. — Он прикурил. — Но он спросил меня, чем ты занимался. Спросил меня об Илэйн Константин. Не я это начал, совсем нет. Кажется, шофер доложил.

Тупой ублюдок. Он заплатит за это.

Трентон продолжал говорить, будто мне нужно было услышать его совет.

— Ты проваливаешься в долбанные безумные воды. Не думай, что я собираюсь тонуть там с тобой. Оставь это. Оставь, блядь, ее. Пожалуйста, босс. Просто оставь ее в покое.

Хотя у меня пересохло во рту от ярости, я не мог сказать, что винил его.

И снова он был прав. Я был в долбанных безумных водах.

Я был в дерьме по самые яйца. Чувствовал это всем нутром. Моему отцу достаточно было унюхать хоть намек правды о моем преследовании Илэйн, и весь чертов мир ощутил бы мое проклятие вместе со мной. Он заживо разорвал бы меня на части под аплодисменты всей семьи.

— Знаешь, Симус и Дункан уже ошиваются поблизости, — сказал Трентон, и в груди вспыхнул новый приступ гнева. — Он готовит их к тому, чтобы они заменили тебя в Холдинге, если ты снова не появишься.

Я выругался. Я не видел этих сукиных сыновей уже несколько месяцев. Симус и Дункан были жалким подобием кузенов, которые более десяти лет пытались проникнуть в Холдинг Морелли и украсть мою власть. Они так и не смогли сделать этого. Даже близко не подобрались, но если бы отец уловил хотя бы намек на то, что я связан с этой маленькой блондинистой сучкой...

Я снова посмотрел на Трентона и по жалкому страху в его взгляде понял, что я был загнан в угол без какого-либо шанса на побег.

— Я не стану говорить ему сейчас, — проговорил он. — Но ты же знаешь, что я не смогу скрывать это долго, Люциан. Если он прямо спросит меня, я не смогу солгать.

Даже со своим зверским менталитетом я не мог его винить. Они вырывали бы ему селезенку сантиметр за сантиметром, пока бы он не признался в том, что они от него хотели услышать. И они получили бы чертовски хорошие признания. Трентон Альто знал все мои дела изнутри. Мне следовало предвидеть это и уничтожить его давным-давно.

Но я не хотел этого делать. Где-то в глубине души он что-то для меня значил.

Доверие — это всегда самая большая слабость. Никогда не доверяй никому, кроме своей собственной души.

Как, черт возьми, мне удалось забыть свою собственную мантру и оставить его в живых?

— Ты станешь куском дерьма, если расскажешь ему что-то, — сказал я мужчине, который в течение многих лет был моей правой рукой. Мужчине, который был моей связью с преступным миром и всей его прибылью. Мужчине, который подчищал за мной грязь, когда я занимался делами.

— На этот раз я *должен быть* куском дерьма, — ответил он. — Я не поплыву на этом корабле с тобой, Люциан. Или я окажусь на дне океана, когда твой отец узнает и взорвет весь чертов корабль вместе с тобой.

— Никогда не считал тебя трусом, — сказал я, и он ухмыльнулся мне.

— Никогда не считал тебя таким чертовски сумасшедшим, — ответил он.

Я подошел к нему ближе.

— Что именно ты настучал моему отцу?

Отвечая, он не сводил с меня глаз.

— Я сказал ему, что ты ее видел. Преследовал ее всюду. Я должен был. — Он сделал паузу. — Но он не знает, что ты интересуешься ее секретами о Братьях власти. Это совсем другая лига.

— И лучше, чтобы все так и оставалось, если ты хочешь, чтобы твой язык оставался у тебя во рту.

— Как скажешь, *босс*. Впрочем, нужно беспокоиться не только о моем языке. На задах уже шепчутся об этом.

Но был только один зад, который меня интересовал. И он принадлежал женщине, который ощущался вокруг моего члена словно перчатка.

Как бы мне ни хотелось перерезать горло Трентону Альто, мне слишком много нужно было от него в тот момент.

— Давай вернемся к моему вопросу, — сказал я с усмешкой. — Что Братья власти планируют сделать с Илэйн Константином?

Он вздохнул.

— Они уже списали ее со счетов. Они идут за ней. Она ходячая мишень. Готовая и

ожидающая. Она тоже это знает.

— Ее списали? Подчеркнули красным и поместили флажком? Чертовы идиоты.

Он снова вздохнул.

— Они были бы идиотами, если бы не сделали этого. Если бы они отпустили эту сучку после того, сколько она им задолжала, то каждый ублюдок подумал бы, что может использовать свои связи, чтобы списать свои долги. Братья власти не могут этого допустить. Из гордости, если уж не из практических соображений. — Он замолчал, уставившись на меня. — А что? Что, черт возьми, ты собираешься с этим делать? Пожалуйста, скажи, что ты не собираешься уговаривать их спасти ее задницу. Пожалуйста, во имя всех гребаных богов, не говори этого.

Он был прав. Я не мог спасти хорошенькую светловолосую сучку от Братьев власти. Я бы поставил на себе крест. Вместе со мной весь мир Морелли захлебнулся бы дерьмом.

— Ты же не собираешься этого делать, верно? — давил Трентон, и это вывело меня из оцепенения.

Я ткнул пальцем ему в щеку, и он судорожно вздохнул.

— Я буду делать то, что хочу, — ответил я. — Приберись здесь, за что я тебе и плачу, и держись, блядь, от меня подальше. Тебе так же лучше держаться, блядь, подальше и от моего отца, или ты пожалеешь об этом.

— Застрял между молотом и наковальней, — простонал он. — Тогда пошел вон. Оставь это мне.

— Убери любого, кто сунет свой нос, — повторил я и с этими словами вышел, спустившись по металлическим ступеням, прохладный ночной ветерок дул мне прямо в лицо.

Первое, что я сделал — проверил трекер на своем телефоне, почувствовав прилив облегчения, когда увидел, что моя игрушка вернулась в свое убежище. Она была дома.

Дома с задницей, без сомнения все еще болящей от моего члена. Эта мысль заставила меня снова затвердеть.

Странно, как прогулка в одиночестве могла проветрить мозги. Я поймал себя на том, что задаюсь вопросом — что, черт возьми, делало Илэйн такой неотразимой для меня. Что, черт возьми, делало эту маленькую принцессу такой чертовски особенной?

Я вспомнил, как ее кожа прижималась к моей. Вспомнил выражение ее глаз, когда они замечали меня. Вспомнил ее жаждущую плоть, дрожащую от каждой новой боли, даже когда она умоляла меня остановиться.

Причинить боль ее заднице — это лишь крошечная частичка того, что дразнило меня. Мне хотелось от нее и всего остального. Каждый ее грязный клочок.

Я хотел, чтобы она была моей игрушкой. Хотел, чтобы она была моей куколкой, которой я мог причинять боль. Моей персональной шлюхой.

Илэйн Константин была маленьким грязным цветком в порочном мире. Она была запятнанной невинностью перед лицом разврата. Она была не открытой книгой с глубокими темными тайнами, написанными от руки страницами прекрасной боли, стыда и тьмы в полумраке.

Илэйн Константин была маленькой жемчужиной, пытающейся спасти говнюков вокруг себя.

Глупая маленькая сучка. Красивая маленькая сучка.

Она была хорошей девочкой, которая считала себя плохой. Милым маленьким ангелом,

умоляющим о наказании.

Я накажу ее как за грехи ее семьи, так и за ее собственные. Я буду любить ее за это. Буду любить ее за то, что она станет маленьким холстом в моем подвале, готовым покрыться шрамами от моего зла.

Но пока я возвращался этой ночью в свою квартиру, внутри меня все сжималось от странного приступа страха. Я был не единственным злым ублюдком, планирующим причинить боль Илэйн Константин. У милого маленького ангела заканчивалось время для спасения... а у меня заканчивалось время, чтобы спасти ее от грехов.

Илэйн

Когда такси заехало на стоянку, мой многоэтажный дом показался мне спасительным маяком.

Я до сих пор не до конца обсохла после душа, от Люциана. Пробегая мимо консьержа, мне до сих пор было больно от его вероломного проникновения.

Мне понравилось.

Будь проклято мое сердце, но мне понравилось.

И мне нравился он.

Он спас мою душу, я восхищалась этим мужчиной.

Монстром.

Люциан Морелли спас меня от моих собственных решений в моем собственном глупом мире. Он спас меня от дикого зверя, который поставил свое сексуальное удовольствие выше моей душевной боли.

Девочка внутри меня рыдала. Если бы только Люциан был рядом, чтобы спасти меня от всех остальных злобных уродов, которые повстречались мне на пути... может, тогда я не стала бы испуганной сучкой-наркоманкой, одолеваемой демонами.

Но, конечно, нет... конечно, он никогда бы не спас меня... конечно, он никогда бы не захотел...

Никогда бы не поверила, что один из представителей семьи Морелли когда-нибудь, хоть когда-нибудь захотел бы спасти меня от моей же собственной лживой семейки. Ни за что, ни за миллион лет. Но вот она я, размышляющая об этом, пока сердце дико стучало в груди.

Морелли представлялись адскими демонами, своими лапами, посягающими на врата нашего рая, семьи Константин, и я никогда не подвергала это утверждение сомнениям. Этот урок я усвоила еще тогда, как стала понимать человеческую речь. Морелли демоны, Морелли злые, Морелли не заслуживают ничего, кроме ненависти и презрения. Я никогда не задумывалась об их окровавленных душах и не сравнивала их с нашими.

Зазвонил мой телефон, и я буквально подпрыгнула на месте.

Тристан.

Спасибо, господи, это всего лишь Тристан.

Мои пальцы еще никогда так не дрожали, как когда я отвечала ему, и мой голос был им под стать.

— *Алло? Тристан? Алло?*

Его голос оказался таким же прерывистым, как и мой, парень тяжело дышал, пытаюсь подобрать слова.

— Он там? Люциан? Он там? Он отправился за тобой, Лэйни! Он придет! Он запугал меня, Лэйни. Я только отошел от шока. И только сейчас смог добраться до телефона!

Звонок Тристана слишком опоздал, чтобы предупредить меня о появлении монстра, но я не могла ему этого рассказать.

— Люциана здесь нет. Я, эм-м... Я дома...

— Что? Ты дома? В центре? Стефан рядом? Ты со Стефаном?

Больше всего на свете мне хотелось рассказать Тристану правду: что Стефан оказался

монстром и пытался изнасиловать меня; что Люциан спас меня из его лап. Но я не могла. Не могла рассказать ему, что Стефан мертв, а меня поимели в задницу в луже его крови, и мне понравилось каждое мгновение, как какой-то маленькой шлюшке.

— Стефана тут нет, — ответила я. — Он не пошел со мной.

— Боже мой, Лэйни. Морелли чуть всех нас не грохнул, а потом отправился за тобой. — Парень сделал паузу. — За тобой и Стефаном... так, где же Стефан? Где Стефан, Лэйни? Он не мог отпустить тебя так легко.

— Я не знаю... — произнесла я, и мой голос выдал меня. Тристан все понял. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы распознать тон моего голоса, прочитав между строк.

Было слышно, как его дыхание стало жестче, несмотря на его дезориентацию.

— Так где, блядь, Стефан, Лэйни?

Я услышала собственный всхлип и прокляла себя за это. Прокляла за то, что дала волю чувствам, как и всегда, даже перед лучшим другом.

— Я не могу тебе сказать... Я не знаю...

— Хрень! — выпалил он. — Это все полная хрень. Морелли бы добрался до тебя, и я это знаю. Я позвонил, как только смог, но знаю, о чем говорю. У него было время. Поэтому либо тебя не было рядом с... либо ты была там, и он пришел... либо там был Стефан, и ты ушла от него... — Он сделал паузу, и я закрыла глаза, молясь, чтобы все творившееся оказалось всего лишь ночным кошмаром. — Что случилось, Лэйни? Просто расскажи мне, что случилось, черт возьми.

Я не ответила. Не могла совладать с голосом.

— Тебе лучше начать говорить, — произнес он. — Я еду к тебе. Еду к тебе прямо сейчас. Так что помоги мне господь, но мне плевать, рядом ли сейчас с тобой Люциан Морелли или нет, я еду к тебе.

— Пожалуйста... нет! — закричала я, но в ответ уже послышались гудки.

Я пыталась перезвонить, но он не отвечал мне. Ругаясь, бродила по квартире, избавляясь от окровавленной одежды и оттираясь мочалкой в ванной. Потом выбросила клатч в мусорную корзину и натянула пижаму, в отражении зеркала на меня смотрел призрак. Я ходила по квартире в ожидании и надежде. Ходила по квартире, молясь. Ходила, умоляя собственное сердце избавиться от чувств к демону и вернуть себе здравый рассудок.

Тристан приехал ко мне один, без Ястреба. Его лицо было опухшим, под одним глазом наливался синяк, в походке угадывалась боль, когда он прошел мимо меня, высоко подняв телефон.

— Я звоню охране! — прокричал он в пустую квартиру. — Клянусь, черт возьми! Я позвоню охране и буду ждать! Они придут за тобой!

— Его здесь нет, — настаивала я, и наконец после последнего прохода Тристан поверил мне.

Он швырнул меня на диван, жестко. Я вскрикнула, приземлившись, и задрожала.

— Поговори со мной, — произнес парень, его глаза казались дикими. — Единственный раз в жизни, Илэйн, поговори со мной.

Я спрятала лицо в ладонях.

— Я не могу. Поверь мне, Тристан, ты не хочешь этого знать.

— Серьезно? — Тристан присел передо мной на корточки. — Думаю, скажу тебе обратное. Думаю, тебе нужно понять, что я хочу знать: что этот чертов сукин сын сделал с тобой и Стефаном. Он его убил, да? Морелли убил Стефана Кэннона?

Я не стала качать головой, но и не ответила.

— Блядь, — произнес он, поднимаясь на ноги и пиная диван. — Вот блядь, просто блядь.

— Не надо в это лезть, — произнесла я, мой голос был похож на голос маленькой грустной девочки. — Серьезно, Тристан, не лезь в это. Не надо.

— Я не могу, — выпалил он. — Даже если бы хотел, не могу! Ястреб прямо сейчас пытается найти Стефана, и он видел, что Морелли сделал с нами, и знает куда тот направился. Вся гребаная вечеринка в курсе, что Морелли сделал с нами и куда направился, даже если они пока не знают, кто он такой. Они узнают, Илэйн! Вся твоя семья скоро обо всем узнает! Ты не сможешь скрыть все это дерьмо от них!

Звук моего сердцебиения отдавался в ушах, в животе крутило, пиво, крепкий алкоголь и шампанское уже не имели значения. Моя голова была как никогда ясна, трезва, и меня накрывали волны отчаяния. Он был прав. Конечно, прав. Моя семья скоро все узнает. Они должны были узнать.

Как и его. Как и семья Люциана Морелли.

Мы оба были прокляты и не заслуживали прощения в мире грешников.

— Я найду способ все исправить. — Я больше пыталась убедить себя, чем Тристана. — Все скрою, расскажу что-нибудь иное, я найду способ.

Он качал головой, пока я говорила.

— Способ скрыть от них, что ты была на какой-то вечеринке с Люцианом Морелли, который вырубал людей направо и налево? Ну, удачи тебе.

— Я найду способ, — настаивала я, но уже чувствовала, как в груди начинало печь от накачивающих рыданий. — Он найдет способ.

Глаза Тристана напоминали лед, когда его взгляд встретился с моим.

— Его отец убьет его, Лэйни. Как только он узнает, что его сын преследует тебя, он разорвет того на кусочки.

Я еще раз всхлипнула, но он не останавливался. Он, мать его, все никак не мог остановиться.

— Почему ты плачешь, Лэйни? Последние часы жизни Люциана Морелли должны вызывать у тебя улыбку, а не слезы.

Я вытерла глаза, и в моем взгляде он смог все прочитать.

— Матерь божья, — прошипел он. — Это все-таки случилось, да? Ты влюбилась в этого монстра. Влюбилась в этого проклятого Морелли.

Я смогла ответить лишь всхлипом и еще раз вытерла слезу, потому что больше не могла лгать. Не могла отрицать, что влюбилась в Люциана Морелли. Уж точно не тому человеку, который знал меня лучше всех остальных.

Тристан продолжил расхаживать по гостиной, ероша свои волосы руками.

— Он убил Стефана Кэннона, да? Просто скажи мне!

И я сказала. Просто сказала. Просмотрела ему прямо в глаза, стиснула зубы и рассказала ему.

— Да, Тристан, он убил Стефана Кэннона. Он вонзил в него нож и смотрел, как тот истекает кровью на полу, и мне хотелось этого. Мне тоже этого хотелось.

Его челюсть отвисла, парень побледнел и отшатнулся от меня.

— Ты хотела, чтобы он сделал это? Почему, черт возьми, ты хотела этого?

Я выдавливала из себя слова.

— Он пытался изнасиловать меня. Этот урод Стефан Кэннон пытался изнасиловать меня. Он делал мне больно, и я молила его остановиться, но он не слушал, а Люциан спас меня. Люциан Морелли спас меня.

Тристан качал головой.

— Нет. Этого не может быть. Нет, Илэйн. Не смей мне врать.

Я не отводила от него взгляда.

— Я не лгу. Стефан Кэннон пытался изнасиловать меня, и монстр спас меня от него. Меня спас так называемый монстр.

Мой лучший друг выругался и схватился руками за голову, а потом еще раз выругался, ругался снова и снова, потому что так же, как и я, все понимал. Вся ситуация представляла собой глубокую яму, из которой не было выхода.

— Моя семья не может узнать об этом, Тристан, — произнесла я. — Если есть хоть малейший шанс, что это возможно, они не должны ни о чем узнать. Ты должен мне помочь.

— Охренеть! — закричал он, но не отказался. Не мог отказаться.

— Пожалуйста! Пожалуйста, Тристан! Мне нужно найти выход из этой ситуации. Они не должны узнать, что Люциан Морелли спас меня от Стефана, зарезав его на моих глазах где-то в городских трущобах.

Я не посмела рассказать Тристану, что Люциан трахнул меня в задницу. Даже с ним я не могла поделиться такой подробностью.

— Люди узнают, Илэйн! Если только он не избавится от всех присутствовавших на вечеринке!

Он был прав, но я не могла сдаться, не попытавшись. В противном случае я уже подписала свой собственный смертный приговор.

Но не по этой причине мне хотелось так поступить. Не по этой причине я собиралась попробовать.

Я не пыталась отсрочить подписание собственного смертного приговора. Его уже давно подписали Братья власти. Время неизбежно утекало.

Я не хотела, чтобы и для Люциана Морелли был подписан смертный приговор.

Тристан обдумывал все, как и я; видела, как в его голове крутились шестеренки.

— Ястреб знает, — произнес он спустя несколько минут тишины. — Люциан Морелли вырубил его на вечеринке, а потом словно маньяк отправился на твои поиски.

— Значит, если мы заставим Ястреба замолчать... это поможет, правильно?

Тристан покачал головой, указывая на меня пальцем.

— Нет, Илэйн. Даже не смей. Только попробуй. Если что-то случится с Ястребом, клянусь богу, я сам все расскажу твоей семье.

Я выдавила улыбку: смех сквозь слезы.

— Кажется, ты неровно дышишь к нему. Кто бы мог подумать? Мы оба теряем голову из-за любимых в этом сумасшедшем мире. — Я даже смогла засмеяться. Только смех был пронизан горечью. — Я не думала о том, чтобы от него избавиться — можно просто попробовать поговорить с ним.

Он не выдавил улыбку в ответ и уж точно не стал смеяться.

— Мы живем не в одном и том же сумасшедшем мире, Лэйни, и чертов Люциан Морелли не твой возлюбленный. Он тот, кто хочет уничтожить тебя и весь твой род.

Я не стала спорить с ним: в чем смысл? Не было причин опровергать тот факт, что Морелли ненавидели семью Константин, и наше полное уничтожение многое для них

значило.

Моя задница до сих пор болела, а сердце дико стучало, но я не могла поверить, что Люциан Морелли хотел лишь убить меня.

Хотя в это не могла поверить не моя голова... а мое сердце.

Именно мое сердце верило, что Люциан хотел нечто большего, чем просто уничтожить каждую клеточку моего тела и души.

Именно мое сердце верило, что Люциан спас меня не просто так... не чтобы забрать всю мою боль себе — он хотел всю мою боль только для себя — а что было в этом нечто большее.

Именно мое сердце верило, что может быть, всего лишь может быть, Люциан Морелли смог бы полюбить меня в ответ. Однажды, в абсолютно другом мире, в абсолютно другое время, может быть, всего лишь может быть, Люциан Морелли смог бы полюбить меня в ответ.

Люциан

Мои родители уже ели, когда я сел за обеденный стол. Мама улыбнулась мне, но отец едва взглянул на меня, аккуратно опустив приборы по бокам от тарелки и откашлявшись.

— Оставь нас, — сказал он дворецкому, и старик Майкл с поклоном поспешил прочь.

Именно тогда отец встретился со мной взглядом, и его глаза были такими дикими, какими я их еще никогда не видел, хоть и сияли холодным спокойствием, которое я так хорошо знал.

Я ответил на его спокойствие своим собственным хладнокровием, закинув ногу на колено и откинувшись на спинку стула.

— Я вернусь в офис завтра, — сказал я. — У меня было несколько неожиданных мероприятий, на которых мне нужно было присутствовать. Не более того.

Отец вытер салфеткой пальцы, затем промокнул губы. Его молчание говорило о многом, и я по-новому взглянул на него после многих лет, когда едва замечал внешность человека передо мной. Брайант Морелли все еще оставался привлекательным монстром, и я был таким же, как он. Его темные стороны были достаточно глубокими, чтобы поглотить все вокруг, а его требования к тем, кто присутствовал в его жизни, были достаточно жестокими, чтобы искалечить. Тот всегда был таким. Именно отец научил меня быть монстром, которым я вырос. И это было еще не все. Он знал всю степень моей ледяной холодности, как никто другой.

Он знал меня. Всего меня. Даже мои самые сокровенные тайны. Глубочайшие сильные и слабые стороны, вплетенные друг в друга.

Секреты пронизывали даже глубокие семейные узы, а уж наши были самыми опасными и жуткими.

Ковыряя еду в тарелке, моя мать выглядела неуверенно, охваченная нашим невысказанным напряжением, борясь со своей любовью к нам обоим. Я был ее сыном, но мой отец был ее мужем — мужчиной, которого она любила больше всех на свете большую часть своей жизни.

Битва за нее была для меня проиграна. Сторона отца обладала в ее сердце большей силой. Сара Морелли ненавидела семью Константин почти так же сильно, как и он. Почти.

— У тебя были какие-то неожиданные мероприятия, не так ли? — повторил он, нахмурившись. — Неожиданное мероприятие, например, такое, как сучка-наркоманка Илэйн Константин?

Я не отвел взгляда.

— Я знаю, что ты разговаривал с Трентоном.

— Отлично. Трентон беспокоится о семейном бизнесе и репутации. Похоже, ты не был таким уж преданным или умным.

Я хмуро посмотрел на него, первоначальная ярость и целеустремленность вернулись в мое сердце.

— Репутация нашей семьи никогда не достигнет своего пика, если мы не выступим против них. Когда-нибудь, так или иначе, нам придется нанести им удар в самое сердце и уничтожить за раз.

Именно тогда мой отец поднялся на ноги и с грохотом отшвырнул тарелку в сторону. Ткнул в меня пальцем, выражение его лица было наполнено чистой гребаной злобой.

— Это не твоя забота, когда мы выступим против семьи Константин, мальчик. Она моя. Это всегда касалось только меня.

— Хватит, — сказала мама, но отец отмахнулся от нее.

— Тебя это не касается, Сара. Уйди, пожалуйста.

Она застыла, в ее глазах поселился материнский страх, когда мама посмотрела на меня через стол. Тем не менее, это не помешало ей подчиниться воле моего отца, когда тот выругался и во второй раз указал ей на дверь.

— Уйди!

Я смотрел, как уходит моя мать, и жалел, что не мог каким-то образом почувствовать что-то внутри себя.

Мне хотелось бы чувствовать больше. Хотелось бы ощутить хоть каплю любви или тепла к женщине, которая родила и растила меня для моего места в этом мире. Хотелось бы взглянуть на своего отца, посмотреть его ярости в лицо и почувствовать, как меня сжимает стыд. Но нет.

Я ничего не почувствовал. И никогда не чувствовал... и отец отлично знал это

Он обошел вокруг стола и пинком отодвинул стул рядом со мной. Повернул его лицом к себе и опустился верхом.

— Поверь мне, Люциан, если бы насилие было возможностью вбить в тебя немного здравого смысла, я бы прибегнул к нему сейчас. Ты бы почувствовал мой гнев своей кожей и костями.

Я никак не отреагировал, просто не сводил с него глаз, пока отец снова не заговорил.

— Трентон сказал мне, что ты расспрашивал об Илэйн Константин. Он сказал, что ты встречался с ней.

— Трентон Алто — кусок дерьма, который не имеет права никому рассказывать о моих делах.

— Трентон имеет *полное право* рассказывать мне обо всем, что меня касается, — огрызнулся отец. — Скажи мне сейчас, мальчик. Ты встречался с Илэйн Константин?

Я склонил голову набок.

— Я встретил Илэйн Константин на бал-маскараде в честь совершеннолетия Тинсли Константин. Отправился туда, чтобы исследовать комплекс семьи Константин и разработать план их уничтожения. И наслаждался острыми ощущениями.

Как обычно, в моих словах не было лжи. Моя поза была безупречной, пока я неподвижно сидел на своем месте.

Отец двинул бы мне прямо под ребра, если бы в этом был хоть какой-то смысл. Так что вместо этого он наклонился ближе, и его голос превратился в реку осколков.

— Я всегда очень гордился тобой, Люциан. Ты стал прекрасным сыном с выдающимися перспективами. Ты во всех отношениях наследник Морелли, которого я создал, и очень горжусь этим. Безумно горжусь.

Каждое подобное утверждение всегда сопровождалось «но», и отец говорил это громко и ясно.

— Скажу тебе лишь одно, мальчишка, еще хоть раз подойдешь к этой суке Константин, и ты будешь мертв для меня. Наша семья никогда не смирится с таким предательством нашего имени. Ты понял меня?

Он давал мне больше свободы действия, чем я ожидал. Приятный сюрприз.

Я ухмыльнулся ему.

— Ага, понял. Я снова подойду к Илэйн Константин, и ты меня уничтожишь. Вышибешь мне мозги и церемонно поцелуешь своего наследника в лоб на прощание.

Он холодно ухмыльнулся в ответ, и на этот раз я почувствовал что-то внутри. Почувствовал дрожь страха.

— Может, не *ты* будешь уничтожен, сынок. Может быть, ты будешь заключен в темноте в подвале, а не в земле. Однако, в одном ты можешь быть уверен — я уничтожу Илэйн Константин, если ты хотя бы шагнешь в ее сторону, и позабочусь о том, что мы не возьмем на себя ответственность за ее кончину.

— Трентон сказал тебе, что у меня к ней есть чувства, не так ли? — усмехнулся я.

Отец продолжал ухмыляться.

— Нет. На самом деле, он этого не говорил. Лишь сказал мне, что ты охотился за ней так, как он никогда раньше не видел, и у него были свои... подозрения. Я бы уже убил тебя собственными руками, если бы хоть на секунду поверил, что тебе когда-нибудь понравится сука Константин.

Он не лгал, и я не винил его.

Мне следовало бы убить себя собственными руками за то, что даже подумал, что могу хотеть от этой суки чего-то большего, чем ее кровь и боль.

— Я бы никогда не полюбил женщину Константин, — сказал я ему, и мой голос звенел.

— Я чертовски надеюсь, что нет. — С этими словами мой отец вытащил с другого конца стола свой нож и протянул его мне. — Тогда поклянись в этом. Поклянись клятвой Морелли. Поклянись Богом и Пресвятой Девой Матерью.

Я не должен был этого делать. Из-за той тени сомнения и греха, живущих внутри меня, мне никогда не нужно было брать у него этот нож. И гореть мне в аду до конца времен.

Но мне было все равно.

Впервые в моей жизни клятва Морелли значила для меня меньше, чем женщина, которую я должен был презирать.

Я провел лезвием по ладони, делая глубокий и точный порез. Кровь капала, струясь по руке рекой, когда крепко сжал пальцы.

— Клянусь Богом, именем Морелли, я презираю родословную семьи Константин, всегда буду презирать.

И я не лгал. Я презирал всю родословную семьи Константин. Ненавидел в них все, каждую фальшивую улыбку и насмешку, которые они показывали на своей обожаемой медиа-платформе по всему миру. Ненавидел их коррупцию, так мило скрытую за их социальным фасадом.

Я ненавидел Илэйн Константин и все, за что она выступала.

Мой отец кивнул и забрал у меня нож. Он бросил взгляд на мой порез и кинул нож на стол.

— Ты порезал слишком сильно, парень, — сказал он, но я пожал плечами, обматывая рану салфеткой.

— Я всегда режу слишком глубоко. Большая кровь дает более сильное обещание.

Он встал со стула и вернулся на свою сторону стола.

— Тебе нужно быть более осторожным с тем, кому ты это демонстрируешь, — сказал отец. — Если бы люди, хоть на секунду, подумали, что ты тот, кто ты есть...

Я так много раз слышал это раньше, что снова небрежно пожал плечами.

— Я не очень часто даю клятвы. Уже нет. Никто не увидит мои способности такими, какие они есть. Не от одного крошечного пореза на моей ладони.

В этом я был прав. Никто никогда не видел моего тела чудовища, каким оно было, даже моя мать. Тайна была глубоко связана между мной и человеком, который вырастил меня, чтобы я стал его наследником.

— Наша империя была построена на клятвах, — сказал он мне. — И такова была сила наших жизней. Никогда не забывай об этом и никогда не прекращай вкладываться в обещания, данные нашей семьей Господу.

Я посмотрел на картину Иисуса, висящей над его головой в дальней части обеденного зала, и мне стало интересно, каково это — жить в семьях, построенных без постоянного стремления к Благочестию, запятнанном в мире, основанном на лжи и коррупции.

Наша прошлая родословная была злой, и наша нынешняя иерархия никогда не колебалась, так что я снова не понимал, почему мой отец так стремился избежать конфликта с родословной, которая построила свою на уничтожении нашей.

— Мы могли бы погубить все их жалкое сборище, — сказал я. — И достаточно сильны. Мы должны нанести первый удар. Сейчас.

— Нет, — возразил отец и снова сел на свою сторону стола. — Мы ничего не предпримем против семьи Константин, пока я не решу, что мы готовы.

Это расстроило меня, всегда расстраивало, когда мой отец был так решительно настроен контролировать все в нашей семье со стороны, хотя он уже дал мне контроль над нашим будущим.

— Возвращайся утром в «Холдингс», — приказал он. — Если ты возьмешь еще один выходной от дел, я пошлю Симуса и Дункана присматривать за твоей должностью. Они могут доложить мне.

— Это угроза? — надавил я. — Симусу и Дункану не место в «МореллиХолдингс». Они бесхребетные хорьки. Безмозглые и жалкие. И при этом МакТирнансы даже не Морелли.

— Они кровные родственники, заинтересованные в семейном бизнесе, — возразил он, и я не стал продолжать дальше. Не сегодня.

Я мог представить их лица, самодовольные и хитрые, пока они крутятся вокруг моего отца, как гиены в поисках еще одной косточки. Они уж точно не получат мою.

— Я вернусь в «МореллиХолдингс» завтра, — заверил я и встал.

И не стал задерживаться, чтобы увидеть, как мама вернулась в комнату, просто вышел с салфеткой, все еще туго обернутой вокруг моей кровоточащей руки. Это было правдой, завтра я вернусь в «МореллиХолдингс», а Симус с Дунканом могли идти нахер. Они не имели никакого отношения к власти в моем мире.

Мне хотелось, чтобы моя ладонь вспыхнула от боли, просто чтобы удерживать мою клятву в уме, но мое обещание уже было потеряно для меня, когда я покинул особняк.

Это не имело значения. Ничто не имело значения, и я знал это. Я понял это именно в тот момент.

У меня на уме было только одно.

Илэйн гребаная Константин.

Ее трекер был бесполезен для меня теперь, когда ее клатч был бесполезен для нее.

Мне оставалось использовать только одну вещь. Ее дневник.

Я открыл его на своем мобильном еще до того, как покинул территорию.

Илэйн

Не понимаю, как я смогла пережить ночь. Меня била дрожь и одолевали слезы от осознания того, что отныне мое сердце принадлежало монстру.

Не понимаю, как мне удалось подготовиться к воскресному семейному обеду. Не понимаю, как смогла дрожащими пальцами сделать прическу и подготовиться к выходу в свет.

Я старалась избегать свою маму на лужайке перед семейным особняком, но понимала, что это бессмысленно. Она всё равно не оставит меня в покое.

Я проходила мимо родственников, перебрасываясь с каждым парой фраз, и пыталась побороть хаос в своей голове. Не получалось. Я тряслась, как осиновый лист на ветру, в дамской комнате, умываясь холодной водой, и впервые в жизни решила избегать алкоголя. Никакого шампанского для меня. Никакого шампанского. Никакого шампанского. Никакого шампанского.

Я не могла рисковать, даже бокалом. Не могла по пьяни открыть рот и всё рассказать.

Харриет пыталась поговорить со мной и отвести к забору при каждой удобной возможности, но я не поддавалась. Потому что не смогла бы выдержать ее вопросов, не в тот день, когда в моей голове и на моих руках была еще свежа кровь Стефана Кэннона.

Когда моя задница до сих пор горела от члена Люциана Морелли, а сердце болело от его прикосновений.

Я ощутила инстинктивную дрожь, потянувшись к символическую кексу в кэнди-баре. Я знала. Чувствовала. Одно лишь движение, и я почувствовала, что за моей спиной стоял дядя Лионель и плотно ко мне прижимался.

Я ненавидела его тело. Всегда ненавидела его тело.

Ненавидела его всеми фибрами своей израненной души.

— Твоя мать хочет поговорить с тобой, — прошептал он, и в его голосе слышался столь знакомый оттенок яда и грязи.

Я не смогла сдержать рот на замке.

— Ну, может, я не хочу с ней разговаривать.

Он провел пальцами по моим ребрам, а потом схватил за руку.

— Если в твоей дурацкой голове есть хоть капля здравого смысла, ты пойдешь и поговоришь со своей матерью. У нее заканчивается терпение.

Я повернулась к нему, его отвратительное дыхание ударило мне в лицо. Должно быть, в моих глазах горела ненависть, а сердце не отставало в схожих чувствах. Для меня стало бы огромным удовольствием схватить нож со стола и вонзить его глубоко в живот мужчины, как сделал Люциан со Стефаном на моих глазах. Моя душа вознеслась бы к небесам при виде его боли.

Он не стал ждать и вновь заговорил.

— Она знает, что тебя опять видели с этими неудачниками-наркоманами в Даунтауне, Илэйн. Знает, что ты вновь платила за отбросов общества, — фыркнул он. — Ты позоришь семейное имя. Какая же ты маленькая глупая девочка. Если у тебя есть хоть капля рассудка, ты выслушаешь и примешь ее предложение.

— Предложение? — спросила я, не представляя, о чем он говорит.

— Да, — ответил он. — Предложение. У нее для тебя есть предложение. Я его озвучил. Позже сможешь отблагодарить меня.

— Предложение, освобождающее меня от спасения людей в Даунтауне. Я такая преступница, да?

Я поняла, что улыбаюсь и смеюсь над разницей между моими реальными преступлениями и их воображаемыми. Если бы они только знали правду.

Интересно, они уже слышаны о моей связи с кланом Морелли? Или еще нет?

— А знаешь, ты прав, — произнесла я. — Да, я вновь спасала людей. Мне больше нравится компания неудачников-наркоманов в Даунтауне, чем свора идиотов на подобных мероприятиях. Здесь так много больных эгоистичных придурков.

— Следи за своим языком, — тихо прошипел он, и, хотя внутри всё сжалось от страха, я не позволила себе отступить. Не сегодня. Больше никогда.

— А знаешь что, дядя, — прошептала я. — Можешь представить, что случится, если я громко озвучу все твои грехи прямо здесь и сейчас перед всеми присутствующими?

Его дыхание сбилось, но Лионель не пошевелился, продолжая крепко прижиматься ко мне.

— Могу представить, — ответил он. — Могу представить, как все бы назвали тебя сумасшедшей и рассмеялись в лицо над твоими мерзкими фантазиями, малышка.

Он провел пальцами по моей спине, и я напряглась, когда тот добрался до расщелины моей задницы сквозь тонкую ткань моего платья. Если бы он только знал, кто был внутри меня.

— Я могу преподать тебе урок поведения в любое время, когда захочу, малышка, — произнес он. — Не забывай, с кем ты разговариваешь. У меня по-прежнему есть целая орава учителей, готовая преподать тебе урок.

— Ты уже ничему не сможешь научить меня, — прошипела я. — Я давно покончила с твоими уроками и твоей грязью. Ты вызываешь у меня отвращение.

— Ты всегда так любишь врать, — возразил он. — Тебе никогда не удастся продержаться долго без уроков, дорогая. В противном случае ты не была бы какой непослушной девочкой. Я до сих пор помню, в каком нетерпении ты ждала своих учителей.

Мне стоило убежать от него, но я этого не сделала. Мои ноги приросли к месту.

Его губы оказались прямо у моего уха, и я задрожала, но не дернулась.

— А помнишь, какой влажной ты становишься, будучи непослушной маленькой девочкой, Илэйн? — спросил Лионель у меня. — Я уже говорил тебе: хорошие девочки не намокают, когда пытаются усвоить урок. Несколько моих человек пытались преподать тебе урок послушания, но ты так и не послушалась.

— Прекрати, — произнесла я, но тот не послушал. Как и всегда.

Кивком он указал на лужайку, где проходила вечеринка, и я почувствовала, как вокруг все закружилось, мир начал вращаться под моими ногами.

— Скоро к нам присоединится полковник Хардвик, — сообщил он. — Как и барон Роулингс. Мне, наверное, стоит рассказать ему, какой ты была непослушной и как порочила имя нашей доброй семьи в Даунтауне с дураками, которые представления не имеют, что такое престиж в этом мире? Или, может, нам стоит позвонить Преподобному Линчу. Уверен, для тебя у него заготовлено много новых уроков. Так много уроков.

— Хватит, — выпалила я. — Я ненавижу их. Я бы перерезала горло каждому по

очереди, если бы могла.

— Ну вот, — проворчал он. — Снова врешь. Ты настоящая лгунья, Илэйн. Всегда лжешь. Тебе всегда нравились эти уроки, даже когда ты была маленькой милой девочкой, которой следовало быть осторожнее.

— Нет, — ответила я, но всё слышала в своем голосе. Замешательство. Всегда было то самое замешательство, даже где-то глубоко среди боли и ненависти.

— Как я уже сказал, твоя мать хочет поговорить с тобой, — вновь повторил Лионель, и в его голосе послышалась лишь скука. — Если в тебе есть хоть немного чувства такта, ты поговоришь с ней перед уходом. Срок действия предложения ограничен.

Он отошел от меня, не оглянувшись, и я вновь возненавидела себя. Я ненавидела в себе абсолютно всё. Ненавидела всё, что касалось их. Ненавидела эту глупую вечеринку, в которой приходилось принимать участие, и ненавидела в своей жизни всё столь фальшивое и грязное.

Я не могла толком восстановить дыхание. Мне не хотелось ни есть, ни пить, не хотелось ни с кем разговаривать, тем более с матерью, поэтому просто решила сделать то, что делала всегда.

Я удалилась так незаметно, как только могла, прошла мимо дамских комнат по коридору и поднялась по лестнице в свою комнату на верхнем этаже особняка.

Спрятаться. Спрятаться. Спрятаться.

Спрятаться и выпустить боль.

В дальнем углу владений располагалась моя тайная комната, в которой я пряталась. Я открыла дверь как можно тише и вошла внутрь. Упала на пол и прижала колени к груди, сидя около старого шкафа. Раскачиваясь, я плакала и пыталась совладать с дыханием, пока не перестала утопать в своей боли.

Мне было нужно это.

Нужно лекарство, к которому я привыкла с ранних лет.

Поэтому подняла край ковра в углу и вытащила отошедшую доску пола. Я пользовалась этим тайником с самого первого раза, как только нашла его. Конечно, моя цель ждала меня: стопка салфеток, платочков, пластырь, бинт и упаковка скальпелей. Я развернула сверток, уже чувствуя первые волны спокойствия при виде лезвия.

Я подняла подол платья к бедрам и стеклянным взглядом смотрела на свою изрезанную кожу, ахнув при первом касании кожи.

О да.

О, как это было мне нужно.

Как мне нужны были уколы боли и покалывающее ощущение выпущенной крови.

Я думала о Стефане из Лондона, задыхающемся на полу, думала о языке Люциана Морелли, в одном танцедвигающемся с моим, и вновь сделала это — прикоснулась лезвием к коже.

Господи, да.

Я думала о том, как хочу, чтобы монстр оказался во мне, и как мне нравилось, когда он причинял мне боль, и я вновь сделала это. Еще одно касание кожи лезвием.

Я думала о том, какой влажной и разгоряченной становлюсь при мысли о том, как Люциан доставляет мне боль и заставляет хотеть его, и вновь. Еще одно касание лезвия, от которого с моих губ сорвалось шипение.

По бедрам потекла кровь. Горячая и жидкая. Но мне хотелось больше.

Еще от одного прикосновения лезвия меня накрыло волной — это круче, чем любой кокаин.

Я подумала о бароне Роулингсе и его опухших красных щеках в тот момент, как, называя меня шаловливой девочкой, он грубо лапал меня. Думала о том, как он заставлял меня платить, положив к себе на колени и причиняя столько боли, что я всхлипывала и уверяла его, что буду вести себя лучше. Обещала, что стану лучше.

Еще одно прикосновение лезвия.

Потом подумала о полковнике Хардвике и том, как его обнаженное тело казалось таким каменным рядом с моим. Таким большим по сравнению с моим крошечным.

Еще одно прикосновение лезвия.

Думала обо всем, что говорила мне мама, какое множество раз она называла меня маленькой лгуньей, когда я пыталась рассказать ей правду. Все ее нелестные слова, которыми она стыдила меня и, в конце концов, вынудила закрыться в себе. Своими словами она заставила меня причинять себе боль, наказывать себя.

Еще одно прикосновение лезвия.

Думала о Люциане. Да, вновь я думала о Люциане. Думала о заботе в его взгляде и ненависти, гневе, когда ради меня он убил другого человека.

И тогда я представила, как тот убьет полковника Хардвика и барона Роулингса. Представила, как он убьет всех тех людей, которые причиняли мне боль, когда я была еще слишком мала, чтобы хоть что-то понимать.

Представила, как он убьет Преподобного Линча.

Представила, как он убьет дядю Лионеля за то, что тот отдал меня на растерзание грешникам.

Я осознала, что хотела бы рассказать ему правду. Хотела бы рассказать правду Люциану Морелли перед собственной смертью.

Еще одно прикосновение лезвия.

Мной овладело спокойствие, глубокое и темное. Я наслаждалась болевыми ощущениям от порезов на бедрах. Наслаждалась тем, как кровь струилась и капала с бедер на пол.

Но Люциан Морелли не станет спасать меня. Он не станет мстить людям, которые причинили мне боль, потому что не рассказала бы ему обо всем, даже если бы могла. Я никогда и никому на протяжении всей своей жизни не расскажу об этом.

Я улыбнулась сама себе.

На протяжении всей своей жизни.

Она не продлится долго.

Теперь точно нет.

Я видела Братьев Власти этим утром. Узнала лицо Эллиота Ри около своего дома в центре, когда мой шофер сворачивал на дорогу. Они придут за мной.

Я вытерла кровь с бедер, прижала бумажные платочки к ранам и расслабилась, прислонившись к стене и погружаясь в уютное спокойствие, пока мое тело пыталось прийти к согласию с разумом, и в конце концов рыдания и дрожь сошли на нет. Я совладала с дыханием, обработала раны и спрятала свой набор, затем заставила себя встать, даже не думая о дозе кокаина.

Мама хотела поговорить со мной. Вот дерьмо. Я понимала, что она многое хотела мне сказать. Одному богу известно, что она *предложит* мне, но я была абсолютно уверена, что ничего хорошего ждать не стоило.

Удостоверившись, что следов от моих слез не осталось, я направилась обратно вниз.

Мое сердце гулко забилося, когда я увидела, что мама уже стояла на лестнице этажом ниже. Ждала меня.

Как обычно, на ее лице появилось выражение полного отвращения, когда она увидела меня, губы сложились в презрительный оскал.

Я попыталась придумать слова для будничного разговора, как всегда, но мне не пришлось об этом волноваться.

Ее приветствием стала звонкая пощечина по моему лицу — достаточно сильная, чтобы я вскрикнула от неожиданности.

— Если ты еще хоть раз окажешься в этом убогом Даунтауне, Илэйн Беатрис, клянусь Богом, это будет твой последний выход. В этот раз я говорю серьезно. Для меня ты умрешь.

Мое сердце дико билось, но дальше ничего не последовало — она только ткнула пальцем мне в лицо, вновь повторяя свою позицию.

— Ты не принадлежишь этому убогому месту. Никогда ему не принадлежала. Ты должна быть здесь, с нами, поддерживая семейную репутацию, а не выставляя нас всех на посмешище.

Я не принадлежала этому кругу людей. Никогда не принадлежала. Ни разу. С тех самых пор, как познакомилась с Преподобным Линчем, будучи маленькой девочкой.

Обычно я бы опустила голову в ответ на слова мамы и ушла подальше, как всегда испуганная ее неодобрением, но сейчас не сделала этого. Не сегодня.

— Я не выставляю нашу семью на посмешище, — возразила я. — Тебе самой это неплохо удастся. По крайней мере, люди в Даунтауне знают, что они неудачники. По крайней мере, они наслаждаются этим.

— Следи за своим языком, — прошипела моя мать, но я не слушала ее. Лишь следила за ее хмурым выражением.

— Однажды ты примешь тот факт, что наша семья вызывает только отвращение, — произнесла я. — А пока перестань осуждать меня за желание оставаться подальше от этого.

— Может, ты не принадлежишь нашей семье, — ответила она. — Возможно, никогда и не принадлежала. Ты всегда была дикой, лживой маленькой девочкой. Но у меня есть для тебя решение, помнишь?

Ее голос был таким холодным.

— Дядя Лионель сказал мне. *Предложение.*

— Да, — резко ответила она. — *Предложение.*

— Тогда скажи мне, — ответила я, изо всех сил стараясь говорить твердо. — В чем заключается это предложение?

Я знала, что предложение будет из серии плохих, еще до того, как та начала говорить. Видела это в ее взгляде.

— Кристофер Роулингс, — объявила она. — Он хочет тебя в качестве своей невесты. Барон Роулингс сказал, что ты станешь отличным дополнением семьи Роулингс и британской аристократии.

Нет.

НЕТ.

Только не барон Роулингс...

Я начала качать головой еще до того, как та закончила говорить.

Она вздохнула, скрепя руки на груди.

— Не испытывай мое терпение еще больше, Илэйн. Для тебя это фантастическая возможность, и фантастическая возможность для имени семьи Константин.

Константин и Роулингс... по моей коже побежали мурашки.

— Желтой прессе это понравится, — произнесла мама. — Это будет потрясающая свадьба. Потрясающая пара.

— Нет, — ответила я. — Я не хочу выходить замуж за Кристофера Роулингса.

Она нахмурилась.

— А я от тебя другого и не ожидала. Он глупенький маленький дурачок, совсем не похожий на своего отца. Я ожидала, что в моем предложении ты увидишь акт милосердия. Новый старт, в Англии, с именным бриллиантом на безымянном пальце.

Я любила Англию. Мне бы хотелось начать жизнь заново вдали от моей коррумпированной семьи... но не в объятиях точно такой же коррумпированной семьи.

Не в объятиях барона Роулингса, жаждущего помучить меня.

Мама продолжала говорить, описывая все преимущества этого брака.

— Я закрою все твои долги с Братями власти в последний раз. Ты выберешься из порочного круга. Больше никаких наркотиков в твоей жизни, никаких неудачников, годных лишь на то, чтобы гнить в неизвестных местах. Барон Роулингс четко это озвучил. Никто и никогда и на километр к тебе не подойдет. Никто из тех, кого они не одобряют.

Я продолжала качать головой.

— Барон Роулингс — больной придурок.

— Следи за своим языком! — прошипела она. — Барон Роулингс — прекрасный человек из прекрасной семьи.

Я следила за своим языком. Он был надежно спрятан. Впрочем, как и обычно.

Я уже уходила от нее как можно дальше, когда она тихо выругалась.

— Я серьезно, Илэйн, — произнесла мама. — Прими предложение Кристофера или с тобой будет покончено. Я больше не буду вытаскивать тебя из дерьма.

А я больше этого и не хотела. Теперь уже нет.

Все лучики надежды умерли во мне в последний раз. Наконец-то. Я была потеряна для всего. Даже для самой себя.

Я никогда не выйду замуж за Кристофера Роулингса. Никогда.

Братья власти, или Люциан Морелли, или Преподобный Линч — неважно, чьи грязные руки прикончат меня. Всё, с меня было хватит.

Бедра до сих пор саднило от порезов, а щека горела от жесткой пощечины матери. Задница по-прежнему болела от члена Люциана, а сердце сжималось от долгих лет позора, страха и ненависти к себе. Я была готова.

Я никогда не смогу быть с Люцианом. Мне даже мечтать об этом не надо было. Я никогда не смогу вытащить себя из жизни, которую создала, особенно в окружении людей, которые создали меня.

Сделав глубокий вдох, я спустилась по последнему пролету лестницы и оказалась на вечеринке, оставив мать наверху со скрещенными руками на груди и проклятиями в мой адрес.

У меня был ответ.

В этот раз у меня был ответ для самой себя.

Если Братья власти, или Люциан Морелли, или Преподобный Линч не придут за мной в ближайшее время, я справлюсь сама и сэкономлю их усилия.

С первым проблеском самоуважения, которое позволила себе за долгие годы, я улыбнулась. К черту Братьев власти, и к черту Морелли, к черту целую ораву людей, желавших стать участниками моей кончины.

Мой последний вздох будет принадлежать лишь одному человеку.

Мне.

Мой конец настигнет меня на моих условиях, и это будет скоро.

Очень даже скоро.

Люциан

Это было чуждое мне чувство. Неудача.

Я преуспел в каждой задаче и каждой миссии, которые были брошены на меня в моей жизни. Но не в этот раз. Не тогда, когда нужно было списать Илэйн Константин, как историю.

Мне следовало оставить ее Братьям власти, сосредоточиться на «МореллиХолдингс» и держать под контролем свое положение главы империи Морелли. Следовало прислушаться к клятве, вырезанной на моей ладони, и смириться со своими ролями, как криминальными, так и корпоративными.

Но нет.

Я не мог.

Я даже не потрудился вернуться к городской жизни, просто направился к комплексу семьи Константин и держался со своим шофером на самом безопасном расстоянии, на которое только был способен.

Я снова был дураком, рискуя всем этим ради суки, которую должен презирать. Был зверем, жаждущим маленькой грязной богини и ее невинной души.

Трентон пытался дозвониться мне на мобильный, но избегал звонков этого сукиного сына. Я не хотел иметь с ним ничего общего.

Пытался урезонить себя. Во мне не должно было быть ничего такого, что с радостью не списало бы ее со счетов. Братья власти заберут ее, и это должно наполнить меня радостью. Конфликт между Братьями власти и семьей Константин только отвлек бы и ослабил их обоих, оставив мою семью свободной для процветания и развития. Это должно было вызвать улыбку на моем лице, хитрую и садистскую.

Но нет.

«МореллиХолдингс» и сохранение моего положения в неприкосновенности должно было быть единственным, что имело для меня значение.

Но это было не так.

Симус и Дункан будут ждать в стороне, и я знал это. Знал, что они будут ждать любого предлога, чтобы вмешаться и попытаться посягнуть на мою власть и господство в королевстве Морелли. Опять же, нужно было быть полным решимости отбросить их в сторону и свести их усилия на нет.

Но нет, я был слишком решительно настроен преследовать Илэйн, ее красоту и ее страхи.

Шофер Илэйн покинул резиденцию семьи Константин в воскресенье рано вечером. Только мельчайший проблеск ее подпрыгивающих светлых волос, когда она скользнула в лимузин, заставил мой член затвердеть. Я последовал за ней обратно в город, выскочив из своего лимузина в квартале от ее квартиры, чтобы добраться до нее пешком.

Потом стоял рядом с высоткой и смотрел на окна ее люкса на верхнем этаже, и мне было интересно, что она там делала и как она переживала из-за того, что я разделал ее лондонского придурка.

Я, конечно, винил в этом ее. Винил Илэйн. Винил ее за каждый глупый шаг, который

она сделала в своем собственном хаосе, и за то, что та тащила меня за собой. Я представлял ее широко распахнутые глаза, ее нервную дрожь и жалкий ужас в ее взгляде всякий раз, когда смотрел на нее.

Я хотел большего.

Мой мобильный звонил, но мне было все равно, чтобы даже посмотреть на экран. Мой взгляд был устремлен высоко, наблюдая, как загорался свет в окнах верхнего этажа, когда вечер перешел в сумерки. Я не двигался. У меня не было места, куда мне хотелось бы пойти.

Я не хотел «Буйных радостей» и клубного Дома, полного игр и грязи. Не хотел вызывать невинных маленьких сучек и разрывать их на части из-за своих прихотей.

Я хотел Илэйн Константин. Несмотря на то, что моя ладонь все еще была порезана, умоляя меня сдерживать клятву, я хотел Илэйн Константин.

Это был самый безумный шаг, который я когда-либо делал, когда достал очки из внутреннего кармана пиджака и снял галстук, чтобы расстегнуть несколько верхних пуговиц рубашки. Это была самая рискованная вещь, о которой когда-либо думал — пройти прямо через фойе высотки Илэйн и подойти к стойке охраны с холодной жесткой улыбкой на лице.

— Теренс Кингсли, — сказал я у стойки. — Я здесь, чтобы увидеть Илэйн Константин.

— Теренс Кингсли, — повторила женщина на стойке, когда двое охранников посмотрели в мою сторону. — Она ждет Вас?

— Да, — ответил я. — Пожалуйста, предупредите ее о моем визите, и я поднимусь в ее апартаменты.

Мои действия могли убить меня на месте. Охрана могла убить меня на месте.

Они этого не сделали.

Женщина улыбнулась и набрала номер Илэйн, а я ждал, смертельно хладнокровный, пока женщина говорила.

— К Вам пришел Теренс Кингсли. Он сказал, что Вы его ждете.

Я ждал.

Время, казалось, замерло, пока я ждал.

Вот оно снова, кипящее в глубине души, это запретное гребаное возбуждение, которое воспламенило мое сердце.

Женщина закончила разговор и одарила меня еще одной улыбкой.

— Илэйн сказала, что Вы можете подняться. Она на двадцать девятом этаже.

Интересно.

Интересно и волнующе, до самых чертовых глубин мой души.

— Спасибо, — сказал я и бросил последний взгляд на стол охраны, прежде чем прошел через фойе.

Поездка на лифте была долгой и медленной. Во рту пересохло, когда я вышел на верхнем этаже и направился прямо к входной двери Илэйн Константин. Потом трижды постучал костяшками пальцев, мой кулак все еще был поднят, когда моя хорошенькая маленькая сучка Илэйн открыла.

Она плакала.

Следы слез на ее щеках были свежими.

— Ты сумасшедший, — прошипела она, распахивая дверь. — Какого черта ты здесь делаешь? Ты что, сума сошел, мать твою?

Я молча протиснулся мимо нее, окидывая взглядом роскошь квартиры вокруг меня. Она была огромной, светлой и обезличенной. В ней почти не осталось следов индивидуальности.

— Я здесь, потому что я Теренс гребаный Кингсли, — усмехнулся я ей. — Я здесь, чтобы навестить маленькую проблемную сучку, которая вчера вечером чуть не облажалась в переулке с неудачниками.

Как и ожидалось, ее красивые голубые глаза-блюдца расширились.

— Ты действительно сумасшедший, — снова повторила она. — Тогда ты чуть не убил нас обоих, и это было достаточно глупо, но если бы кто-нибудь хоть на секунду подумал, что ты здесь... сейчас...

Она казалась другой.

Илэйн казалась другой.

Напуганной до совершенно нового уровня. Такого я в ней раньше не видел.

Именно тогда я посмотрел мимо нее на кофейный столик рядом с ее дизайнерским кожаным диваном. Именно тогда увидел смесь снотворных таблеток и других бутылочек с лекарствами, стоявших в ряд рядом с полупустой бутылкой шампанского.

И еще...

Нацарапанное письмо и авторучку, небрежно брошенную сбоку...

Я подошел достаточно близко, чтобы посмотреть, и взял одну из бутылочек. *Диазепам (примеч. Транквилизатор. Препарат обладает седативным, снотворным, противотревожным, и амнестическим действием. Усиливает действие снотворных, наркотических, нейролептических, анальгетических препаратов, алкоголя).* Полная баночка, которую я потряс в руке.

Маленькая фаталистическая сучка.

— Собираешься выйти из игры? — спросил я. — Так вот, как ты планируешь покончить со своей жизнью, чтобы сэкономить силы Братьям власти?

— Это ни хера не связано с Братьями власти, — сказала она глупым, немного гнусавым голосом, скрестив руки на груди. — Я делаю то, что хочу, потому что хочу.

Но она лгала. Как и всегда.

Если бы она действительно — по-настоящему — хотела покончить с собой сегодня вечером, то сказала бы службе безопасности, что в фойе был наследник Морелли, и отбросила бы Теренса Кингсли, как ничто.

Она не хотела убивать себя. Она хотела меня.

Хотела меня с тех пор, как впервые увидела на балу в честь Тинсли Константин.

Мы уставились друг на друга, оба пылая от ненависти и злобы, накопленных поколениями наших семей. Каждый презирали все, за что выступал другой. Мы оба знали, что все, кроме кровной мести между нами, противоречило всему, за что мы выступали, как человеческие существа.

Я должен был рассмеяться ей в лицо и посмотреть, как она покончит с собой, наглотавшись таблеток, и помочь ей отправиться в мир иной.

Но я не сделал ничего. Просто смотрел. Кипящий. Кипящий и жаждущий. Кипящий и нуждающийся.

— Оставь меня, — сказала Илэйн мне, и на этот раз ее глаза вспыхнули новым приступом стыда. — Ты можешь спать сегодня ночью спокойно, зная, что я прощаюсь навсегда. Увидимся позже, придурок.

— Ты жалеющая себя сучка, ты знаешь это? — спросил я. — На самом деле, ты глупая маленькая девочка, которая должна знать лучшее, чем барахтаться в своей собственной яме дерьмового выбора.

— Спасибо за это, — огрызнулась она. — О, я приму к сведению твою мудрость, *Теренс Кингсли*?

Именно тогда Илэйн заметила мою забинтованную руку.

— Что это? — спросила сучка. — Ввязался в драку с каким-то уродом в своей империи преступного мира, не так ли? Большой, плохой Люциан Морелли повредил свою бедную руку? Попал под перекрестный огонь?

Я подошел к ней ближе и вдохнул ее запах.

— Почему ты такая грустная, наглая маленькая сучка? Что делает тебя такой грязной маленькой неудачницей, так сильно жаждущей собственной кончины?

Ее глаза наполнились слезами, хотя челюсти были крепко сжаты.

— Пошел ты, Люциан. Пошел ты и отвали. Я ни хрена не хочу иметь с тобой ничего общего и никогда не хотела.

Я толкнул ее спиной к стене, крепко прижимаясь к ней.

— Такая лгунья, — прорычал я. — Такая грязная маленькая лгунья. Ты не можешь устоять передо мной. Не могла устоять передо мной с того самого момента, как впервые увидела меня на вечеринке твоей унылой сучки-сестры.

— Интересное обвинение, — прошипела Илэйн. — Учитывая, что *ты* стоишь в *моей* квартире, хотя был бы мертв, если бы кто-нибудь хотя бы почувял, что ты здесь.

Я увидел вспышку желаяния в ее глазах, и это было то, что воспламенило меня. То, что всегда зажигало мою кровь.

Это была ее мазохистская потребность в боли. Маленькая девочка, которая хотела страдать от моих рук.

— Серьезно, — прошептала она. — Отвали от меня сейчас же. Тебе не нужно беспокоиться, я собираюсь попрощаться с жизнью. По крайней мере, позволь мне сделать это для себя.

— Ты действительно собираешься устроить себе передозировку из-за долга перед Братями власти?

Она пожала плечами, крепко прижимаясь ко мне всем телом. Ее дыхание касалось моего лица, а глаза все еще были стеклянными. Наполненными болью.

— Я собираюсь устроить себе передозировку, потому что хочу этого. Я покончила со всем этим жалким состоянием своего существования.

Я задрал ее ночную рубашку до бедер и сглотнул, увидев красоту свежих порезов на ее плоти.

— Передозировка была бы такой пустой тратой времени, — сказал я с рычанием. — У тебя слишком красивое тело, чтобы просто проглотить несколько таблеток, чтобы покончить со всем.

— А что не будет пустой тратой? Ты думаешь, я должна изрезать себя на куски на полу в своей гостиной?

И вот тогда я понял это. Превыше всего остального. Единственное, что мне нужно было знать с самого начала, когда впервые увидел женщину в золотом платье и почувствовал ту таинственную, иррациональную паутину желаяния, в которую она меня заманила.

Она не должна была резать себя на куски. *Я* собирался уничтожить ее, по одному крошечному порезу за раз.

— Ты не будешь резать себя, — проговорил я и обхватил ее горло своими руками. — Ты пойдешь со мной сегодня вечером.

Несмотря на то, что ее горло было в моих руках, она сумела подавить усмешку.

— Ты планируешь похитить меня из моей квартиры в центре города, протащить мимо бесчисленных сотрудников службы безопасности прямо на улицу, пока весь мир наблюдает за тобой, не так ли? Удачи с этим.

Нет.

Я ухмыльнулся ей в ответ. Ухмылкой, от которой ее пробрало до костей.

— Я не буду ниоткуда тебя похищать. Ты присоединишься ко мне чертовски охотно. Думай об этом, как о гораздо более интересной форме самоубийства.

Это что-то пробудило в ней, какую-то последнюю вспышку самоуважения в ее маленьком разбитом сердечке.

— Нет! — прошипела Илэйн мне. — Я делаю это для себя. *Этой* собственный последний шанс на собственную судьбу, все остальные могут пойти нахер!

На этот раз она даже не попросила меня трахнуть ее. Ее тело было неподвижно прижато к моему.

И снова это только заставило меня хотеть ее еще больше.

Я поцеловал ее один раз. Глубоко. Покусывая и дергая ее губы своими зубами.

И так сильно прикусил ее нижнюю губу, что она зашипела, хотя ей не хватало воздуха. Отстранившись, я почувствовал во рту вкус ее крови.

Она была чертовски божественна на вкус. Ее кровь, как деликатес, который я страстно желал попробовать все то гребаное время, что гонялся за ней.

— Ты пойдешь, блядь, со мной, — приказал я.

Потом отбросил ее в сторону, и она упала на пол, хватая ртом воздух, когда я освободил ее горло. Затем подошел к столу, не обращая внимания на пузырьки с лекарствами. То, что я хотел, было рядом с ними, нацарапанные остатки письма, которое она писала.

Тристан.

Я должен был догадаться, что в ее последнем прощании будет фигурировать мальчик-слабак.

— Тебе действительно нравится этот парень, не так ли? — спросил я.

— Ты ничего не знаешь о Тристане, — солгала она, и я ухмыльнулся.

— Знаешь, ты ему тоже очень нравишься, — сказал я. — И был готов по-настоящему рискнуть своей шеей, чтобы спасти тебя от моей хватки той ночью. Он не сказал бы мне, где ты, даже если это стоило бы ему жизни.

Илэйн пожала плечами.

— И что? Да, может быть, я действительно ему нравлюсь. Тогда хорошо, что я оставила письмо ему, не так ли?

Я сунул его в карман куртки, и ее глаза расширились от того, как слишком грубо я действовал, чтобы игнорировать меня.

— Он получит от тебя больше, чем прощальное письмо, если ты не присоединишься ко мне позади здания через пятнадцать минут, — проговорил я. — Если ты покончишь здесь с собой, я заберу его жизнь. Если кому-нибудь скажешь, что я был здесь, я обязательно удостоверюсь, что он мертв, прежде чем разыграю драму.

О, эти ее красивые глаза. Расширившиеся еще больше.

— Нет, — сказала она. — Нет. Ты не можешь.

Но да. Да. Это был ответ. Это всегда было ответом. То, что я взял ее, как свою, без выхода и без ограничения было призом, за который я гнался с самого начала, даже не

подозревая об этом.

Она была моей.

Она всегда была моей, с того самого момента, как я увидел ее — женщину в золотом.

— Я буду снаружи, — сказал ей. — В тени справа от парковки, под задним навесом. Ты будешь там через пятнадцать минут.

— Нет, — снова попыталась возразить она, но слабо. Я даже не оглянулся, просто вышел из ее апартаментов и направился к выходу.

Я прошел через здание двери, полное дураков, не знающих об угрозе, нависшей над их миром.

Все еще ухмыляясь, повернул в фойе направо и последовал за указателями на заднюю парковку. Охранники были рядом, я чувствовал их, но не замедлял шага, просто держал голову высоко поднятой. Теренс Кингсли выходил из здания.

А потом я стал ждать.

Я ждал Илэйн Константин в тени со странным гипнотическим трепетом, поднимающимся по моим венам.

Периодически смотрел на часы, так медленно они тикали. Потом смотрел на многоэтажку, считая секунды.

Ожидал. Желал. Планировал.

Планировал все грязные болезненные вещи, которые я собирался сделать с этой хорошенькой маленькой сучкой, когда сделаю ее своей.

Собирался связать ее, заклеить и разорвать на части.

Собирался забрать ее душу, и ее сердце, и ее секреты. Каждый из них, даже самый маленький, пока она не истечет кровью на полу из-за своих грехов и не начнет умолять меня покончить с ее жизнью.

Илэйн Беатрис Константин была моей маленькой девственницей, отдавшей мне каждый вздох.

И вот она. Летящая тень в полумраке.

Когда сучка присоединилась ко мне под навесом, крепко обхватив себя руками за грудь, ее широко раскрытые голубые глаза выглядели еще более испуганными, чем когда-либо.

Она была настороженной. Напуганной.

Идеальной.

— Не причиняй боль Тристану, — сказала она, подходя ближе. — Пожалуйста, не причиняй боль Тристану.

— Тогда тебе лучше быть хорошей маленькой девочкой для дьявола, — проговорил я и взял свою маленькую белокурую куклу за руку.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net